

ISSN 1998-1627

Economics and Management

ЭКОНОМИКА и управление

российский научный журнал | russian scientific journal

**ТЕМА
НОМЕРА**
Т. 28 № 4
2022

**РЫНОК ИПОТЕЧНОГО
КРЕДИТОВАНИЯ В РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ВЫХОДА
ИЗ ПАНДЕМИИ**

Экономика и управление

Редакционная коллегия

Главный редактор
О. Г. СМЕШКО
д-р экон. наук, доцент

Заместитель главного редактора
В. А. КУНИН
д-р экон. наук, доцент

Научные редакторы
В. А. ПЛОТНИКОВ Е. А. ТОРГУНАКОВ С. А. БЕЛОЗЁРОВ
д-р экон. наук, профессор д-р экон. наук, профессор д-р экон. наук, профессор

Руководитель издательско-полиграфического центра
О. В. ЯРЦЕВА

Выпускающий редактор
В. В. САЛИНА

Редактор-корректор
Е. С. ЧУЛКОВА

Перевод
при участии ООО «ЭКО-ВЕКТОР АЙ-ПИ»
<https://www.eco-vector.com>

Верстка
Е. О. ЗВЕРЕВА, М. Ю. ШМЕЛЁВ

Обформление обложки
А. С. ФЕДОРАЕВА
(с использованием материалов:
[Athena], [Laura Tancredi], [Mr Dark_space],
[Victoria Gaidarzh], [Ron Lach], [Darina Belonogova]/Pexels.com)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-67819 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики»
© Все права защищены
ISSN 1998-1627

Издается с 1995 г. Выпускается ежемесячно (12 номеров в год).
Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал
«Экономика и управление» обязательна

Адрес редакции и издательства
Россия, 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 449-08-33
izdat-ime@yandex.ru
<https://emjume.elpub.ru/jour>
Дата выхода в свет: 28.04.2022 г.
Отпечатано в типографии ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП».
198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21. Заказ № 55
Тираж 200 экз. Свободная цена.

Журнал «Экономика и управление» получают по адресной рассылке:
министерства и ведомства РФ, главы администраций субъектов РФ,
Российская академия наук, научные институты, российские и зарубежные
вузы, предприятия, организации и учреждения отраслей народного
хозяйства, краевые, областные и районные библиотеки

Редакционный совет

А. Г. АГАНБЕГЯН
заведующий кафедрой экономической теории и политики
РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

Л. А. АНОСОВА
начальник Отдела - заместитель академика-секретаря
Отделения общественных наук РАН по научно-организационной работе,
д-р экон. наук, проф., почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. БЕРГМАНН
членученого совета Европейской академии наук и искусств,
руководитель рабочей группы «Наука и образование» форума
«Петербургский диалог» с германской стороны, д-р юрид. наук,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Берлин, Германия)

Р. С. ГРИНБЕРГ
научный руководитель Института экономики РАН, д-р экон. наук,
проф., член-корреспондент РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА
заведующий сектором Социологического института РАН,
д-р экон. наук, проф., член-корреспондент РАН, засл. деят. науки РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

В. Л. КВИНТ
руководитель Центра стратегических исследований ИМИСС МГУ
им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой экономической и финансовой
стратегии МШЭ МГУ, д-р экон. наук, проф., иностранный член РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

А. А. КОКОШИН
заведующий кафедрой международной безопасности факультета
мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова,
д-р ист. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. Л. МАКАРОВ
научный руководитель Центрального экономико-математического
института РАН, д-р ф.-м. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. В. ОКРЕПИЛОВ
научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

Б. Н. ПОРФИРЬЕВ
научный руководитель Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

А. Ю. РУМЯНЦЕВА
проректор по научной работе и международной деятельности
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
канд. экон. наук, доц. (Санкт-Петербург, Россия)

В. СТРИЛКОВСКИ
директор Пражского Института повышения квалификации,
д-р экон. наук (Прага, Чешская Республика)

В. А. ЦВЕТКОВ
директор Института проблем рынка РАН,
д-р экон. наук, проф., член-корреспондент РАН (Москва, Россия)

Р. М. ЮСУПОВ
научный руководитель Санкт-Петербургского института
информатики и автоматизации РАН, д-р техн. наук, проф.,
член-корреспондент РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПОД НАУЧНО МЕТОДИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

Российский научный журнал (РНЖ) «Экономика и управление» включен в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал рекомендован экспертными советами по экономическим наукам; управлению, вычислительной технике и информатике

СВЕДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ИЗДАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ, ВКЛЮЧЕНЫ В РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ И БАЗЫ ДАННЫХ ВИННИТИ, ИНИОН РАН И ЕЖЕГОДНО ПУБЛИКУЮТСЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СПРАВОЧНОЙ СИСТЕМЕ ПО ПЕРИОДИЧЕСКИМ И ПРОДОЛЖАЮЩИМСЯ ИЗДАНИЯМ ULRICH'S PERIODICAL DIRECTORY. С 2005 г. СТАТЬИ ЖУРНАЛА ВКЛЮЧАЮТСЯ В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ), ДОСТУПНЫЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПО АДРЕСУ: [HTTP://WWW.ELIBRARY.RU](http://www.elibrary.ru) (НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА).

Ekonomika i upravlenie (Economics and Management)

Editorial Office

Editor-in-Chief

Doctor of Economics, Associate Prof.
O. G. SMESHKO

Deputy Editor

Associate Prof.
V. A. KUNIN

Editor-in-Science

Prof. V. A. PLOTNIKOV, Prof. E. A. TORGUNAKOV,
Prof. S. A. BELOZEROV

Head of Publishing and Printing Center

O. V. YARTSEVA

Managing Editor

V. V. SALINA

Copy Editor

E. S. CHULKOVA

Translation

with the assistance of Eco-Vector Ltd
<http://eco-vector.com>

Mockup

E. O. ZVEREVA, M. Yu. SHMELEV

Cover Design

A.S. FEDORAeva

Photo by

[Athena], [Laura Tancredi], [Mr Dark_space], [Victoria Gaidarzh],
[Ron Lach], [Darina Belonogova]/Pexels.com

Russian Scientific Journal Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media ROSCOMNADZOR ПИ № ФС77-67819 28 nov. 2016. The Russian scientific journal is owned by Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics. Publication Frequency: Monthly

Published since 1995. It is published by Publishing house of Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics. Any correspondence relating to editorial matters should be sent by e-mail to Oleg Smeshko (e-mail: izdat-ime@yandex.ru)

Contact Details:

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia
<https://emjume.elpub.ru/jour>

© Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics
ISSN 1998-1627

The regular readers of Economics and Management are the members of the Russian Academy of Sciences, Heads of Administrations of all levels and areas, State institutions, Research Centers and libraries

Editorial Council

PROF. A. G. AGANBEGYAN

Head of Department of Economic Theory and Politics of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. L. A. ANOSOVA

Head of Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician Secretary of Department of Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

PROF. W. BERGMANN

Member of the Academic Council of the European Academy of Sciences and Arts Letters, Head of the Working Group "Science and Education" of the Forum "Petersburg dialogue" (the German Side), Doctor of Law, (Berlin, Germany)

PROF. R. S. GRINBERG

Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. I. I. ELISEEVA

Head of Department of Sociology Institute of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

PROF. V. L. KVINT

Head of the Center of Strategic Researches of M. V. Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Economic and Financial Strategy of MSU, Foreign member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. A. A. KOKOSHIN

Head of the Department of M. V. Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. V. L. MAKAROV

Scientific Director of Central Institute of Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. V. V. OKREPILOV

Scientific Director of the Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

PROF. B. N. PORFIR'EV

Scientific Director of Economic Forecasting Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ASSOC. PROF. A. YU. RUMYANTSEVA

PhD in Economics, Vice-Rector for Research and International Affairs of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics (St. Petersburg, Russia)

PROF. W. STRIELKOWSKI

Director of the Prague Institute for Qualification Enhancement, PhD (Prague, Czech Republic)

PROF. V. A. TSVETKOV

Director of Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS), Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. R. M. YUSUPOV

Scientific Director of St. Petersburg Institute of Informatics and Automation Control of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

ECONOMICS AND MANAGEMENT IS PUBLISHED UNDER THE GUIDANCE OF DEPARTMENT OF SOCIAL SCIENCES, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**The journal is indexed RISC, listed in the list of HAC
The full text of the journal is placed on EBSCO's Business Source databases**

Содержание

Финансово-кредитная сфера	324	Образование	369
<i>Конягина М. Н., Хашаев А. А.</i> Рынок ипотечного кредитования в России в условиях выхода из пандемии	324	<i>Латкин А. П., Ван Бин.</i> Экспортный потенциал рынка образовательных услуг Приморского края и стратегические пути его использования	369
Мировая экономика	331	<i>Уткина О. Н.</i> Управление подготовкой кадров для сферы услуг молодежного образовательного туризма	377
<i>Дружинин Н. Л., Яковлева Т. А.</i> Сравнение волн модернизации в России и Японии в последние 150 лет (институциональный подход)	331	Научные исследования молодых ученых	388
Менеджмент организации	340	<i>Голубкин А. В.</i> Проблемы и перспективы диверсификации экспорта стран Центральной и Восточной Европы (расчеты на основе эконометрического анализа)	388
<i>Бургонов О. В., Алмазов К. В.</i> Формирование системы сбалансированных показателей для комплексной оценки эффективности системы управления организации	340	<i>Назаренко М. Б.</i> Об оценке прогностического потенциала зарубежной советологии	396
<i>Денисов А. Ф.</i> Феномен креативности и особенности коммуникации с креативными сотрудниками в современных компаниях в условиях пандемии	351	<i>Федорчук К. Д.</i> Особенности государственной поддержки женского предпринимательства в России: барьеры и возможности	404
Математическое моделирование, системный анализ	359	Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление»	414
<i>Баркалая О. Г.</i> Об исследовании конкуренции в задачах оптимального распределения ресурсов	359		

Contents

Finance and Credit	324	Education	369
<i>Mariia N. Koniagina, Alvi A. Khashaev.</i> Mortgage lending market in Russia in terms of exit out of the pandemic	324	<i>Alexander P. Latkin, Wang Bing.</i> Export endowments of the educational services market of the Primorsky Territory and strategic ways of its use.	369
World Economy	331	<i>Oksana N. Utkina.</i> Management of training personnel for the service sector of youth educational tourism.	377
<i>Nikolay L. Druzhinin, Tat'yana A. Yakovleva.</i> Comparison of modernization waves in Russia and Japan over the past 150 years (institutional approach)	331	Scientific Research of Young Scientists . . .	388
Business Management	340	<i>Aleksandr V. Golubkin.</i> Problems and prospects of export diversification of countries of Central and Eastern Europe (calculations based on econometric analysis)	388
<i>Oleg V. Burgonov, Kirill V. Almazov.</i> Developing a balanced scorecard for the comprehensive assessment of the efficiency of corporate management systems	340	<i>Maksim B. Nazarenko.</i> Assessment of the predictive potential of international Sovietology	396
<i>Aleksandr F. Denisov.</i> Phenomenon of creativity and aspects of communication with creative employees in modern companies in a pandemic	351	<i>Kamila D. Fedorchuk.</i> Aspects of state support for women's entrepreneurship in Russia: obstacles and opportunities	404
Mathematical Modeling, System Analysis . .	359	Basic conditions and requirements for research articles submitted to the Russian scientific journal "Economics and Management"	416
<i>Onise G. Barkalaya.</i> Investigating competition in the problems of optimal resource allocation . . .	359		

УДК 336.77

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-324-330>

Рынок ипотечного кредитования в России в условиях выхода из пандемии

Мария Николаевна Колягина^{1✉}, Альви Адланович Хашаев²¹ Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, Санкт-Петербург, Россия, a070278@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1572-6480>² Международный банковский институт имени А. Собчака, Санкт-Петербург, Россия, khashaev@icloud.com

Аннотация

Цель. Обобщить результаты развития рынка ипотечного кредитования в период острой фазы пандемии коронавируса COVID-19 и спрогнозировать его развитие в ближайшей перспективе.

Задачи. Исследовать объём выдачи и темпы прироста ипотечного кредитования в России; изучить динамику совокупного ипотечного портфеля банковской системы Российской Федерации (РФ), а также среднюю стоимость 1 кв. м жилья на первичном и вторичном рынках в условиях пандемии в сочетании с государственной поддержкой; продемонстрировать возможные изменения российского ипотечного рынка в период выхода из пандемии коронавируса COVID-19 и последствия реализации программ государственной поддержки рынка.

Методология. Методологической базой исследования служат общенаучные методы познания: анализ, синтез, обобщение, визуализация и прогнозирование. В частности, авторами проведен анализ показателей рынков ипотечного кредитования и недвижимости, выявлены причинно-следственные связи между государственной поддержкой ипотечного кредитования и изменениями основных параметров рынка недвижимости, прогнозом динамики отдельных его показателей.

Результаты. Представлены основные показатели, характеризующие ипотечное кредитование в России с 2014 г. по настоящее время, в том числе совокупный ипотечный портфель отечественных банков. В процессе исследования описана средняя стоимость 1 кв. м жилья на первичном и вторичном рынках. Авторами статьи спрогнозированы изменения рынка ипотечного кредитования, состояние качества кредитных портфелей банков и тенденции на рынке жилой недвижимости в целом.

Выводы. В условиях пандемии коронавируса COVID-19 в сочетании с государственной поддержкой ипотечное кредитование показало невероятный рост. Однако, по утверждению авторов, грядут значительные изменения, которые будут последствиями такого бурного развития: увеличение просроченной задолженности по ипотечным кредитам, дефицит спроса на построенное и резко подорожавшее жилье. Банки будут вынуждены ужесточать мониторинг ипотечных программ и тщательно отбирать новых заемщиков, обеспечивая их наивысшее качество.

Ключевые слова: ипотека, ипотечный кредит, коммерческий банк, кредитная организация, пандемия, COVID-19, государственная поддержка

Для цитирования: Колягина М. Н., Хашаев А. А. Рынок ипотечного кредитования в России в условиях выхода из пандемии // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 4. С. 324–330. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-324-330>

© Колягина М. Н., Хашаев А. А., 2022

Mortgage lending market in Russia in terms of exit out of the pandemic

Mariia N. Koniagina¹, Alvi A. Khashaev²

¹ St. Petersburg State Marine Technical University, St. Petersburg, Russia, a070278@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1572-6480>

² A. Sobchak International Banking Institute, St. Petersburg, Russia, khashaev@icloud.com

Abstract

Aim. The work aimed to summarize the results of the development of the mortgage lending market during the acute phase of the COVID-19 pandemic and predict its development in the near future.

Tasks. The work was performed to investigate the volume of issuance and growth rates of mortgage lending in Russia; to analyze the dynamics of the total mortgage portfolio of the banking system of the Russian Federation (RF), as well as the average cost of 1 square meter of housing in the primary and secondary markets in a pandemic, combined with government support; demonstrate possible changes in the Russian mortgage market during the exit out of the COVID-19 pandemic and consequences of the implementation of state market support programs.

Methods. The methodological foundation of the study was the general scientific methods of cognition, namely analysis, synthesis, generalization, visualization, and forecasting. In particular, the authors analyzed the indicators of the mortgage lending and real estate markets, identified causal relationships between the state support for mortgage lending and changes in the main parameters of the real estate market, as well as forecasting the dynamics of its individual indicators.

Results. The work presents the main indicators characterizing mortgage lending in Russia from 2014 to the present time, including the aggregate mortgage portfolio of Russian banks. The study describes the average cost of 1 square meter of housing in the primary and secondary markets. The authors of the article predicted changes in the mortgage lending market, the state of the quality of bank loan portfolios and trends in the residential real estate market as a whole.

Conclusion. Under conditions of the COVID-19 pandemic, mortgage lending has shown its incredible growth in association with government support. However, according to the authors, there will be significant changes in the future, which will be the consequences of such a rapid development, namely an increase in overdue indebtedness on mortgage loans, a shortage of demand for built housing which has sharply become expensive. Banks will be forced to tighten monitoring of mortgage programs and select carefully new borrowers, ensuring their highest quality.

Keywords: mortgage, mortgage loan, commercial bank, credit institution, pandemic, COVID-19, government support

For citation: Koniagina M.N., Khashaev A.A. Mortgage lending market in Russia in terms of exit out of the pandemic. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(4):324-330 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-324-330>

В классической теории банковского дела кредитование вместе с депозитным делом и организацией расчетов является одним из основных видов деятельности кредитных организаций. Именно эти операции находятся в первоочередном фокусе внимания регулятора и системы риск-менеджмента банка. В кредитовании на стадии выдачи кредита главным этапом процесса служит оценка кредитоспособности заемщика, что особенно важно, если речь идет о таком длительном виде кредитов, как ипотечные.

В течение 2021 г., в условиях разгара пандемии коронавируса COVID-19, немно-

гие авторы уделяли пристальное внимание ипотечному кредитованию, что было оправданным. Бурное его развитие вызвано искусственно созданными факторами, а последствия в виде роста цен на недвижимость очевидны. Тем не менее ряд авторов однозначно продемонстрировали свои позиции относительно развития рынка ипотечного кредитования 2021 г. Так, полный его анализ представлен Л. П. Бакуменко и И. А. Липатовой [1], а Е. В. Родионова [2] оценивает положительно вклад ипотечных программ 2020–2021 гг. в развитие кредитного рынка в целом.

Рис. 1. Показатели объёма выдач и темпов прироста ипотечного кредитования в России, 2014–2021 гг. [6]
 Fig. 1. Indicators of the volume of loans issued and growth rates of mortgage lending in Russia, 2014–2021 [6]

Кроме того, в литературе дана оценка роли государства на отечественном ипотечном рынке как части рынка недвижимости [3], критически оценен текущий вклад Правительства РФ в программу доступности жилья [4], а также определены факторы регионального неравенства на рынке жилой недвижимости и вклад в это неравенство ипотечного кредитования [5]. Тем не менее мы считаем, что недостаточно внимания уделено ипотечному кредитованию в России. В связи с этим попытаемся исследовать данные вопросы в пределах настоящей статьи.

Операции коммерческих банков в области предоставления ипотечных кредитов способствуют мобилизации и концентрации значительного количества финансовых ресурсов в виде накоплений и сбережений, а также ресурсов, привлеченных через выпуск ипотечных ценных бумаг. Можно мобилизовать и ресурсы, принадлежащие инвесторам. В периоды кризисов важно реализовать меры поддержки ипотечного кредитования, что фактически означает поддержку строительной отрасли — одной из наиболее значимых отраслей народного хозяйства, а также производителей строительного оборудования и материалов.

Изучая практику ипотечного кредитования иностранных государств и российских регионов, можно отметить, что операции ипотечного кредитования связаны как ми-

нимум с четырехкратным мультипликативным эффектом. Данный эффект проявляется следующим образом: за счет каждого рубля, предоставленного в кредит, привлекается в систему хозяйственного оборота не менее четырех рублей финансовых ресурсов, напрямую или косвенно принадлежащих гражданам. Следовательно, можно заключить, что ипотечное кредитование выступает в качестве возможности для вовлечения в хозяйственный оборот значительной суммы денежных средств, сберегаемых населением. Объёмы таких ресурсов можно сопоставить с размерами государственного бюджета.

При обострении экономической ситуации вследствие распространения пандемии коронавируса COVID-19 и введения различных ограничений 2020 год, однако, можно признать периодом рекордно высоких показателей на ипотечном рынке. Этот рекорд выражен в выдаче 1,7 млн ипотечных кредитов, общая сумма которых превысила 4,3 трлн рублей. Это значение превысило показатели 2019 г. на 35 % в количественном выражении, а также на 51 % — в денежном, как видно на рисунке 1.

К наиболее существенным причинам, вызвавшим такой рост на рынке ипотечного кредитования, можно отнести резкое снижение процентных ставок в банках, смягчение денежно-кредитной политики. В апреле 2020 г. запущена государственная антикри-

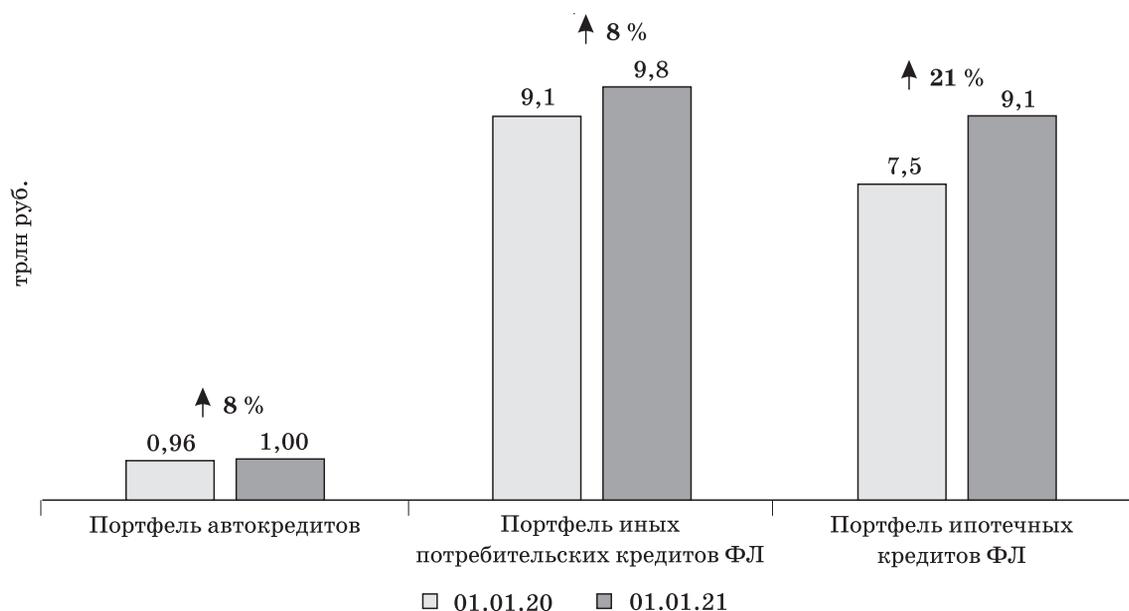

Рис. 2. Показатели кредитных портфелей в России, 2020–2021 гг. [6]
 Fig. 2. Indicators of loan portfolios in Russia, 2020–2021 [6]

зисная льготная программа кредитования для покупки жилой недвижимости в новостройках под 4 %. Затем вклад в рост рынка дополнен увеличением склонности граждан к вложениям средств в недвижимое имущество в качестве главного источника сохранения средств, дополнительного источника доходов, особенно в условиях снижения ставок по вкладам и снижения курса рубля.

В 2020 г. темпы прироста ипотечных портфелей банков существенно возросли. Данный показатель в 2020 г. достиг 21 %, по сравнению с 17 % в 2019 г. Объем совокупной ипотечной задолженности превысил 9 трлн рублей, по данным на 1 января 2021 г. Это позволяет утверждать, что ипотечное кредитование в 2020 г. смогло наверстать потерянные в 2019 г. темпы благодаря низким значениям ставок и государственной поддержке, как показано на рисунке 2.

Однако ситуация представляется неоднозначной. Наблюдалась и негативная тенденция на рынке ипотечного кредитования. Это проявляется в снижении необеспеченного потребительского кредитования по итогам 2020 г. Данная тенденция связана в большей мере с ужесточением требований кредиторов к потенциальному заемщику и смещением заинтересованности банков в предоставлении залогового вида кредитования в условиях распространяющейся пандемии и неопределенности при формировании доходов граждан. Активное сдерживание показателей ипотечного рынка

осуществлялось за счет увеличения стоимости автомобилей, снижения предложения и ассортимента у значительной части автодилеров. Это сокращение обусловлено существенными ограничительными мерами на территории России и мира, в том числе с меньшим распространением государственной поддержки в данной области, нежели в секторе ипотечного кредитования.

К концу 2020 г. средневзвешенная ставка по ипотечным кредитам впервые за всю историю современной России составила менее 7,5 %. Влияние на такое изменение оказано как формированием новой льготной программы кредитования под 4 %, так и введением антикризисных мер для поддержки застройщиков и населения. Низкими ставками удалось создать стимулы ажиотажному спросу на недвижимое жилое имущество. На основании этого происходило увеличение стоимости недвижимого имущества. Наиболее ярко такая тенденция проявилась на первичном рынке, который получил возможность для применения льготной программы под 4 %, как видно на рисунке 3.

Несмотря на то, что на первичном рынке запущена льготная государственная программа, способствовавшая активному приросту количества выданных жилищных ипотечных кредитов на 65 %, происходит незначительное увеличение доли ссуд на приобретение первичного жилья: с 31 % в 2019 г. до 33 % в 2020 г. Такого результата удалось добиться благодаря динамичному росту показателей

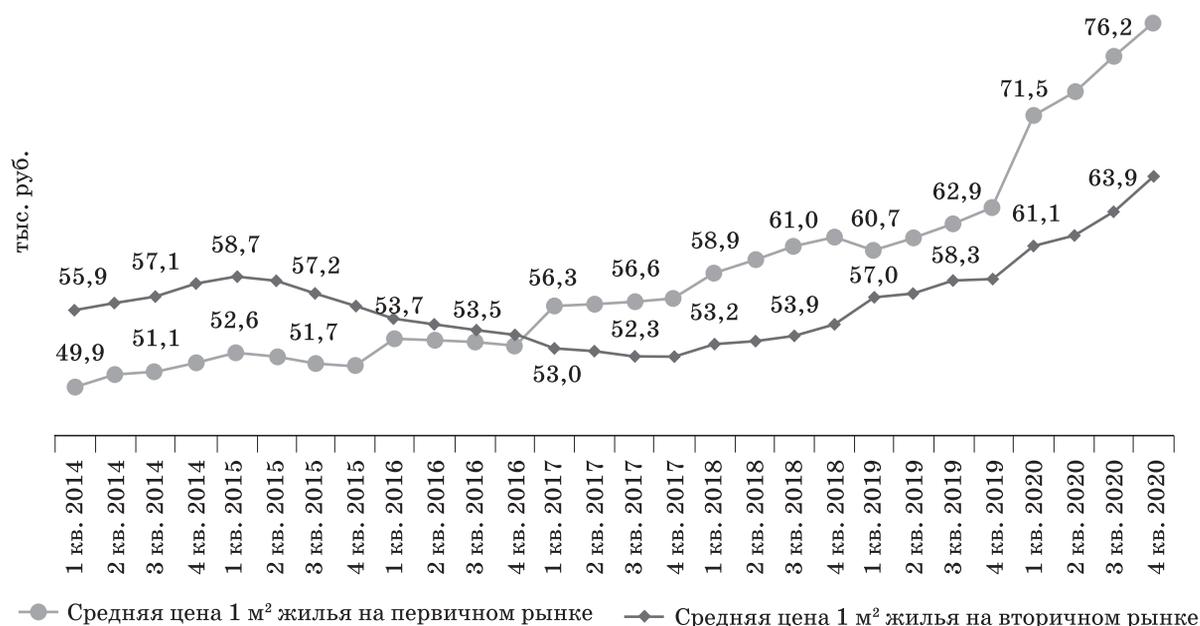

Рис. 3. Показатели средней стоимости 1 кв. м жилья на первичном и вторичном рынках, 2014–2020 гг. [6]
 Fig. 3. Indicators of the average cost of 1 square meter of housing on the primary and secondary markets, 2014–2020 [6]

кредитования в области вторичного сегмента и предоставления кредитов для рефинансирования. Рефинансирование стимулировано уменьшением рыночных ставок.

Далее планируется, полагаем, поддержка заинтересованности клиентов к приобретению первичного жилья через реализацию нового механизма финансирования долевого строительства. Этот механизм способствует увеличению доверия к рынку первичного жилья и постепенной потере активного интереса ко вторичному жилому фонду, а также реализации операций по кредитованию без выхода за рамки государственных программ, которые в основном ориентируются на первичный рынок. Для ограничения спроса на первичное жилье будет установлена высокая планка стоимости такого вида жилья.

Невзирая на рост заинтересованности заемщиков к покупке строящегося жилья при использовании льготной программы, показатели ввода в эксплуатацию жилья в многоквартирных домах по итогам 2020 г. начали снижаться (на 3 %, по сравнению со снижением на 0,5 % по итогам 2019 г.). Общие показатели ввода жилья начали сокращаться (на 1,7 %) в 2020 г., введено 80,6 млн кв. м.

Сегодня активно обсуждают распространение льготной программы «Семейная ипотека». Такие ипотечные кредиты будут представлены для строительства индивидуальных домов. В 2020 г., что было ожидаемым, наблюдалось увеличение спроса на строи-

тельство именно частных домов. Но при этом существенного изменения структуры ипотечных портфелей в пользу частных домов не произошло. Это обусловлено нестандартными параметрами закладываемого имущества и наличием определенных трудностей в проведении его оценки по сравнению с оценкой стоимости готовой квартиры.

В 2020–2021 гг. строительная отрасль активно поддерживается предоставляемыми льготными ипотечными кредитами. За счет этого удалось обеспечить объем спроса, несмотря на увеличение стоимости недвижимого имущества на первичном рынке. Всё это оказало положительное воздействие на показатели финансового состояния девелоперов. Так, на протяжении 2020 г. наблюдалось снижение объемов просроченной задолженности по ипотечным кредитам на 9 % при сокращении доли с 21,3 % до 17,4 %. Застройщики активно адаптировались к введению счетов эскроу, которые помогли обеспечить рост количества выдач ипотечных кредитов для строительных компаний на 196 % в рамках поддержки проектного финансирования. Оправдав себя практика привела к активному увеличению количества ресурсов на счетах эскроу до 1,2 трлн рублей, по сравнению с 148 млрд рублей в 2019 г.

Существенная доля банков, лидировавших в 2020 г. по количеству предоставленных ипотечных кредитов, в 2021 г. продемонстрировала значительный прирост количества

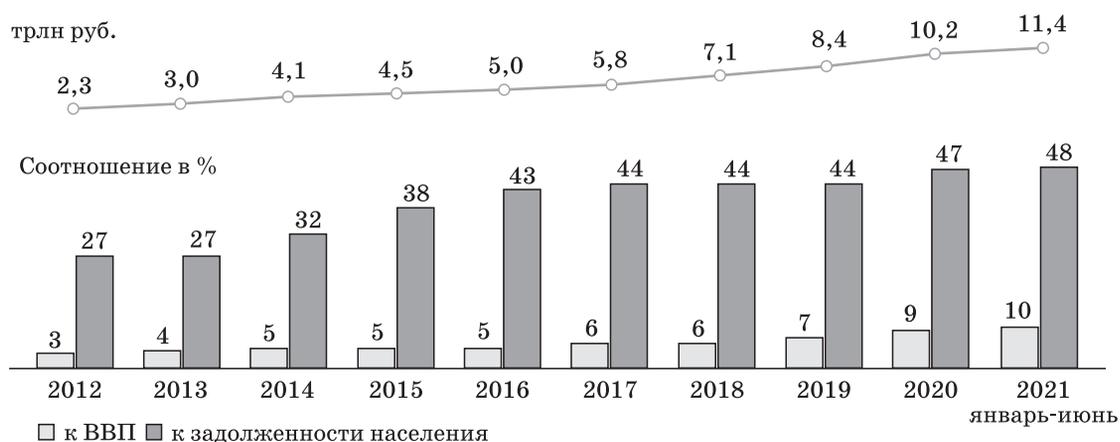

Рис. 4. Динамика совокупного ипотечного портфеля с 2012 по 2021 г. [7]

Fig. 4. Dynamics of the total mortgage portfolio from 2012 to 2021 [7]

выданных ипотечных кредитов. По состоянию на 1 июля 2021 г. портфель ипотечных кредитов (с учетом секьюритизации) возрос до 11,42 трлн рублей, увеличившись за год на 28 %, что отражено на рисунке 4.

Ипотечное кредитование остается одним из самых быстрорастущих сегментов банковского рынка, на 12,5 п.п. опережает темпы прироста других видов кредитования в экономике (без учета ипотечного). Среднее соотношение портфеля ипотечных ссуд к ВВП в России 2021 г. составило 10,5 %. Доля задолженности по ипотечным кредитам в общей задолженности населения в России — менее 50 %, тогда как в развитых странах в структуре задолженности населения доминирует именно ипотека, составляя 70–80 % кредитов населению. Кроме того, в странах с похожей долей семей, проживающих в собственном жилье, потенциальный объем ипотечного портфеля составляет около 15 % ВВП, что соответствует долгосрочному прогнозу развития рынка, определенному в национальном проекте «Жилье и городская среда».

Основываясь на показателях ипотечного кредитования России, полученных по результатам первого полугодия 2021 г., нельзя не обратить внимание на факт увеличения

темпов роста по сравнению с показателями, полученными в аналогичный период 2020 г. Опираясь на статистические сведения, собранные Банком России и АО «ДОМ.РФ» в течение первого полугодия 2021 г., можно отметить, что банки выдали 937 тысяч ипотечных кредитов. Это больше на 44 % по сравнению с данными за первое полугодие 2020 г. (или на 2,7 трлн рублей). Основную часть кредитов выдают во вторичном сегменте на рыночных условиях. Доля первичного рынка в аспекте общего количества выданных ипотечных кредитов сокращается, в январе — июне 2021 г. она составила 25,7 % (в 2020 г. — 27,2 %).

Таким образом, прослеживается тенденция, сопровождающаяся общим ростом ипотечного кредитования, но снижением темпов роста отдельных его сегментов. При этом динамика показателей формировалась под воздействием факторов государственной поддержки, усиливающегося спроса на недвижимость и стремления людей жить за городом. Вероятно, в 2022 г. ситуация кардинально изменится. Полагаем, качество кредитных портфелей, интерес к покупке жилья и общий объем выданных ипотечных кредитов будут снижаться, сопровождаясь дефицитом строительных материалов.

Список источников

1. Бакуменко Л. П., Липатова И. А. Рынок ипотечного кредитования в современной России: многоаспектный подход // Вестник НГУЭУ. 2021. № 4. С. 144–165. DOI: 10.34020/2073-6495-2021-4-144-165
2. Родионова Е. В. Развитие российского рынка кредитных услуг населению в условиях пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2021. № 2 (30). С. 97–107.
3. Нехороших И. Н. Роль государства на рынке недвижимости в России // Регион: системы, экономика, управление. 2021. № 1 (52). С. 27–31. DOI: 10.22394/1997-4469-2021-52-1-27-31

4. Басова Е. А. Доступная ипотека vs доступность жилья. Хотели как лучше, а получилось...? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 113–130. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.7
5. Басова Е. А. Региональное неравенство на рынке жилой недвижимости России: динамика ключевых индикаторов // Beneficium. 2021. № 4 (41). С. 30–39. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.4(41).30-39
6. Щурихина Е., Якушкина К., Сараев А. Итоги 2020-го и прогноз на 2021 год на рынке ипотеки: постковидная диета // Эксперт РА. 2021. 31 марта. URL: https://raexpert.ru/researches/banks/ipoteka_2021/ (дата обращения: 20.01.2022).
7. Ипотека. Обзоры рынка ипотечного кредитования // ДОМ.РФ. URL: <https://дом.рф/analytics/mortgage/> (дата обращения: 25.01.2022).

References

1. Bakumenko L.P., Lipatova I.A. Mortgage lending market in modern Russia: A multidimensional approach. *Vestnik NGUEU = Vestnik NSUEM*. 2021;(4):144-165. (In Russ.). DOI: 10.34020/2073-6495-2021-4-144-165
2. Rodionova E.V. Retail lending market in Russia in the context of COVID-19 pandemic. *Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta = Actual Problems of Economics and Management*. 2021;(2):97-107. (In Russ.).
3. Nekhoroshikh I.N. The role of the state in the real estate market in Russia. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*. 2021;(1):27-31. (In Russ.). DOI: 10.22394/1997-4469-2021-52-1-27-31
4. Basova E.A. Mortgage availability vs. availability of housing. We wanted the best, but it turned out...? *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(4):113-130. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.7
5. Basova E.A. Regional inequality on the residential property market in Russia: Dynamics of key indicators. *Beneficium*. 2021;(4):30-39. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.4(41).30-39
6. Shchurikhina E., Yakushkina K., Saraev A. Results of 2020 and forecast for 2021 in the mortgage market: Post-COVID diet. Expert RA. Mar. 31, 2021. URL: https://raexpert.ru/researches/banks/ipoteka_2021/ (accessed on 20.01.2022). (In Russ.).
7. Mortgage. Mortgage lending market reviews. DOM.RF. URL: <https://дом.рф/analytics/mortgage/> (accessed on 25.01.2022). (In Russ.).

Сведения об авторах

Конягина Мария Николаевна

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики судостроительной промышленности

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

190121, Санкт-Петербург, Лощманская ул., д. 3

Альви Адланович Хашаев

старший преподаватель кафедры банковского бизнеса и информационных финансовых технологий

Международный банковский институт имени А. Собчака

191023, Санкт-Петербург, Невский пр., д. 60

Поступила в редакцию 14.03.2022
 Пройшла рецензирование 19.04.2022
 Подписана в печать 22.04.2022

Information about Authors

Mariia N. Koniagina

DSci, PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Department of the Shipbuilding Industry Economy

St. Petersburg State Marine Technical University

3 Lotsmanskaya Str., St. Petersburg 190121, Russia

Alvi A. Khashaev

Senior Lecturer of the Department of Banking Business and Information Financial Technologies

A. Sobchak International Banking Institute

60 Nevskiy Ave., St. Petersburg 191023, Russia

Received 14.03.2022
 Revised 19.04.2022
 Accepted 22.04.2022

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

УДК 330.3:316.422

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-331-339>

Сравнение волн модернизации в России и Японии в последние 150 лет (институциональный подход)

Николай Львович Дружинин^{1✉}, Татьяна Анатольевна Яковлева²

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ osaka7@mail.ru[✉]

² t.yakovleva@spbacu.ru

Аннотация

Цель. Структурировать основные элементы политики модернизации и провести сравнительный институциональный анализ практики проведения модернизации в России и Японии.

Задачи. Определить общее и различное в стратегии проведения модернизации российскими и японскими властями; раскрыть причины успеха осуществляемой политики и установить причины неудач на пути попыток проведения модернизации.

Методология. С помощью общих методов научного познания, а также с использованием институционального подхода к анализу экономических процессов рассмотрена политика модернизации в России и Японии за последние полтора века.

Результаты. Несмотря на то, что между волнами модернизации в России и Японии прослеживается определенная связь и просматривается некоторая схожесть, истоки, движущие силы и, главное, результаты процессов модернизации в указанных странах имеют существенные различия. Преимущество японских реформаторов заключается в традиционно присущей японцам способности приспособлять самые разные институты для решения неотложных задач развития нации. Особенностью российских волн модернизации стала их масштабность, сопровождавшаяся радикальной перестройкой базовых институтов. Из этого проистекали как выдающиеся успехи и результативность реформ, так и их затратность, незавершенность, порождавшая волны контрреформ.

Выводы. Изучение и сравнение волн модернизации в России и Японии позволяет не только выявить национальную специфику проблем реформирования общества, но и сформировать представление о факторах, обеспечивающих благоприятные результаты процесса модернизации. Важное место среди таких факторов занимают институциональные реформы, критерием успеха которых выступает способность адаптировать традиционные институты общества к продуктивной работе в новых условиях.

Ключевые слова: экономические реформы, модернизация, японское экономическое чудо, индустриализация, экономический рост, институциональные изменения, транзакционные издержки

Для цитирования: Дружинин Н. Л., Яковлева Т. А. Сравнение волн модернизации в России и Японии в последние 150 лет (институциональный подход) // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 4. С. 331–339. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-331-339>

Comparison of modernization waves in Russia and Japan over the past 150 years (institutional approach)

Nikolay L. Druzhinin^{1✉}, Tat'yana A. Yakovleva²

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ osaka7@mail.ru

² t.yakovleva@spbacu.ru

Abstract

Aim. The presented study aims to structure the major elements of modernization policy and to conduct a comparative institutional analysis of modernization practices in Russia and Japan.

Tasks. The authors identify common and different elements in the modernization strategies adopted by Russian and Japanese authorities; determine the reasons for the success of the implemented policy and the reasons for failed modernization attempts.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition and the institutional approach to analyze economic processes and examine the modernization policy in Russia and Japan over the past century and a half.

Results. Despite a certain connection and some similarities between modernization waves in Russia and Japan, the origins, driving forces, and, most importantly, the results of modernization processes in these countries have significant differences. Japanese reformers have the advantage of the inherently Japanese ability to adapt a variety of institutions to solve the urgent tasks of national development. The peculiarity of Russian modernization waves was their scale, along with a radical restructuring of basic institutions. This resulted in both the outstanding success and effectiveness of the reforms as well as their cost and incompleteness, which generated waves of counter-reforms.

Conclusion. By studying and comparing modernization waves in Russia and Japan, it is possible to identify the national specifics of problems associated with social reforms and factors that ensure favorable results of the modernization process. Institutional reforms play an important role among such factors. A criterion of their success is the ability to adapt traditional institutions to productive work in new conditions.

Keywords: economic reforms, modernization, Japanese economic miracle, industrialization, economic growth, institutional changes, transaction costs

For citation: Druzhinin N.L., Yakovleva T.A. Comparison of modernization waves in Russia and Japan over the past 150 years (institutional approach). *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(4): 331-339 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-331-339>

Введение

Рассматривая модернизацию в России и в Японии за последние полтора столетия, можно отметить, что такого рода исторические процессы имели немало общих черт, позволяющих проводить параллели, сравнивать причины и последствия данных трансформаций. Это необходимо делать с целью более точного анализа выбранного сценария развития и выявления причин отклонения имеющейся траектории развития от намеченной. Зачастую у реформаторов, авторов программ модернизации отсутствует возможность сравнить их результаты с аналогичными про-

цессами в других странах, поскольку эти трансформации происходят в значительной степени синхронно. Поэтому масштабные сопоставления становятся возможными не сразу. С течением времени у исследователей появляется такая возможность, и становится реальным проанализировать итоги этих исторических сдвигов с точки зрения сопоставления предпринятых усилий и полученных результатов.

Разумеется, процессы модернизации в России и в Японии заключали в себе существенные различия, и именно они в итоге привели указанные страны к разным позициям. Становится понятным, что сравнение настолько сложных и разноплано-

вых явлений носит в значительной степени условный характер. Тем не менее в целях сравнительного анализа мы можем уяснить, что выступало в качестве импульса для начала модернизации, что становилось ее движущей силой и что, в свою очередь, ограничивало возможности, сдерживало полноценное развитие процесса в данных государствах. Ответив на перечисленные вопросы, мы сможем определить и общую основу этих трансформаций, и значимые страновые особенности.

Важно понять, какие препятствия возникали на пути модернизации, что тормозило, блокировало ее осуществление, что порождало новую волну модернизации. Без ответа на эти вопросы невозможно исследовать институциональную среду общества и ее динамику, сложно объяснить, почему в одной стране тот или иной институт смог раскрыться и сыграть положительную роль в процессе развития, а в другой — аналогичный институт, разумеется, со своей спецификой, сыграл негативную роль в процессе общественного развития. Рассмотрение поставленных вопросов составляет основу предлагаемого исследования.

Методологическим средством для проведения настоящего историко-экономического анализа стал институциональный подход. Основная цель его применения заключалась в том, чтобы сравнить направленность воздействия на процессы модернизации тех или иных институтов. Институты могут как сдерживать развитие страны, так и способствовать ее процветанию [1]. Не секрет, что повседневная организация жизни общества в большинстве случаев полна противоречий. Модернизация в этом смысле является средством гармонизации отношений, исправления ситуации в нужном ключе, поскольку «модернизация — политически ангажированный проект развития, использующий эффективные институциональные преобразования для решения актуальных проблем этого развития в наличных специфических социально-исторических условиях» [2, с. 35].

На протяжении истории практически постоянно волнообразно происходит создание новых институтов, изменение, совершенствование имеющихся, что призвано улучшить «правила игры» и внести в общественную жизнь больший порядок, большую эффективность. То, насколько это удалось сделать, определяет степень

успешности проводимой модернизации. Неудачные шаги в области институционального строительства предопределяют причины не улучшения, а осложнения общественных отношений, становятся источником возникающих трудностей, во многом формируют предпосылки для нового витка проблем.

Это приводит к так называемым контрреформам, откату, отмене неудачных нововведений, по сути, исправлению ошибок и попыткам организовать новые институты, что характеризует очередную волну модернизации. Если общество переживает период контрреформ — это результат деятельности предыдущих реформаторов, итог работы которых оказался слабым и неубедительным.

Первая волна: преобразования эпохи Мэйдзи в Японии и отмена крепостного права в России

Япония — страна, очень динамично развивающаяся в последние полтора столетия. Она смогла стать образцом эффективной модели догоняющего развития, доказав миру, что заимствование западных технологий в промышленности и западных институтов в общественно-политической жизни можно успешно сочетать с национальной спецификой. В Японии в последние полтора века модернизация происходила в несколько этапов, достигая при этом всё новых вершин.

Сначала, в конце XIX — начале XX в., произошла так называемая реставрация Мэйдзи — первый и, пожалуй, самый мощный рывок. Страна кардинально обновилась и усилилась за тридцать лет. О степени ее могущества можно судить хотя бы по исходу Русско-японской войны 1904–1905 гг. Япония преобразилась: она активно заимствовала экономические и социальные достижения передовых стран мира, проводила необходимые реформы, придерживалась активной внешнеполитической линии, пришедшей на смену политике изоляции. Немало средств израсходовано на военные приготовления.

Это связано с тем, что требовалось создание мощного военно-промышленного комплекса в условиях экономического и территориального раздела мира. Причем целью такого усиления было поначалу желание не столько создать великую империю, сколько

стремление Японии избежать участи Китая, Индии и множества других стран, ставших колониями и полуколониями более могущественных западных держав. Фактически модернизация была средством выживания нации, необходимым условием приспособления к изменившимся условиям мирового порядка, поскольку в течение длительного времени проводившаяся мирная политика самоизоляции страны перестала быть эффективной [3].

В России важнейшим толчком для начала новой волны модернизации, позволившей стране вступить на капиталистические рельсы развития, стало историческое освобождение от крепостной зависимости 1861 г. С разрушением общинных отношений началось более активное освоение внутренних просторов России, города получили приток рабочей силы, последовал мощный рост экономики. Реформы были действенными, но не окончены в полной мере. В России начала XX в., как известно, революционные преобразования и модернизация страны шли в неразрывной связке, судьба второго крупнейшего реформатора страны П. А. Столыпина оказалась такой же трагической, как и первого — императора Александра II (Освободителя). Данные факты свидетельствуют о том, с какими сложностями сталкивались новые институты и их создатели. Несмотря на очевидные успехи, достигнутые в экономике России к 1913 г., в стране существовал запрос на гораздо более радикальную модернизацию, связанную с революцией и коренным переустройством всего общества.

Выход на новую орбиту экономического и политического развития в России того времени рассматривали посредством свержения монархического строя, который революционеры воспринимали как очевидный и неререформируемый тормоз общественного развития. В Японии также существовал и продолжает существовать институт императорской власти. Однако подход к коренному обновлению общества был принципиально иным. В Японии этот институт не только был сохранен, но и превращен в драйвер, источник обновления общественных отношений. То, что в указанном государстве институт императорской власти был и остается не тормозом, а помощником в деле модернизации страны, подчеркивает его реальную ценность для японского общества и говорит о том, что

методы проведения модернизации в двух странах были в этом вопросе диаметрально противоположными.

Вторая волна модернизации: милитаризация экономики в Японии, индустриализация в СССР

Очередной этап модернизации Японии произошел в предвоенные 1930-е гг. и продолжался в военные годы, в начале 1940-х гг. На деле это было логичным и последовательным продолжением политики модернизации эпохи Мэйдзи. Япония окончательно сформировалась как Японская империя, она смогла захватить обширные территории. Милитаристические ее устремления в указанный период, подкрепленные соответствующей идеологией и мощным военно-промышленным комплексом, достигли максимального развития и настолько оторвались от реальности, что в итоге вылились в развязывание военной агрессии против Китая, колонизацию ряда стран Юго-Восточной Азии, катастрофичное по своим последствиям нападение на США в Перл-Харборе в декабре 1941 г.

Проблема заключалась в том, что именно путем агрессивной экспансии и новых территориальных завоеваний японцы пытались закрепить свое преимущество, полученное в ходе модернизации. Однако не только Япония умножила силы в ходе этого процесса. США и СССР тоже не стояли на месте, что сыграло существенную роль в дальнейшем.

В Советском Союзе в это время происходили процессы усиления руководящей роли государства. Значение координирующей функции правительства в советской экономике начало принимать всеобъемлющий характер, что вытекало из самой природы вновь возникшего социалистического государства. В стране было развернуто пятилетнее планирование, создана уникальная система административного управления экономикой. Проведенные в СССР коллективизация и индустриализация нацелены на коренную перестройку государства в условиях предстоящего военного противостояния. В отличие от Японии, в СССР после НЭПа фактически отсутствовал частнокапиталистический сектор. Поэтому вся нагрузка в деле модернизации возлагалась на государственные органы управления и государственные

предприятия. Стимулировать участников к новаторству и участию в проводимых реформах были призваны, помимо традиционных материально-денежных средств, идеологическая поддержка, соцсоревнование, а также строгое следование плановым заданиям.

В Японии частная инициатива и стремление к прибыли не подлежали критике, они оставались базой для развития. Однако, несмотря на то, что в довоенные годы бизнес активно развивался, происходило освоение новых возможностей, накапливалась финансовая и технологическая базы, а государство стремилось всемерно помогать предпринимателям, общее направление развития экономики всё-таки находилось под идеологической и политической властью милитаристски настроенных элит. Это нацеливало развитие крупных многоцелевых концернов — дзайбацу — в соответствующем направлении, превращая их в мощнейшие финансово-промышленные флагманы, помогавшие государству проводить активную военно-политическую линию (в чем в итоге они обвинены в 1945 г., а также подверглись послевоенным санкциям).

В Советском Союзе экономика базировалась на крупных объединениях предприятий, степень монополизации и милитаризации были очень высокими. Загрузка всех производственных мощностей, использование самого современного импортного оборудования, поиск средств рационального использования ресурсов, совершенствование технологий и активное внедрение достижений научно-технического прогресса — всё это было характерно для советской экономики и обеспечивало высокие темпы экономического роста. СССР вышел победителем во Второй мировой войне, получив преимущество в развитии. Однако понесенный за годы войны ущерб был колоссальным. Фактически речь шла о новом вызове. Страна должна была восстанавливаться и модернизироваться уже в новых послевоенных условиях.

Третья волна модернизации: послевоенное обновление Японии, развитой социализм в СССР и либерально-рыночные реформы современной России

В Японии в послевоенный период, во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.,

происходит еще одна мощнейшая волна модернизации, которая сформировала нынешний облик Страны восходящего солнца как передовой, демократической, рыночно ориентированной техногенной державы.

Метаморфоза, произошедшая в японском обществе во второй половине 1940-х гг., может показаться удивительной. Произошла тотальная перестройка и перенастройка множества общественных, политических и экономических институтов, включая институт императорской власти, практику корпоративного управления, методику формирования государственного бюджета, институт частной собственности на землю и т. д. В послевоенные годы в Японии проведены аграрная, трудовая, финансовая реформы, которые сыграли важную роль в последующем экономическом возрождении страны. К примеру, финансовая реформа 1949 г., ставшая ключевым событием предстоящей модернизации в указанном государстве, ознаменовала остановку обесценения иены по отношению к доллару, что позволило японским предприятиям и коммерческим банкам начать планомерную работу по восстановлению и наращиванию своих позиций в стабильной, предсказуемой обстановке. С тех пор курс иены в основном укреплялся вплоть до настоящего времени. Данное обстоятельство положительно сказывалось на процентных ставках по кредитам, которые были вполне доступны.

Анализируя все эти процессы, можно предположить, что иностранный капитал действительно помог Японии в проведении модернизации. Это было политическим жестом в условиях холодной войны, Япония стала «непотопляемым авианосцем» и важнейшим партнером США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако американское участие было лишь одной составляющей успеха. Суть другого значимого фактора состояла в том, что японское общество само по себе было готово к напряженной работе, активному использованию достижений научно-технического прогресса, развитию экспортного потенциала в колоссальных масштабах и тотальному обновлению страны. Оно созрело для восприятия открывшихся возможностей, осознавало их ценность и использовало их не в деструктивном плане, не для решения личных или узкоклановых проблем, а для общего развития производства, создания экспортного потенциала,

роста производительности труда, повышения уровня жизни. При этом модернизация в Японии строилась не на слепом заимствовании и отрицании собственных традиций, «качественный скачок достигался на основе обновления традиций, а не их отрицания» [4, с. 10].

В Японии после экономических реформ наступили два десятилетия бурного экономического роста — 1950–1960-е гг. — знаменитое японское экономическое чудо. В результате мир оказался наводненным множеством качественных высокотехнологичных потребительских товаров. Впоследствии Стране восходящего солнца удалось развить успех послевоенного возрождения и достичь апогея своей модернизации в 1980-х гг. Но постепенно в Японии начали нарастать структурные диспропорции, усилилась несбалансированность экономической системы, возник перегрев экономики. Такой бурный рост японской экономики оказался чрезмерным и получил название экономики «мыльного пузыря», после образования которого произошел сильный спад. Прежде всего речь идет об обвале цен на недвижимость и котировках на фондовом рынке (индекс токийской биржи *NIKKEI 225* до сих пор, то есть уже в течение 30 лет, не может даже близко подойти к достигнутым в указанный период значениям).

Размышляя о послевоенной волне модернизации в СССР, необходимо обратить внимание на то, что развитие советской экономики было динамичным, страна восстановлена в кратчайшие сроки, достигнуты военный паритет с США и колоссальные успехи в научной сфере, осуществлен выход в космос, реализован план всестороннего развития социальной сферы. Как известно, после окончания Второй мировой войны между СССР и странами Запада возникло острейшее военно-политическое противостояние, которое перешло в длительную холодную войну. Для нашей страны это означало то, что послевоенную модернизацию необходимо проводить на основе нового военного обновления, втягивания в гонку вооружений с мощным соперником [5].

Проводить модернизацию в таких условиях было сложно. Вместе с тем военная необходимость способствовала щедрым государственным заказам, стимулировала беспрецедентные прорывы в научных ис-

следованиях, обуславливала создание новых предприятий и целых отраслей промышленности. Это обеспечило в конечном счете выдающийся успех модернизации и выдвигание СССР в 1960-х гг. в целом ряде направлений на передовые позиции в мире.

Наряду с очевидными достижениями с течением времени стало наблюдаться постепенное усиление экономических проблем в Советском Союзе. Они возникли в отраслях, ориентированных на производство товаров широкого потребления. Началось и стало стремительно нарастать в 1980-х гг. отставание СССР от Запада по этим направлениям. Одновременно обострились внутривнутриполитические проблемы, усилились кризисные явления в сформировавшейся к тому времени мировой социалистической системе. Во многом это стало результатом неспособности провести вовремя очередную волну обновления производственных отношений, которую пытались начать при А. Н. Косыгине в конце 1960-х гг. О реформах очень много говорили в 1970-х гг. и, наконец, начали, но не слишком удачно, в 1980-х гг. Речь идет о перестройке, политике обновления, ускорении. Таким образом, третья волна модернизации, зарождавшаяся в недрах советского государства в 70–80-х гг., получила логичное продолжение с большим запозданием уже в начале 1990-х гг., проходя под лозунгом перехода к свободным рыночным отношениям.

Стремительная и потрясающая основы модернизация устранила множество преград для развития страны, но, что не раз происходило раньше, она сопровождалась негативными и очень обременительными побочными явлениями. Поэтому отношение к либерально-рыночному обновлению в России остается неоднозначным, противоречивым и его текущие итоги. Очевиден тот факт, что они могли бы быть гораздо весомее, учитывая потенциал России и сравнивая итоги модернизации с аналогичными показателями других стран, в частности Японии и особенно Китая.

Провести успешное обновление без эффективно действующей системы институтов оказалось затруднительным. Фактически в России третий этап модернизации стал отрицанием второго этапа, попыткой осуществить чуть ли не полную переделку хозяйственного механизма, невзирая на имев-

шийся в прошлом положительный опыт и ценные наработки. В Японии же успех третьей волны модернизации вызревал в недрах второй волны, а размах демонтажа прежних институтов был гораздо меньше. В итоге основная энергия модернизации в послевоенной Японии направлена в созидательное, а не разрушительное русло. Сказалось главное различие в подходах Японии и России к процессу реформирования: японцы делают упор на постепенном, эволюционном методе, при котором сохраняются старые традиции и формы работы; россияне же предпочитают быстрые, коренные, революционные изменения, зачастую отрицающие старые институты.

В начале 2000-х гг. основной задачей государства стало преодоление негативных последствий реформ 1990-х гг. Потребовались новые подходы для достижения первоначальной цели — проведения модернизации, а также набор значимых реформ, реализовать которые пока не удавалось [6]. Относительная стабилизация курса рубля и снижение уровня инфляции позволили на фоне благоприятной внешней конъюнктуры достичь немалых экономических результатов и продолжить процесс модернизации в России.

Сравнение волн модернизации в России и Японии, подведение итогов

Процессы модернизации в России и Японии были результатом уникального сочетания факторов, и в этом смысле они несравнимы. Вместе с тем в обеих странах действовали схожие универсальные институты, которые призваны решать схожие задачи. Но подходы к достижению поставленных целей были разными, соответственно, и траектории последующего развития существенно расходились. Разные результаты модернизации в Японии и России во многом связаны с различиями в процессе проведения экономических и политических реформ, а также с несхожестью первоначальных импульсов для их запуска. Представляется, что импульсы для начала проведения модернизации в Японии и России были принципиально разными.

Сравнивая волны модернизации государств, исследуемых в настоящей статье, можно утверждать, что Япония имела полтора столетия назад скромные стартовые позиции. Несмотря на это, нынешние ее

успехи, достигнутый ею уровень социально-экономического и технологического развития объективно выглядят впечатляющими. Имея крайне ограниченные природные ресурсы, Япония смогла добиться выдающихся результатов, благодаря высокоэффективным институциональным реформам, умению получать максимальный эффект от работы своих институтов, будь то институт императорской власти или профсоюзы, институт земельной собственности или производственные кружки качества.

Успех послевоенной японской модернизации в этой связи определялся не столько тем, что соответствующие новации, такие как пожизненный наём или система «точно вовремя» (*just in time*), изобретены и применены в массовом масштабе (они существовали и в других странах), а в том, что «они оказались не обремененными высокими транзакционными издержками, не слишком затратными, то есть жизнеспособными в конкретных институциональных условиях в длительной перспективе» [7, с. 122]. Иными словами, успех японской модернизации заключался в умении доводить до совершенства многие институциональные конструкции, извлекать из них максимально возможную пользу.

Реформы в России, нацеленные на опережающую модернизацию страны, были прогрессивными по своей сути, они также оказывались эффективными, хотя базировались на иных принципах и использовали на разных этапах иные методы, например, социалистическое планирование (пятилетки), соцсоревнование, борьбу за качество, ускорение. Проведение реформ позволило России за полтора столетия совершить гигантский рывок в развитии, добиться поистине уникальных результатов. В то же время для любых реформ обычно характерным является то, что они, как правило, обременены побочными эффектами, которые их существенно тормозят и уменьшают положительный эффект. Именно это открывает дорогу новым волнам модернизации, призванным устранить прежние просчеты.

Российские волны модернизации, как правило, обладали мощным импульсом и могли рассчитывать на щедрую государственную поддержку. Но далеко не всегда применяли все возможности, которые были в стране, не всегда оказывался задействи-

ванным и тот гигантский потенциал, объективно присутствовавший. Зачастую реформы сопровождались слишком высокими издержками. Применительно к нынешней российской модернизации можно отметить, что для получения максимального эффекта рыночных преобразований, на которые брошены все силы и потрачены немалые ресурсы государства в последние десятилетия, соответствующие идеи должны быть восприняты обществом как средство экономического развития, а их осуществление должно быть увязано со снижением транзакционных издержек, рационализацией хозяйственных связей, повышением общей эффективности производства и, главное, с возникновением необходимого набора институтов. Именно это, полагаем, позволит достичь успехов на пути модернизации в России.

Если же реформы имеют обратные, негативные для развития страны последствия, необходим пересмотр подходов и институтов, которые появились в результате реформ, с целью повышения их эффективности. Без этого невозможно достичь социального консенсуса, способного обеспечить широкую социальную базу преобразований, и получить необходимую поддержку всех слоев населения. Если продвижение реформ сопряжено с ухудшением положения дел в бизнесе, провалами в финансировании социальной сферы, сокращением научных исследований и нарастающим технологическим отставанием, можно констатировать фактическое отсутствие модернизации на данном этапе и формирование условий для неминуемого зарождения новой волны модернизации, которая сможет, наконец, преодолеть имеющиеся институциональные сложности.

Список источников

1. North D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
2. Дискин И. Кризис... И всё же модернизация: монография. М.: Европа, 2009. 264 с.
3. Дружинин Н. Л. Япония: экономическое чудо. СПб.: Питер, 2003. 267 с.
4. Жуков А. Е. Консерватизм и традиционализм в современной Японии // Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М.: Восточная литература, 2000. С. 7–19.
5. Ясин Е. Г. Модернизация экономики и система ценностей. М.: ИД Высшей школы экономики, 2003. 81 с.
6. Клейнер Г. Б. Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 4–27. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-10-4-27
7. Дружинин Н. Л. Влияние институциональной среды на организацию корпоративного управления (на примере Японии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2006. № 2. С. 121–132.

References

1. North D.C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 152 p.
2. Diskin I. *Crisis ... And yet modernization*. Moscow: Evropa; 2009. 264 p. (In Russ.).
3. Druzhinin N.L. *Japan: Economic miracle*. St. Petersburg: Piter; 2003. 267 p. (In Russ.).
4. Zhukov A.E. *Conservatism and traditionalism in modern Japan*. In: *Japan 2000: Conservatism and traditionalism*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2000:7-19. (In Russ.).
5. Yasin E.G. *Modernization of the economy and the system of values*. Moscow: NRU HSE; 2003. 81 p. (In Russ.).
6. Kleiner G. *What kind of economy does Russia need and for what purpose? (an attempt of system analysis)*. *Voprosy ekonomiki*. 2013;(10):4-27. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2013-10-4-27
7. Druzhinin N.L. *Institutional impact on the corporate governance (in Japan)*. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = St Petersburg University Journal of Economic Studies (SUJES)*. 2006;(2):121-132. (In Russ.).

Сведения об авторах

Николай Львович Дружинин

доктор экономических наук, профессор кафедры международных финансов и бухгалтерского учета

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Татьяна Анатольевна Яковлева

кандидат экономических наук, доцент кафедры международных финансов и бухгалтерского учета

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Поступила в редакцию 11.02.2022
Прошла рецензирование 14.03.2022
Подписана в печать 22.04.2022

Information about Authors

Nikolay L. Druzhinin

DSci, PhD in Economics, Professor of the Department of International Finance and Accounting

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia

Tat'yana A. Yakovleva

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of International Finance and Accounting

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia

Received 11.02.2022
Revised 14.03.2022
Accepted 22.04.2022

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

УДК 658.5

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-340-350>

Формирование системы сбалансированных показателей для комплексной оценки эффективности системы управления организации

Олег Викторович Бургонов^{1, 2✉}, Кирилл Вячеславович Алмазов¹

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, masroesonom@yandex.ru[✉], almaz_95@mail.ru

² Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Цель. Определить методические подходы к адаптации системы сбалансированных показателей для оценки эффективности деятельности нефтегазодобывающих предприятий топливно-энергетического комплекса Российской Федерации, предложить подходы к ее совершенствованию, рассмотреть институты и инструменты, которые могут способствовать повышению уровня управления компаниями в условиях цифровизации экономики.

Задачи. Охарактеризовать миссию и стратегические цели предприятий нефтегазовой отрасли; сформировать ключевые показатели эффективности по каждому направлению деятельности; выделить стратегические инициативы для достижения целей; проанализировать причинно-следственные связи и предложить стратегическую карту вертикально интегрированной компании, способствующей повышению эффективности управления и конкурентоспособности предприятий в соответствии с отраслевой принадлежностью.

Методология. В качестве методологического инструментария применены абстрагирование и агрегирование, исторический анализ и синтез, индукция и дедукция, системный и структурный подходы.

Результаты. Авторами получен управленческий инструмент, который связывает между собой показатели разных направлений (финансовых, производственных, технических, социальных), учитывает специфику отрасли и повышает уровень информатизации для процесса принятия стратегических менеджерских решений. Доказано, что оценку эффективности управления бизнесом в условиях цифровизации экономики следует рассматривать не только через *KPI*, но и с применением в рамках комплексного подхода расширенных критериев и показателей на различных уровнях управления.

Выводы. Эффективное управление вертикально-интегрированными компаниями в условиях цифровизации экономики требует построения системы, которая позволяет осуществлять постоянный мониторинг поставленных целей, задач и стратегии компании, объединять функциональные стратегии различных дочерних обществ, согласовывать и координировать действия, сочетать не только финансовые показатели, но и нематериальные в широком смысле этого слова (технические и технологические, организационные, социальные и др.), используя в долгосрочном периоде комплексный и сбалансированный подход. Главная задача заключается в трансформации классического подхода, предложенного Нортон и Капланом как к процессу цифровизации экономики России, так и к отсутствию необходимой информации, использованию старых технологий добычи, переходу к разработке трудноизвлекаемых запасов природных ресурсов, и наличию работников, не имеющих необходимых компетенций.

Ключевые слова: система сбалансированных показателей (ССП), ключевые показатели эффективности (КПЭ), вертикально-интегрированная нефтяная компания (ВИНК), стратегическая карта, управление предприятием, контроллинг

© Бургонов О. В., Алмазов К. В., 2022

Developing a balanced scorecard for the comprehensive assessment of the efficiency of corporate management systems

Oleg V. Burgonov^{1, 2✉}, Kirill V. Almazov¹

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, macroeconom@yandex.ru[✉], almaz_95@mail.ru

² St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov, St. Petersburg, Russia

Abstract

Aim. The presented study aims to determine methodological approaches to adapting the balanced scorecard to the assessment of the efficiency of oil and gas enterprises in the fuel and energy sector of the Russian Federation; to propose approaches to its improvement; to investigate institutions and tools that can contribute to improving the level of corporate management in the context of the digitalization of the economy.

Tasks. The authors describe the mission and strategic goals of oil and gas enterprises; develop key performance indicators for each area of activity; identify strategic initiatives to achieve goals; analyze cause-and-effect relationships and propose a strategy map for a vertically integrated company that facilitates the improvement of management efficiency and competitiveness of enterprises in accordance with industry affiliation.

Methods. This study uses the methods of abstraction and aggregation, historical analysis and synthesis, induction and deduction, systems and structural approaches.

Results. A management tool is obtained, which links indicators in different areas (financial, industrial, technical, social) with allowance for the specifics of the industry and increases the level of informatization for the process of making strategic managerial decisions. It is proved that the assessment of business management efficiency in the context of the digitalization of the economy should be considered not only through *KPIs*, but also using extended criteria and indicators at various levels of management as part of an integrated approach.

Conclusion. Efficient management of vertically integrated companies in the context of the digitalization of the economy requires a system that would make it possible to constantly monitor the company's goals, objectives, and strategies, to combine functional strategies of various subsidiaries, to harmonize and coordinate actions, to combine not only financial indicators, but also intangible ones in the broad sense of the word (technical and technological, organizational, social, etc.) using a comprehensive and balanced approach in the long term. The main task is to transform the classical approach proposed by Norton and Kaplan both to the process of digitalization of the Russian economy, and to the lack of necessary information, use of old mining technologies, the transition towards the development of hard-to-recover reserves of natural resources, and the presence of workers who do not have the necessary competencies.

Keywords: *balanced scorecard, key performance indicators (KPI), vertically integrated oil company (VIOC), strategy map, enterprise management, controlling*

For citation: Burgonov O.V., Almazov K.V. Developing a balanced scorecard for the comprehensive assessment of the efficiency of corporate management systems. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(4):340-350 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-340-350>

Введение

Топливо-энергетический комплекс, в частности предприятия нефтегазовой отрасли, является одним из основных источников пополнения бюджета нашей страны. По данным Министерства финансов Российской

Федерации (РФ), за последние три года, включая кризисный 2020 год, доля нефтегазовых доходов составила около 32 %. Становится очевидным, что чем эффективнее будет осуществляться управление компаниями добывающей отрасли, тем более стабильной, надежной и развивающейся будет

экономика государства в целом. С учетом таких барьеров, как истощение доступных запасов, рост доли трудноизвлекаемых запасов, повышение инновационности производства, нестабильность макроэкономической конъюнктуры и мировых цен на нефть, влияние геополитических отношений и других, необходим эффективный управленческий инструмент для контроля реализации стратегических целей и задач предприятий рассматриваемой отрасли.

Методика проведения исследований

Предприятия рассматриваемой отрасли по структуре представляют собой вертикально-интегрированные нефтяные компании (ВИНК). Иными словами, объединяют структуры, участвующие во всех этапах технологического процесса подготовки сырья: поиске, разведке и добыче углеводородов, переработке, хранении и транспортировке, сбыте и реализации готовой продукции потребителю. Соответственно, для управления такой крупной структурой необходима система, позволяющая регулярно оценивать и проводить мониторинг выполнения целей, задач и стратегии компании, объединять функциональные стратегии различных дочерних обществ, согласовывать и координировать действия, сочетать не только финансовые показатели, но и нематериальные в широком смысле этого слова (технические и технологические, организационные, социальные и др.). Если оценка на основе лишь финансовых и экономических показателей может быть эффективна в краткосрочном периоде и полезна для извлечения выгоды здесь и сейчас, то для создания стабильных условий существования и развития компании в долгосрочном периоде и получения будущих выгод нужно применять комплексный и сбалансированный подход [1].

В целях выполнения такой задачи необходим многокритериальный подход к оценке результативности работы предприятия. Большое распространение получил метод системы сбалансированных показателей (ССП, *Balanced Scorecard, BSC*), разработанный в 1990 г. Р. Капланом и Д. Нортоном [2]. Концепция стратегического менеджмента в виде СПП дает возможность и проработать стратегию компании, и, что не менее важно, оценивать и отслеживать результаты ее достижения [3]. Система сбалансированных показателей — это инструмент

декомпозиции и переноса стратегических целей компании на планирование операционной деятельности. С помощью такого метода возможна реализация долгосрочных целей в процессе выполнения ежедневных задач [4].

К основным целям и задачам СПП относятся следующие:

1. Количественное измерение результатов деятельности компании. При этом результаты фиксируются не только по финансовой части, а по всем главным направлениям деятельности. Речь идет о финансах, внутренних бизнес-процессах, работе с заинтересованными сторонами, обучении и развитии персонала. Для достижения цели используются такие инструменты, как формирование ключевых показателей эффективности (КПЭ), установление стратегических целей предприятия, определение ожидаемых сроков достижения результата.

2. Сравнение полученных (фактических) показателей с плановыми. Для выполнения необходимо определить плановые значения по всем ключевым показателям; проводить постоянный мониторинг достижения целей для выявления отклонений, а также при необходимости выяснения причин и возможных последствий; назначать ответственные подразделения; распределять ответственность между конкретными должностными лицами.

3. Третья цель вытекает из второй: быстрое реагирование на изменения. В данном случае подразумеваются любые изменения (внутренние и внешние), влияющие на ухудшение плановых показателей и мешающих достижению целевых ориентиров. В таком случае существенной задачей является подготовка инструментов для оперативной корректировки действий в целях изменения ситуации.

Иными словами, СПП — инструмент, визуализирующий общую картину развития компании. В настоящей статье мы рассмотрим процесс применения данного управленческого инструмента не на структуре ВИНК в целом, а на предприятиях, относящихся к блоку разведки и добычи сырья, ведущих свою работу в секторе “Upstream”, то есть нефтегазодобывающих предприятий (НГДП). Отметим, что СПП как инструмент контроллинга и анализа стратегического управления является абстрактным, поэтому при формировании указанного инструмента для предприятия определенной отрасли

(в данном случае добывающей) требуется индивидуальный подход, учитывающий его специфику.

На первом этапе целесообразно сформировать видение компании: миссию, стратегические цели и главные ценности. По итогам анализа миссий крупнейших российских нефтегазовых компаний (ПАО «НК «Роснефть»», «ЛУКОЙЛ», ПАО «Газпром нефть» и др.) можно их обобщить в собирательный вид: эффективно реализовывать энергетический потенциал, поставлять потребителям ресурсы высокого качества, обеспечивать благополучие работников, общества и окружающего мира в целом.

После определения миссии компании следует выделить перспективы деятельности предприятия, для каждой из которых разрабатывают свои стратегические цели [5]. Под перспективами, согласно классическому представлению авторов ССП, подразумеваются четыре ведущих направления деятельности: финансы, клиенты, внутренние процессы и работа с персоналом.

Фундаментом ССП служит главный принцип: управлять можно только тем, что можно измерить. Поэтому следующим значимым этапом формирования данного инструмента является определение ключевых показателей эффективности — КПЭ (*Key Performance Indicators, KPI*) для каждого аспекта деятельности. В работе предприятий таких крупных масштабов существует большое количество показателей, значений, параметров, ежедневно поступающих в отчетность различных структурных подразделений и анализируемых множеством ответственных лиц.

В этой связи нельзя не выделить именно такие КПЭ, которые максимально полноценно отражают работу всех структурных подразделений компании. Разработка КПЭ сокращает время и затраты на оценку результативности работы как подразделений, так и исполнителей, снижает субъективность и влияние человеческого фактора на оценку деятельности подразделений и компании в целом, совершенствует систему мотивации, дает возможность принимать управленческие решения на основе утвержденных данных, обеспечивает устойчивое развитие топливно-энергетического комплекса [6].

Результаты исследований

Главная задача КПЭ в системе сбалансированных показателей — перевод стратегии

компании в вид измеримых показателей. Число последних должно быть не слишком маленьким для корректной оценки стратегии, но и не слишком большим, чтобы не перегружать систему. Рассмотрим основные перспективы с учетом отраслевой специфики, обозначим стратегические цели по каждой и определим КПЭ.

1. Финансы. Данное направление деятельности зачастую рассматривают как единственный ориентир определения результатов работы организации, исключая возможность оценить полную картину состояния предприятия. В том числе по этой причине возникла необходимость разработки такого инструмента, как ССП. Но в любом случае экономическая функция остается главной и играет двойную роль: с одной стороны, определяются ожидаемые финансовые результаты от разработанной стратегии, с другой — финансы являются базой для определения целей и показателей по остальным направлениям [7].

К стратегическим целям нефтегазодобывающей компании по направлению финансовой и экономической деятельности относятся увеличение прибыли и стоимости компании, повышение эффективности производства, снижение себестоимости продукции.

Для отражения прогресса на пути к достижению целей определим ключевые показатели по направлению: в качестве основного КПЭ в этой перспективе выделим индекс доходности (ИД) (*Profitability Index, PI*) — показатель эффективности инвестиций, представляющий собой отношение чистой текущей стоимости проекта (*NPV*) к размеру дисконтированных капитальных затрат (*PVI*), увеличенный на единицу. Величина показывает, сколько денежных единиц дохода приходится на одну условную денежную единицу вложенных средств. Для эффективного проекта индекс доходности должен принимать значение больше единицы, но зачастую, учитывая масштабы инвестирования нефтяных компаний, минимальное пороговое значение принимают выше единицы. Индекс доходности отражает эффект в относительных величинах, а следовательно, служит основным при принятии решений о реализации/нереализации капиталовложений.

Следующий показатель — чистый денежный доход (ЧДД, *Net Present Value, NPV*) — абсолютный показатель денежного дохода

компании с учетом того, что стоимость денежных средств приведена к настоящему моменту.

ROACE (Return on Average Capital Employed) — рентабельность среднего задействованного капитала, один из значимых стратегических показателей топ-менеджмента, отражающий отдачу от собственного капитала предприятия и долгосрочно привлеченных средств, вовлеченных в коммерческую деятельность. Важность показателя состоит в том, что *ROACE* позволяет оценить целесообразность привлечения заемного капитала под определенный процент, который не должен быть выше полученного значения.

OIBDA (Operating Income Before Depreciation and Amortization) — показатель, отражающий операционную прибыль компании с учетом амортизации основных средств и нематериальных активов. Таким образом, *OIBDA* учитывает только доход за счет операций регулярных и повторяющихся, исключая воздействие на прибыль внереализационных доходов и расходов, то есть преимуществом этого КПЭ считается то, что он характеризует лишь рентабельность основной деятельности. Часто именно по показателям операционной деятельности инвесторы судят о прибыльности, перспективности и деятельности менеджмента компании.

Enterprise value (EV) — стоимость компании, то есть аналитический показатель, учитывающий рыночную стоимость компании и размер ее долговых обязательств. Рыночная капитализация компании отражает стоимость предприятия на рынке и представляет собой оценочную стоимость всех акций компании (количество акций, умноженное на текущую цену). Но, приобретая долю в той или иной компании, инвестор приобретает и ее обязательства, а значит, будет ориентироваться именно на показатель *EV*. Данный показатель можно использовать и в производных формах: например, в отношении к балансовой стоимости (*BV*) или прибыли до вычета налогов, процентов и амортизации (*EBITDA*).

Рост показателя себестоимости производства продукции отражает возрастающее вовлечение доли трудно извлекаемых запасов сырья и использование иностранных инновационных технологий добычи. Важно оценивать планомерное изменение затрат на производство единицы продукции и по возможности оптимизировать затрат-

ную часть (в основном при расчете показателя *CAPEX* — капитальные вложения).

2. Внутренние бизнес-процессы. Данное направление деятельности в работе нефтегазовой компании не уступает с позиции важности экономической части, поскольку служит ее фундаментом. В качестве внутренних процессов нефтегазодобывающего предприятия принимаются технологические процессы разведки и добычи углеводородного сырья (УВС). В этой перспективе участвуют процессы геологоразведочных операций, бурения скважин, их последующей разработки. Но, помимо перечисленного, следует отметить, что деятельность предприятий нефтегазовой отрасли неразрывно связана с природой, поэтому нужно проводить мониторинг показателей влияний на окружающую нас среду.

В числе стратегических целей НГДП в рамках перспективы внутренних процессов — наращивание объемов производства (обеспечение стабильных темпов прироста добычи сырья), повышение эффективности геологоразведочных работ (ГРР), увеличение инновационного потенциала (разработка и внедрение передовых технологий), уменьшение количества выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, рост инвестиций в природоохранные мероприятия.

Первым из основных КПЭ в перспективе внутренних процессов укажем объем добычи углеводородного сырья (нефти, газа и конденсата) в абсолютном выражении. Для поддержания стабильных цен на нефть и обеспечения стабильных поставок сырья потребителям с 2016 г. действует соглашение «ОПЕК+» между организацией стран-экспортеров нефти (ОПЕК) и рядом других стран, в том числе Россией, об ограничении добычи нефти. Тем самым возможности для наращивания объемов добычи ограничены, но так или иначе для устойчивого развития компании необходимо наблюдать рост относительно ретроспективных результатов, поскольку от величины добычи напрямую зависит выручка и экономическая эффективность работы компании в целом.

Следующий ключевой показатель — количество действующих эксплуатационных скважин. Достижение роста по добыче осуществимо либо интенсивным методом, либо экстенсивным. Увеличение числа скважин относится ко второму способу и представляется значимым для наращивания производственного потенциала компании. Среди

интенсивных методов повышения добычи — увеличение среднесуточного дебита скважин по нефти путем внедрения в эксплуатацию новых технологий и способов разработки.

Из относительных показателей обратим внимание на коэффициент успешности поисково-разведочного бурения (ПРБ) или эффективности ГРП, показывающий какая доля капиталовложений в бурение оценочных и поисковых скважин дала реальный результат в виде извлекаемых запасов хорошего качества и объема.

В аспекте охраны окружающей среды (ООС) ключевым показателем служит уровень выбросов парниковых газов как главный инструмент системы управления рисками воздействия на климат. Изменение климата — одна из ключевых мировых экологических проблем, которая повышает риски природных катастроф. Выбросы парниковых газов ведут и к росту температуры на планете. Следовательно, требуется снижение негативного воздействия на природу в процессе производства. В состав КПЭ входит и количество сожженного попутного нефтяного газа (ПНГ) на факельных установках: чем этот показатель ниже, тем больше процентов ПНГ утилизируется и количество выбросов в атмосферу, соответственно, сокращается.

Существенный КПЭ в сфере ООС — объем инвестиций в природоохранные мероприятия или «зеленые» инвестиции. Речь идет о вложениях в мероприятия, направленных на борьбу с эмиссией углекислого газа, снижение выбросов парниковых газов, утилизацию попутного нефтяного газа, на меры по защите экосистемы, рекультивацию нарушенных земель, утилизации отходов, очистке сточных вод, защите биоразнообразия, в том числе флоры и фауны в регионах производства и т. д.

Еще одним важным показателем является количество крупных производственных аварий (разливов нефти, порывов нефтепроводов и др.), приводящих к загрязнению экосистемы. Цель всех компаний — не допустить ни одной такой аварии в ходе работ.

3. Клиенты. В этом направлении деятельности стоит выделять показатели взаимоотношений со стейкхолдерами, то есть заинтересованными сторонами, в том числе подрядчиками, так как определенную часть работ с экономической точки зрения эффективнее выполнять с помощью подрядных организаций, поставщиков, нефтесервисных

компаний, государства и различных партнеров.

К главным стратегическим целям в направлении отношений со стейкхолдерами относятся увеличение числа партнеров, поставщиков и подрядчиков, привлечение новых заказчиков; повышение качества предоставляемых услуг; укрепление позиций на рынке; развитие региональной стратегии.

Ключевыми показателями эффективности по данному направлению служат:

1) количество заключенных долгосрочных контрактов с подрядчиками. Договоры длительного действия с проверенными и компетентными подрядчиками позволяют сотрудничать на более выгодных условиях и не терять при этом в качестве предоставления услуг (имеются в виду контракты с различными буровыми компаниями, нефтесервисными организациями, осуществляющими капитальный и текущий ремонт скважин);

2) качество продукции и услуг, в том числе технические характеристики добываемого сырья. От получения дополнительной ценности продукта (например, малосернистой нефти) высока вероятность получения премии к чистой цене реализации (нетбек) продукта, что влечет за собой преимущества в экономическом плане соответственно;

3) важны доля услуг компании на рынке и укрепление позиций в целом. Указанный показатель включает в себя оценку компании в рейтингах международного и федерального уровня (например, рейтинг *Environmental, Social and Governance, ESG* или долгосрочный кредитный рейтинг и т. д.);

4) региональное развитие. В рамках развития регионов компании следует сотрудничать с государством в целях развития социальной и инфраструктурной среды. Зачастую нефтегазовые компании являются градообразующими предприятиями в определенных регионах, и социальные инвестиции способствуют повышению уровня жизни населения и укреплению позиции компании в данном географическом регионе.

4. Обучение и развитие персонала. Люди — это главный ресурс каждой компании любой отрасли. Поэтому очень важно создавать конкурентные и комфортные условия труда и отдыха персонала для снижения текучести кадров, вкладываться в развитие навыков и способностей сотрудников для повышения уровня производительности труда [8] и компетенций в компании в целом.

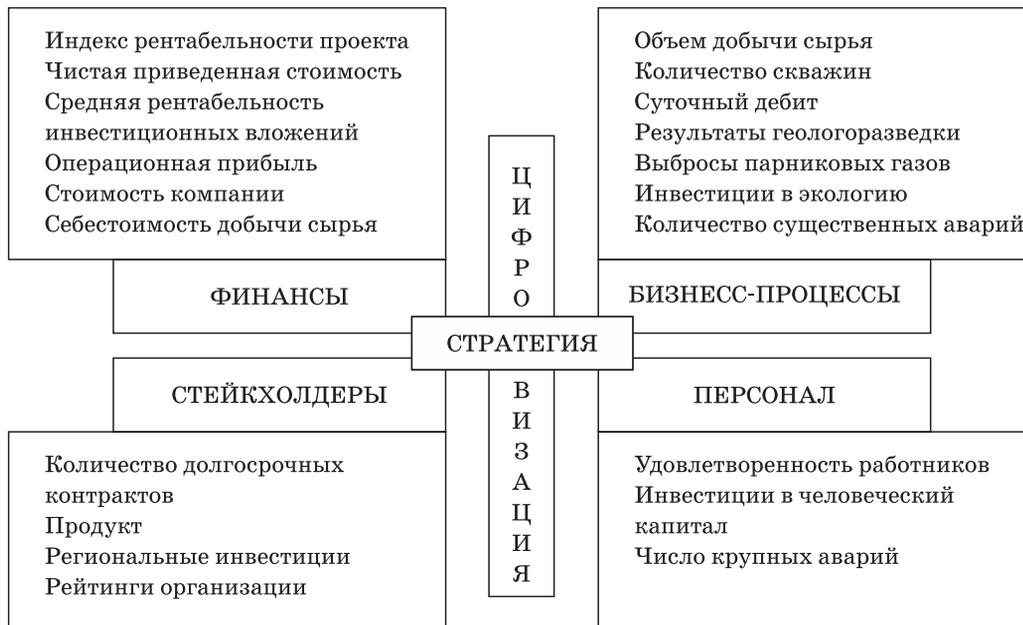

Рис. 1. Система сбалансированных показателей с ключевыми показателями эффективности для нефтегазодобывающих предприятий

Fig. 1. Balanced scorecard with key performance indicators for oil and gas enterprises

Можно утверждать, что без развития этого направления деятельности невозможно выполнить целевые задачи остальных составляющих системы.

Среди стратегических целей в направлении работы с персоналом — повышение качества условий труда и отдыха сотрудников; расширение инвестиций в развитие, обучение и мотивацию персонала; создание максимально безопасных условий труда (особое внимание к производственному персоналу). Для определения эффективности работы в этом направлении выбран КПЭ в виде оценки удовлетворенности сотрудников процессом работы в компании. Такую оценку необходимо проводить постоянно с определенной периодичностью (например, раз в год), стараясь в содержании вопросов максимально охватить все сферы трудовой и личной жизни, в которой может участвовать работодатель. Результаты опроса должны обсуждаться по инициативе руководителей структурных подразделений с сотрудниками при акценте на «узких местах» с целью поиска выхода из проблемных зон.

Абсолютный показатель в перспективе персонала — величина социальных инвестиций, направленных как на развитие сотрудников (курсы повышения квалификации, тренинги, обучения, мастер-классы и т. д.), так и на создание комфортных усло-

вий вне рабочего времени и рабочего места (финансирование оплаты проезда на период отпуска, путевок в санатории, оплату определенного набора медицинских услуг, спортивных секций, поощрения, проведение мероприятий, направленных на сплочение коллектива и др.). В качестве отдельной статьи стоит указывать процент индексации заработной платы, поскольку, не поддерживая конкурентный уровень дохода сотрудников, сложно снизить текучесть квалифицированных кадров.

Учитывая отраслевую принадлежность и высокую долю производственного персонала на предприятиях нефтегазодобычи, работа которых относится к различным классам опасности, огромное внимание необходимо уделять безопасности. Неслучайно следующим значимым показателем эффективности является количество происшествий (аварий и несчастных случаев) на объектах предприятия. Целевой показатель, к которому стремятся компании, в данном случае универсален — «0».

5. Цифровизация.

В общем виде схема системы сбалансированных показателей для нефтегазодобывающей компании с выделением ключевых показателей эффективности представлена на рисунке 1.

К числу важных элементов системы сбалансированных показателей относится

Стратегическая карта нефтегазодобывающих предприятий

Table 1. Strategy map of oil and gas enterprises

№	Перспектива	Стратегические цели	Показатель
1	Финансы	Увеличение доходов и стоимости компании	<i>Net Present Value (NPV), OIBDA, Enterprise value (EV)</i>
		Повышение эффективности производства	<i>Profability Index (PI) ROACE</i>
		Снижение затрат на производство продукции	Себестоимость добычи нефти
2	Клиенты	Увеличение числа партнеров	Количество заключенных долгосрочных контрактов с подрядчиками
		Повышение качества предоставляемых услуг	Характеристики продукта
		Укрепление позиций на рынке	Место компании в рейтинге
		Развитие региональной стратегии	Величина социальных инвестиций в развитие регионов
3	Внутренние процессы	Наращивание объемов добычи сырья	Объем добычи УВС Количество скважин
		Увеличение инновационного потенциала	Прирост среднесуточного дебита скважин
		Повышение эффективности ГРП	Коэффициент успешности ПРБ
		Снижение выбросов в атмосферу	Уровень выбросов парниковых газов
		Сохранение и защита экосистемы и окружающей среды	Инвестиции в природоохранные мероприятия Количество крупных аварий
4	Обучение и развитие персонала	Создание конкурентных условий труда и отдыха сотрудников	Оценка удовлетворенности сотрудников
		Непрерывный прогресс и совершенствование персонала	Величина инвестиций в развитие сотрудников
		Создание максимально безопасных условий труда	Количество происшествий
5	Цифровизация	Построение экосистемы	Процент автоматизации сбора и обработки данных Уровень внедрения систем искусственного интеллекта (ИИ)

формирование целевых ориентиров (значений) — количественного выражения уровня, которого должны достигнуть определенные ранее показатели [9]. Указанный этап субъективен, зависит от размеров компании, бюджета, ретроспективных данных, программы стратегического развития, численности сотрудников, географии работ и множества иных факторов, особенно для абсолютных величин, а значит, устанавливать универсальные ориентиры некорректно.

Включение в систему ССП ключевых показателей с целевыми ориентирами и ожидаемыми сроками выполнения позволяет проводить мониторинг операционной деятельности и при необходимости оперативно реагировать на изменения, влекущие за собой отклонения от плановых показателей, либо модифицировать, дополнять или актуализировать систему в соответствии с внут-

ренними и внешними реалиями: влиянием цифровых технологий на систему управления предприятиями нефтегазового комплекса [10]. Нами выделены и представлены в таблице 1 стратегические инициативы — мероприятия, направленные на достижение конкретных целей.

Заключительный этап разработки ССП — создание стратегической карты предприятия в виде схемы [11], основанной на стратегических целях компании и дополненной причинно-следственными связями между ними. Пример такой стратегической карты для организации нефтегазового сектора показан на рисунке 2.

Основные результаты и выводы

Система сбалансированных показателей позволяет управлять процессом достижения

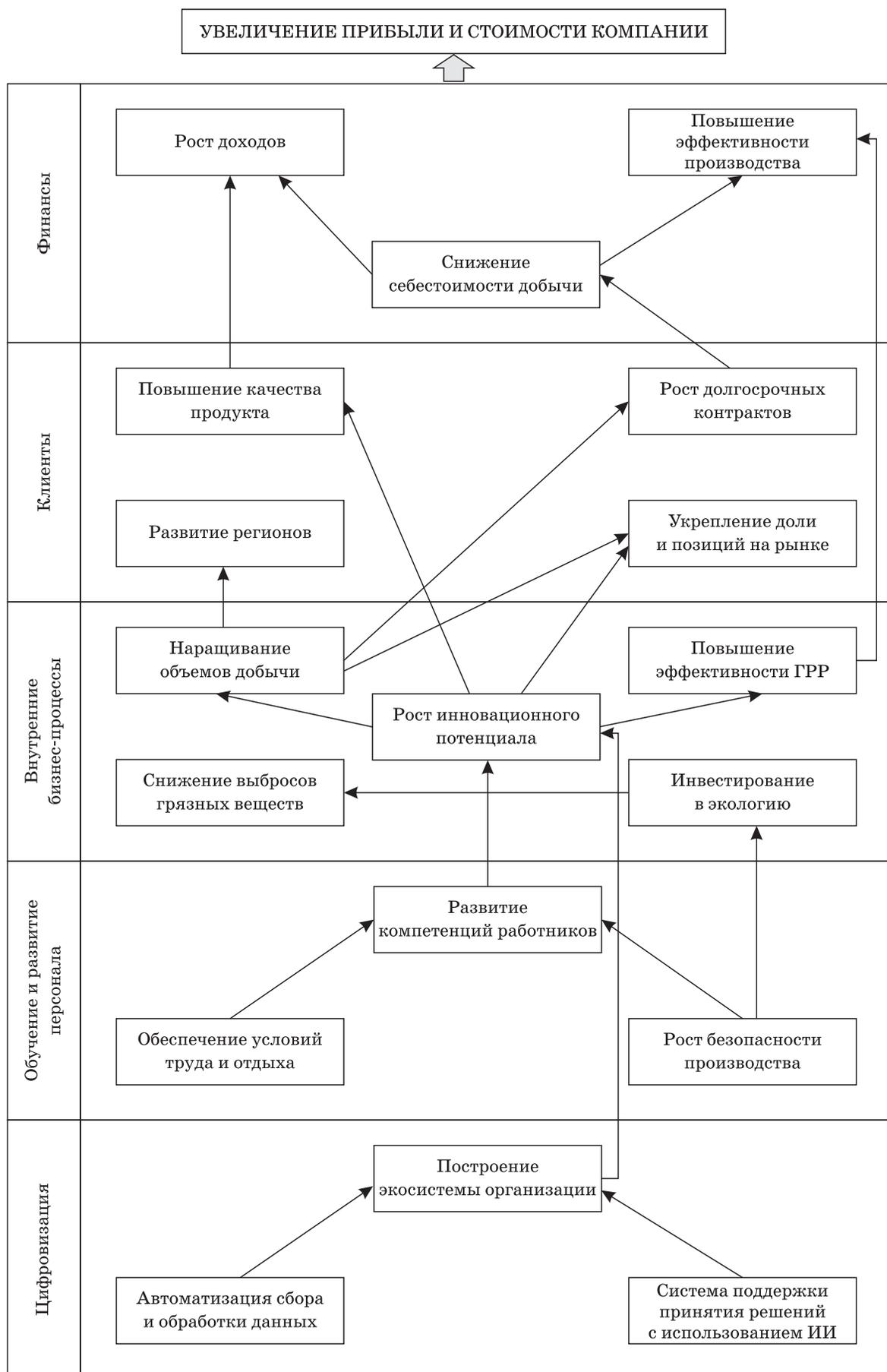

Рис. 2. Стратегическая карта нефтегазодобывающих предприятий
 Fig. 2. Strategy map of oil and gas enterprises

стратегических целей через их перенос на текущую, операционную деятельность. Целесообразность использования ССП заключается в том, что целостная оценка эффективности предприятия дает возможность уделять внимание не оптимизации отдельных процессов в ущерб общим целям, а деятельности компании в целом, что видится особенно актуальным для таких крупных структур, как компании нефтегазовой отрасли.

Все перспективы, рассмотренные в системе (экономика и финансы, внутренние процессы, стейкхолдеры, обучение и развитие персонала), имеют важнейшее значение в достижении стратегических целей компании. Следовательно, необходимо проводить мониторинг результатов по всем направле-

ниям, и ССП вполне подходит для решения данной задачи. Система сбалансированных показателей как аналитический инструмент мониторинга операционной деятельности предприятия и управления стратегией станет эффективной лишь в случае постоянного использования и периодического анализа с целью актуализации либо пересмотра.

Представление об ССП формируется в виде стратегической карты — схемы, описывающей стратегии предприятия на базе главных целей и причинно-следственных связей между ними. Постоянная ориентация на первую версию ССП относится к организационному дефекту. Систему следует регулярно подвергать оценке, а при необходимости — пересмотру и корректировке.

Список источников

1. Крылов С. И. Развитие методологии анализа в сбалансированной системе показателей. М.: Финансы и статистика, 2021. 152 с.
2. Лебедько А. Г. Оценка ресурсной стратегии ВИНК на основе системы сбалансированных показателей и ключевых показателей эффективности нефтегазовых компаний // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 1. С. 13–23.
3. Мусина Д. Р., Кашеварова Ю. А. Апробация методики оценки стратегии развития вертикально-интегрированной нефтяной компании на примере ОАО «АНК “Башнефть”» // Нефтегазовое дело: электр. науч. журнал. 2013. № 1. С. 418–429. URL: http://ogbus.ru/files/ogbus/authors/Musina/Musina_3.pdf (дата обращения: 13.03.2022).
4. Семёнов А. Система сбалансированных показателей: как перейти от стратегии к действию // Uplab.ru. 2019. 8 ноября. URL: <https://www.uplab.ru/blog/balanced-scorecard/> (дата обращения: 02.02.2022).
5. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2008. 320 с.
6. Салина Т. К. Направления использования сбалансированной системы показателей в интересах обеспечения устойчивого развития топливно-энергетического комплекса // Проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 10 (50). С. 40–45.
7. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты / пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2010. 512 с.
8. Исаев К. Н., Бекирова В. Х., Гарагёзов Э. Ш., Ильясов С. А. Теоретико-практические подходы к применению метода сбалансированной системы показателей при оценке производительности труда на предприятиях нефтегазодобычи // Азербайджанское нефтяное хозяйство. 2021. № 4. С. 43–47. DOI: 10.37474/0365-8554/2021-4-43-47
9. Тасмуханова А. Е., Кулембетова А. Р. Разработка системы сбалансированных показателей для управления нефтегазовыми компаниями // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2015. Т. 1. № 4. С. 214–221.
10. Бургонов О. В., Голубецкая Н. П., Смешко О. Г. Влияние цифровых технологий на развитие системы управления предпринимательскими структурами // Проблемы современной экономики. 2020. № 1 (73). С. 65–70.
11. Исаева Н. С. Оценка эффективности ресурсных стратегий нефтегазовых компаний на основе системы сбалансированных показателей и ключевых показателей эффективности // Управление экономическими системами: электр. науч. журнал. 2014. № 10. С. 33.

References

1. Krylov S.I. Development of analysis methodology in the balanced scorecard. Moscow: Finansy i statistika; 2021. 152 p. (In Russ.).
2. Lebedko A.G. An assessment of resource strategy of VIINK on the basis systems of the balanced indices and key indices of efficiency of the oil and gas companies. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Proceedings of Voronezh State University. Series: Economy and Management*. 2017;(1):13-23. (In Russ.).
3. Musina D.R., Kashevarova Yu.A. Methodology of an assessment of strategy of development of VINK realization. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal “Neftegazovoe delo”*. 2013;(1):418-429. URL: http://ogbus.ru/files/ogbus/authors/Musina/Musina_3.pdf (accessed on 13.03.2022). (In Russ.).

4. Semenov A. Balanced scorecard: How to move from strategy to action. Uplab. Nov. 08, 2019. URL: <https://www.uplab.ru/blog/balanced-scorecard/> (accessed on 02.02.2022). (In Russ.).
5. Kaplan R.S., Norton D.P. The balanced scorecard: Translating strategy into action. Boston, MA: Harvard Business School Press; 1996. 336 p. (Russ. ed.: Kaplan R.S., Norton D.P. Sbalansirovannaya sistema pokazatelei. Ot strategii k deistviyu. Moscow: Olymp-Business; 2008. 320 p.).
6. Salina T.K. Directions for use a balanced scorecard for sustainability of fuel and energy complex. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta*. 2015;(10):40-45. (In Russ.).
7. Kaplan R.S., Norton D.P. Strategy maps: Converting intangible assets into tangible outcomes. Boston, MA: Harvard Business School Press; 2003. 454 p. (Russ. ed.: Kaplan R.S., Norton D.P. Strategicheskie karty: Transformatsiya nematerial'nykh aktivov v material'nye rezul'taty. Moscow: Olymp-Business; 2010. 512 p.).
8. Isaev K.N., Bekirova V.Kh., Garagezov E.Sh., Ilyasov S.A. Theoretic-practical approaches to the implementation of method of balanced system of parameters in evaluation of labour productivity in oil-gas developing enterprises. *Azerbaidzhanskoe neftyanoe khozyaistvo*. 2021;(4):43-47. (In Russ.). DOI: 10.37474/0365-8554/2021-4-43-47
9. Tasmuhanova A.E., Kulembetova A.R. Developing the balanced scorecard to manage oil and gas companies. *Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii = Journal of Science and Education of North-West Russia*. 2015;1(4):214-221. (In Russ.).
10. Burgonov O.V., Golubetskaya N.P., Smeshko O.G. The impact of digital technologies upon the system of entrepreneurial structures administration. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*. 2020;(1):65-70. (In Russ.).
11. Isaeva N.S. Evaluation of the effectiveness of resource strategies of oil and gas companies based on a system of balanced scorecards and key performance indicators. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Management of Economic Systems: Scientific Electronic Journal*. 2014;(10):33. (In Russ.).

Сведения об авторах

Олег Викторович Бургонов

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики и управления
социально-экономическими системами¹,
профессор кафедры экономики таможенного дела²

¹ Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

² Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова
филиал Российской таможенной академии
192241, Санкт-Петербург, Софийская ул., д. 52а

Кирилл Вячеславович Алмазов

аспирант кафедры экономики
и управления социально-экономическими
системами

Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

Поступила в редакцию 28.02.2022
Прошла рецензирование 10.03.2022
Подписана в печать 22.04.2022

Information about Authors

Oleg V. Burgonov

D.Sci., Ph.D. in Economics, Professor, Professor
of the Department of Economics and Management
of Socio-Economic Systems¹, Professor
of the Department of Economics and Customs²

¹ St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103,
Russia

² St. Petersburg Branch of the Russian Customs
Academy named after V.B. Bobkov

52A Sofiyskaya str., St. Petersburg 192241, Russia

Kirill V. Almazov

Postgraduate Student of the Department
of Economics and Management of Socio-Economic
Systems

St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103,
Russia

Received 28.02.2022
Revised 10.03.2022
Accepted 22.04.2022

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication
of this article.

Феномен креативности и особенности коммуникации с креативными сотрудниками в современных компаниях в условиях пандемии

Александр Федорович Денисов

Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (ВШМ СПбГУ), Санкт-Петербург, Петергоф, Россия, denisov@gsom.spbu.ru

Аннотация

Цель. Показать значимость креативных сотрудников для организации, описать подходы к их деятельности, направленные на повышение эффективности труда, в условиях пандемии.

Задачи. Выявить плюсы и минусы в работе креативных сотрудников, показать опыт взаимодействия с ними, охарактеризовать особенности управления персоналом, в том числе креативными сотрудниками, в условиях пандемии.

Методология. В процессе анализа научных статей, материалов конференций, посвященных управлению персоналом в условиях пандемии, и интервью рассмотрены феномен креативности, особенности поведения креативных сотрудников, возможные пути коммуникации.

Результаты. Исследование феномена креативности показало важную роль креативных сотрудников в любой современной организации, риски управления ими, реализацию основных направлений управления и коммуникации в условиях пандемии. Вынужденный переход организаций на удаленную работу незначительно усложнил коммуникацию с сотрудниками, их эффективность в выполнении служебных обязанностей. Применяются различные инструменты управления для сохранения стабильной и эффективной коммуникации с работающими.

Выводы. Несмотря на сложность управления креативными сотрудниками, ввиду их большой ценности для любой современной организации необходимо искать компромиссы в управлении ими. Организации быстро освоили особенности управления персоналом, в том числе креативными сотрудниками, при вынужденном переходе на удаленную работу. Существуют различные инструменты удаленного управления и коммуникации, позволяющие поддерживать работоспособность всех сотрудников.

Ключевые слова: креативность, управление персоналом, инструменты управления, удаленная работа, поддержание благополучия персонала

Для цитирования: Денисов А. Ф. Феномен креативности и особенности коммуникации с креативными сотрудниками в современных компаниях в условиях пандемии // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 4. С. 351–358. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-351-358>

Phenomenon of creativity and aspects of communication with creative employees in modern companies in a pandemic

Aleksandr F. Denisov

Graduate School of Management at St Petersburg University (GSOM SPbU), Petergof, St. Petersburg, Russia, denisov@gsom.spbu.ru

Abstract

Aim. The work aimed to reveal the importance of creative employees for the organization, to describe approaches to their activities aimed at improving labor efficiency in a pandemic.

© Денисов А. Ф., 2022

Tasks. The work was performed to identify the benefits and drawbacks in the work of creative employees, demonstrate the experience of interacting with them, characterize the aspects of personnel management, including creative employees, in a pandemic.

Methods. The phenomenon of creativity, the behavioral characteristics of creative employees, and possible ways of communication are discussed through analysis of scientific articles, materials of conferences on personnel management in a pandemic, and interviews.

Results. The study of the phenomenon of creativity has shown the important role of creative employees in any modern organization, the risks of managing them, the implementation of the main fields of management and communication in a pandemic. The forced transition of organizations to remote work has insignificantly complicated communication with employees, and their effectiveness in the performance of official duties. Various management tools are used to maintain stable and effective communication with employees.

Conclusion. Despite the complexity of managing creative employees, in view of their great value for any modern organization, trade-offs in managing them are required. Organizations mastered quickly the peculiarities of personnel management, including creative employees, in forced transition to remote work. There are various remote management and communication tools to keep all employees up and running.

Keywords: *creativity, personnel management, management tools, remote work, maintaining staff well-being*

For citation: Denisov A.F. Phenomenon of creativity and aspects of communication with creative employees in modern companies in a pandemic. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(4):351-358 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-351-358>

Распространение пандемии коронавируса COVID-19, а также принятие обязательных мер социального дистанцирования привели к тому, что многие компании в России вынуждены были переходить в определенные периоды на удаленную занятость, что оказало значительное влияние на трансформацию подходов к управлению человеческими ресурсами. Согласно исследованию KPMG [1], к концу марта 2020 г. треть российских компаний вынуждены были перевести 75 % сотрудников на удаленную работу, а для тех, кого не смогли перевести на дистанционную занятость, организованы специальные условия труда. Резкие изменения поставили перед HR-специалистами неординарные задачи при столкновении с проблемой полноценной реализации функций, при условии физического отсутствия сотрудников в офисах и минимального контакта с ними.

Актуальность изучения новых тенденций в управлении человеческими ресурсами заключается в том, что такие изменения могут нести долгосрочный характер, поскольку пандемия, вероятно, ускорила процесс трансформации, а не являлась его инициатором. Смена преобладающей формы занятости, а также используемых технологий оказала огромное влияние на методы, используемые HR-службами при реализации их рутинных функций. В контексте сложной эпидемиологической обстановки управление человеческими ресурсами является важным

компонентом, способствующим более успешной адаптации бизнеса к новым условиям внешней среды, которая к тому же характеризуется высокой степенью неопределенности. Поэтому представляется актуальным рассмотрение новых тенденций, возникших в системе управления человеческими ресурсами вследствие пандемии, а также действий HR-специалистов, направленных на организацию эффективной деятельности сотрудников.

В период пандемии важность управления человеческими ресурсами усиливается, поскольку распространение ограничений усложняет работу наиболее значимого ресурса организации. В исследовании KPMG, проведенном в начале пандемии, речь идет о том, что большинство компаний предлагали сотрудникам помощь в организации работы удаленно. Так, 36 % опрошенных компаний оплачивали такси работникам, а 15 % — интернет или повышали лимит мобильной связи. Анализируемые данные позволяют заключить, что пандемия COVID-19 оказала огромное влияние на способы реализации повседневных целей HR-специалистов. Введение мер социального дистанцирования, а также переход на удаленную занятость привели к тому, что многие HR-процессы в организации должны были адаптироваться под новые реалии.

Пандемия COVID-19 стала катализатором массового перехода многих компаний в от-

дельные периоды на удаленную занятость. Согласно третьему опросу *KPMG*, проведенному в ноябре 2020 г., дистанционная работа прочно закрепилась во многих компаниях [1]: около 70 % компаний планирует внедрить частично удаленную работу на постоянной основе. Тем не менее в связи с пандемией переход на удаленную занятость компаний часто проходил вопреки их желанию. Учитывая изложенное, необходимо охарактеризовать факторы, на которые следует обращать внимание при введении дистанционной занятости. В частности, актуальны вопросы о сохранении уровня производительности работника, возможности организации удаленной работы, об обеспечении благополучия сотрудника.

Как следует из содержания руководства для работодателей, разработанного в сотрудничестве с Международной организацией труда (*International Labour Organization*) [2], несмотря на то, что сотрудник не тратит время на дорогу, он вынужден расходовать время на уход за иждивенцами и домашние дела. Производительность сотрудника, работающего удаленно, является весомой проблемой при принятии решения о переводе сотрудника на удаленную деятельность. Поэтому компаниям необходимо принять дополнительные меры для управления и мониторинга эффективности сотрудника.

Многие авторы, изучающие проблему креативности, считают, что последняя не знает границ. Носители креативного мышления — это особый класс сотрудников, которые особенно важны для организаций, связанных с продвижением товаров, с элементами творчества. Покупатель, как правило, реагирует на «скрытые» свойства таких товаров (упаковку, особенности бытовой техники, запах в салоне и т. п.). Следовательно, рынок реагирует на успешные креативные решения, а их носители очень ценны для организаций.

Очень важно разобраться, какова роль креативных сотрудников в компании в современных условиях удаленной работы и в чем состоят особенности использования их потенциала. При этом под креативностью нами понимается нестандартное, творческое решение рабочих проблем, креативные люди не являются заложниками консервативных или традиционных схем. В бизнесе существует много профессий, требующих от сотрудника повышенного творчества. Труд креативных сотрудников востребован

в самых разных профессиональных областях. Среди них — и маркетологи, и дизайнеры, и рекламщики, и бренд-менеджеры, и другие. Но их компетенции «мешают» им подчиняться правилам корпоративной культуры, регламентам организации, особенно если речь идет о работе в офисе.

Должностные инструкции для таких сотрудников — настоящее испытание, офисная иерархия — препятствие в реализации креатива, что мешает свободе идей. Но ввиду происходящего, когда многие компании вынуждены отправлять сотрудников на удаленную работу, это качество становится плюсом, так как креативным сотрудникам никто не навязывает правила поведения.

В частности, П. Юдина в своем исследовании об управлении креативными сотрудниками [3] пишет о том, что, конечно, при управлении креативными сотрудниками существуют проблемы, связанные с особенностями их поведения и менталитета. Указаны следующие факторы:

1. Минусы креативного сотрудника: испытывает сложности взаимодействия в рамках существующей корпоративной культуры, может демотивировать других сотрудников, у него наблюдается нестабильное настроение, стремится быть в центре внимания, испытывает трудности при неприятии его идей, упрям, производительность его труда нестабильна.

2. Работа творческого персонала обладает особенностями: необходимо очень четко ставить задачи, вводить ограничения; исполнение требует контроля, но не постоянного вмешательства; обратная связь — важный инструмент управления такими сотрудниками, они ждут признания; создать условия для работы в уединении; создать условия для смены обстановки.

Применение труда сотрудников с креативным мышлением в организации создает множество проблем из-за нежелания принять перемены. Один из исследователей пишет: «Креативные люди следуют своему собственному курсу и могут свести с ума своих руководителей и коллег» [4]. Одаренный человек с креативным потенциалом, нестандартным мышлением способен решать неординарные задачи, проблемы. Но «ловушки» такого креатива — игнорирование деталей, игнорирование эффективного рабочего взаимодействия. Мантры таких людей: «есть проблема, найдется и решение»; «двигаться вперед невозможно без прорывных идей».

В поисках новых конкурентных преимуществ современные компании идут впереди потребителя, и при этом появляется новая задача — ответить себе на вопрос о том, какие обстоятельства побуждают людей обратить внимание на новый продукт или услугу. Т. Амбайл [5] выделяет триаду основных слагаемых производительной креативности сотрудников. В их числе — умение мыслить творчески, соответствующая компетентность и мотивация. Организация способна оценить и творческое мышление, и базовые компетенции при отборе на соответствующую должность. Сложнее ситуация относительно мотивации, во многом она зависит от того, как будет выстроен психологический контракт, как руководитель будет поддерживать творческие усилия такого сотрудника. Т. Амбайл предлагает мотивировать креативных сотрудников следующим образом: обеспечить наличие понятных, четких и стабильных на протяжении времени задач; предоставить относительную свободу в выборе методов и способов достижения целей, поощрять в случае удачи. Все эти способы мотивации актуальны и сегодня, в условиях удаленной работы.

Исследуя проблемы креативности в современных интеллектуально емких компаниях, следует поставить ряд вопросов:

1. Как достичь равновесия креативного и утилитарного мышления, какова доля креативных сотрудников в общей численности отдела, департамента?

2. Устроит ли организацию креативный сотрудник на аутсорсинге или следует иметь в каждом подразделении обязательного творческого сотрудника?

3. Что должны делать руководители, чтобы поощрять людей к креативным идеям и к их активному продвижению?

4. Существуют ли эффективные модели управления креативностью в организации? Готовы ли в компании спокойно, без драматизма относиться к креативным неудачам?

5. В течение какого времени можно активно использовать удачную креативную идею? Какие сигналы дадут понять, что креативная идея устарела или не работает? Кто должен принять решение об изменении концепта креативного продукта?

6. Может ли источником креативной энергии в организации быть эффективная модель управления? Или без креативных сотрудников это видится маловероятным?

В беседе, посвященной проблеме, исследуемой в контексте настоящей статьи, директор крупной рекламной компании отметил, что креативное мышление заводит иногда авторов идей в тупиковые ситуации. Он охарактеризовал таких авторов идей следующим образом: «Это — довольно сложная категория сотрудников, мы их называем “сказочниками”. Они создают невероятные проекты, которые могут показаться необычными и красивыми, но, когда дело доходит до их реализации, выясняется, что это невыполнимо по самым разным причинам. Можно сказать, что необузданный креатив становится опасным»¹.

Но на вопрос «Может быть, организации ограничивать их излишнюю инициативу, задавать рамки в работе?» директор ответил: «Нет, если мы хотим сохранить креативный потенциал, этого нельзя делать. Лучше привлекать креативных людей на короткие проекты, по временным трудовым договорам. Это — люди, которые питаются идеями в самых разных компаниях, они не ограничены рамками трудовых отношений или рутинных процессов, которыми полна любая организация. Это своего рода свободные художники. Для таких сотрудников самое комфортное и эффективное — это удаленная работа»².

Итак, речь идет о некоторых особенностях управления креативными сотрудниками в современных компаниях:

1. Соотношение сотрудников с креативным и утилитарным мышлением зависит от характера деятельности подразделения, но недопустимо преобладание численности первых, это неразумно для эффективной деятельности.

2. Разумно привлекать креативных сотрудников на основании договоров гражданско-правового характера в рамках временных трудовых отношений либо предоставлять им возможность удаленной работы.

3. Чтобы креативные идеи стали реальными проектами, необходимо привлекать к проработке идей самых разных сотрудников организации, в том числе людей с утилитарным мышлением (инженеров, юристов и т. д.).

Т. Амбайл [5] считает существенным фактором в управлении креативными сотруд-

¹ Из беседы автора настоящей статьи с директором одной из крупных рекламных компаний Санкт-Петербурга.

² Там же.

никами разумную свободу действий: для поддержания творческой продуктивности необходимо давать таким сотрудникам определенную свободу выбора в способах достижения поставленных целей. Наша страна, как и мир в целом, столкнулась с необходимостью учитывать ситуацию коронавируса. Карантинные меры заставили многие компании перейти на работу в удаленном режиме. Организациям пришлось перевести ряд бизнес-процессов на удаленный режим, что потребовало изменить подходы к управлению и подразделениями, и людьми. Сотрудники ряда организаций принудительно и в массовом порядке были переведены на удаленный режим работы.

Пандемия COVID-19 заставила бизнес перейти к «вынужденной цифровизации», послужив катализатором для стремительного внедрения технологий практически во всех направлениях бизнеса. Многие организации были не готовы к новым вызовам, различная степень цифровой зрелости привела к проблемам в управлении удаленными сотрудниками. Согласно опросу РБК [6], в преобладающем числе организаций с начала пандемии COVID-19 произошли существенные изменения в таких бизнес-процессах, как управление персоналом (53 %), маркетинг, планирование и онлайн-продажи — по 51 % соответственно. Основные сложности и задачи для бизнеса, возникшие с началом пандемии, можно охарактеризовать следующим образом:

- разумная организация удаленного рабочего места, его оснащение, участие в этом организации, возмещение затрат, налаживание эффективных коммуникаций;
- создание условий для эффективной совместной работы (особенности проведения совещаний, обсуждений, оснащение, при необходимости — оборудованием для видеоконференций);
- управление проектами в полностью удаленном формате (без возможности личного взаимодействия в офисе);
- дополнительные усилия организации для выполнения работы в дистанционном режиме, соответствующее программное обеспечение, повышение компетенций, необходимых для удаленной работы;
- необходимость наладить электронный документооборот.

Более глубокий анализ показывает, что в удаленной работе скрывается и мно-

жество недостатков, которые менеджеры должны постоянно контролировать. Например, некоторые сотрудники, работая удаленно, стремятся к переработке [7], проводят в работе больше времени, чем обычно в офисе, в течение традиционного рабочего дня. В такой ситуации исчезают границы между работой и досугом, и возникают ситуации, когда работник, незаметно для себя, работает в течение более продолжительного времени, даже в тот период, когда он мог бы уже отдыхать. Отсюда возникает необходимость для менеджеров концентрировать свое внимание не только на производительности, но и на благополучии работников. Менеджеры должны постоянно проверять их работоспособность, чтобы избежать многих проблем, в том числе перегорания и потери мотивации.

Наиболее острой проблемой в связи с переходом на удаленный режим стало выгорание сотрудников. В связи с этим можно выделить ряд причин.

1. Нарушение баланса труда и отдыха. Благополучие персонала — «процесс и состояние, интегрально отражающие жизненную деятельность субъекта, ее условия и результаты, а также отношение субъекта к результатам деятельности» [8]. Изучая благополучие персонала, ведущие консалтинговые компании обращают внимание на состав структурных компонентов, характеризующих это понятие.

Например, согласно подходу компании *Gallup* (Гэллап), благополучие персонала связано с ощущениями сотрудника как человека, нужного для организации. При этом он заинтересован в том, что он делает каждый день, выполняя работу, у него хорошие отношения с окружающими, устойчивое материальное положение, крепкое здоровье. Исследователи указанной компании не сужают понимание проблемы благополучия персонала до благополучия на рабочем месте и выделяют пять общих элементов благополучия, успешность в которых влияет на результаты деятельности организации: физическое состояние сотрудника, финансовое благополучие, социальную реализацию, общественную пользу деятельности, карьерный аспект.

2. По наблюдениям компании, отсутствие ощущения благополучия у сотрудника коррелирует с количеством дней, проведенных им на больничном, что будет негативно сказываться на результатах работы, приводить

к выгоранию, повышать вероятность решения об уходе из организации [9].

3. Потеря чувства команды.

4. Трудности в общении с коллегами за счет неправильной интерпретации сообщений и их интонаций.

5. Нехватка качественного неформального общения.

Поэтому компании стали применять такой инструмент, как *home mitting*. Это позволяет сотрудникам почувствовать неформальную атмосферу общения, неприужденную коммуникацию друг с другом. В общении с коллегами становится понятным, что далеко не все сотрудники планируют возвращаться в офис при полном снятии ограничительных мер. Многие компании видят в этом преимущество, поскольку появилась возможность сокращения расходов на содержание офисных помещений.

Виртуальная работа становится всё более популярной из-за ее потенциала для экономии затрат. Кроме того, организации получают возможность быть более гибкими, лучше адаптироваться к возможным кризисам. Данный инновационный способ работы приносит новые вызовы организациям, которые внезапно должны перейти на удаленную работу. В действительности ввиду удаленного способа работы возникают различные вопросы, связанные с управлением персонала, коммуникацией, взаимодействием, применением информационных и коммуникационных технологий. Вместе с тем возможность удаленной работы в организациях привлекает квалифицированных сотрудников, которые не хотят быть привязаны к определенному рабочему месту.

Можно с уверенностью говорить о том, что одним из ключевых изменений, появившихся в результате распространения пандемии COVID-19, является переход большинства компаний на дистанционную занятость. Дистанционную (удаленную) занятость можно определить как использование информационно-коммуникативных технологий для выполнения работы за пределами помещения работодателя. До пандемии лишь небольшая часть сотрудников работала удаленно. Так, согласно исследованию, проведенному сервисом «Битрикс 24» совместно с агентством *J'son and Partners Consulting*, число сотрудников, работающих удаленно в 2014 г., составило около 2,53 млн человек [6]. Кроме того, предсказан рост удаленной занятости в России в ближайшие пять лет. Однако вы-

явлено, что всего 5 % населения перейдет на дистанционную занятость к 2020 г., что не совсем соответствует действительности, которая сформирована под влиянием распространения пандемии COVID-19.

Переход на удаленный режим работы оказался для многих организаций непростым, очень важно было сохранить эффективность труда персонала. Различные опросы показали, что это не всегда или не сразу удавалось сделать. В апреле 2020 г. [10] одна из компаний провела опрос сотрудников и руководителей. Лишь 17 % сотрудников и 15 % руководителей указали, что эффективность работы команды увеличилась. По мнению половины опрошенных, продуктивность не изменилась. Тем не менее четверть опрошенных обратили внимание на ухудшение эффективности работы. По мнению руководителей, индикаторами повышения эффективности были такие факторы, как повышение скорости работы, ответственности за выполняемую работу, ее объемов и качества.

Перечисленные факторы могут оказаться следствием затрат большего времени на работу, чем это могло бы быть в офисе, поскольку «исчезает» время, затрачиваемое на дорогу до офиса и обратно. Спорным является мнение о том, что при удаленной работе меньше отвлекающих факторов, чем в офисе. Скорее, изменяется «меню» отвлекающих факторов: в домашней обстановке они могут быть как более сильными, так и менее сильными. В частности, тяжелее настроиться на работу дома, чем в офисе. Но наблюдалось некоторое расхождение во взглядах сотрудников и руководителей, так как сотрудники повышение ответственности за выполняемую работу оценили значительно ниже. Руководители, отметившие снижение эффективности работы команды, уточнили, что это выражено прежде всего в слишком медленном выполнении задач. Сотрудники указали на несогласованность, рассинхронизацию командной работы.

Респондентам также предложили ответить на вопрос «Сколько еще времени команда готова работать в таком режиме без потери эффективности?». Выяснилось, что примерно треть (30 %) опрошенных готова продержаться около месяца, пятая часть (18 %) — два–три месяца, четверть (23 %) — от полугода. 10 % сообщили, что находятся «на пределе», и 19 % оказались готовы продержаться не более пары недель.

Это требует тщательного изучения опыта удаленной работы успешных организаций, поскольку спрогнозировать такой режим во временном континууме крайне сложно.

В заключение обратим внимание на то, что одним из ключевых изменений, появившихся вследствие распространения пандемии COVID-19, является переход большинства компаний на дистанционную занятость. Дистанционную (удаленную) занятость можно определить как использование информационно-коммуникативных технологий для выполнения работы

за пределами помещения работодателя. Это заставило и руководителей, и HR-службы пересмотреть подходы к управлению сотрудников, работающих дистанционно. Вместе с тем следует признать, что определенные категории сотрудников легко принимают дистанционный формат работы (например, IT-специалисты, креативные сотрудники), но для поддержания эффективности их работы требуются определенные инструменты управления, контроля. Организации успешно научились их применять и снижать риски потерь производительности.

Список источников

1. Удаленная работа: действия HR и планы на будущее // KPMG. 2020. Ноябрь. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2020/12/ru-ru-hr-actions-in-pandemic-part-3.pdf> (дата обращения: 24.12.2021).
2. Удаленный режим работы в условиях пандемии COVID-19: руководство для работодателей / пер. с англ. Женева: Международное бюро труда. 2020. 32 с. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---act_emp/documents/publication/wcms_749872.pdf (дата обращения: 14.12.2021).
3. Юдина П. Креативный ген // Ko.ru. 2006. 25 сентября. URL: <https://ko.ru/articles/kreativnyy-gen-118673/> (дата обращения: 14.12.2021).
4. Роу А. Дж. Креативное мышление: как добиться успеха в новом веке / пер. с англ. В. А. Островский. М.: НТ Пресс, 2007. 174 с.
5. Амбайл Т. Как убить творческую инициативу // Креативное мышление в бизнесе / пер. с англ. Н. Скворцовой; ред. Р. Пискотина. М.: Альпина Бизнес Букс: Юнайтед Пресс, 2009. С. 9–35.
6. РБК. Исследования рынков // Rbc.ru. URL: <https://marketing.rbc.ru/author/52/> (дата обращения: 14.12.2021).
7. Donnelly R., Johns J. Recontextualising remote working and its HRM in the digital economy: an integrated framework for theory and practice // International Journal of Human Resource Management. 2021. Vol. 32. No. 1. P. 84–105. DOI: 10.1080/09585192.2020.1737834
8. Бояркин М. Ю., Долгополова О. А., Зиновьева Д. М., Крутова В. В., Романенко Е. В., Субочев Н. С., Юнда А. В. Понятия субъективного благополучия и субъективного не-благополучия // Психологическое и профессиональное благополучие государственных служащих: коллективная монография. Волгоград: Изд-во Волгоградской академии государственной службы, 2007. С. 8–17.
9. Лисовская А. Ю., Кошелева С. В., Соколов Д. Н., Денисов А. Ф. Основные подходы к пониманию благополучия сотрудника: от теории к практике // Организационная психология. 2021. Т. 11. № 1. С. 93–112.
10. Тихонов А. И. Основные задачи российских компаний, решаемые с помощью HR-аналитики // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 28 (2). С. 262–266. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10113

References

1. Remote work: HR actions and plans for the future. Moscow: KPMG; 2020. 8 p. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2020/12/ru-ru-hr-actions-in-pandemic-part-3.pdf> (accessed on 24.12.2021). (In Russ.).
2. An employers' guide on working from home in response to the outbreak of COVID-19. Geneva: International Labour Organization 2020. 33 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---act_emp/documents/publication/wcms_745024.pdf (accessed on 14.12.2021).
3. Yudina P. Creative gene. KO.ru. Sept. 25, 2006. URL: <https://ko.ru/articles/kreativnyy-gen-118673/> (accessed on 14.12.2021). (In Russ.).
4. Rowe A.J. Creative intelligence: Discovering the innovative potential in ourselves and others. Upper Saddle River, NJ: Pearson Education, Inc.; 2004. 192 p. (Russ. ed.: Rowe A.J. Kreativnoe myshlenie: kak dobit'sya uspekha v novom veke. Moscow: NT Press; 2007. 174 p.).

5. Amabile T.M. How to kill creativity. In: Harvard Business Review on breakthrough thinking. Boston, MA: Harvard Business School Publishing; 1999:1-28. (Russ. ed.: Amabile T. Kak ubit' tvorcheskuyu initsiativu. Kreativnoe myshlenie v biznese. Moscow: Alpina Business Books; United Press; 2009:9-35).
6. RBC. Market research. RBC.ru. URL: <https://marketing.rbc.ru/author/52/> (accessed on 14.12.2021). (In Russ.).
7. Donnelly R., Johns J. Recontextualising remote working and its HRM in the digital economy: An integrated framework for theory and practice. *The International Journal of Human Resource Management*. 2021;32(1):84-105. DOI: 10.1080/09585192.2020.1737834
8. Boyarkin M.Yu., Dolgopolova O.A., Zinov'eva D.M., Krutova V.V., Romanenko E.V., Subochev N.S., Yunda A.V. The concepts of subjective well-being and subjective disadvantage. In: Psychological and professional well-being of civil servants. Volgograd: Volgograd Academy of Public Administration; 2007:8-17. (In Russ.).
9. Lisovskaia A.Yu., Kosheleva S.V., Sokolov D.N., Denisov A.F. Key approaches to understanding employee's wellbeing: From theory to practice. *Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology*. 2021;11(1):93-112. (In Russ.).
10. Tikhonov A.I. Main objectives of Russian companies solved by HR-analytics. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Humanitarian Studies*. 2020;(28):262-266. (In Russ.). DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10113

Сведения об авторе

Александр Федорович Денисов

кандидат психологических наук, доцент кафедры организационного поведения и управления персоналом, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Высшая школа менеджмента
Санкт-Петербургского государственного
университета (ВШМ СПбГУ)

198515, Санкт-Петербург, Петергоф,
Санкт-Петербургское шоссе, д.109

Поступила в редакцию 24.03.2022
Прошла рецензирование 04.04.2022
Подписана в печать 22.04.2022

Information about Author

Aleksandr F. Denisov

PhD in Psychology, Associate Professor
of the Department of Organizational Behavior
and Personnel Management, Honoured Worker
of Higher Professional Education of the Russian
Federation

Graduate School of Management
at St Petersburg University
(GSOM SPbU)

109 Sankt-Peterburgskoe Highway, Petergof, St.
Petersburg 198515, Russia

Received 24.03.2022
Revised 04.04.2022
Accepted 22.04.2022

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication
of this article.

УДК 519.87

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-359-368>

Об исследовании конкуренции в задачах оптимального распределения ресурсов

Онисе Гивович Баркалая*Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, ratrey16011958@mail.ru*

Аннотация

Цель. Рассмотреть вопросы оценки параметров в задачах оптимального распределения ресурсов на введенный ранее показатель конкуренции. Провести анализ влияния размерности, ресурсных ограничений, ряда других факторов на показатель конкуренции. С помощью примеров охарактеризовать связь показателя с экстремумом целевой функции, ограничениями и двойственными оценками.

Задачи. Рассмотреть случаи, когда показатель конкуренции улавливает изменение исходных данных, которое невозможно оценить на основе традиционных показателей анализа и оценок: максимума целевой функции, оптимального решения, множителей Лагранжа или двойственных переменных. На примерах и в общем случае выявить связь показателя конкуренции с оптимумом целевой функции и двойственными переменными, показать, что анализ результатов решения задачи становится более емким и информативным, если к нему присоединить фактор «конкурентности» переменных. Определить закономерности между эффективностью, конкуренцией, ресурсными ограничениями и двойственными оценками.

Методология. В основе выбранного показателя конкуренции для задач оптимального распределения ресурсов находится понятие «жесткость отбора» конкурентов, претендующих на ресурсы. Их расчет проводится в полном соответствии с известными условиями оптимальности для задач данного класса и позволяет трактовать результаты оптимизации как меру соперничества за ресурсы.

Результаты. В приведенных примерах, отражающих линейные и нелинейные функции, находит отражение взаимосвязь показателя конкуренции с двойственными оценками, ресурсными ограничениями и эффективностью. Доказано, что показатель конкуренции логично вписывается в традиционный анализ результатов решения задачи линейного и нелинейного программирования с учетом двойственности.

Выводы. Рассматриваемые в статье показатели конкуренции могут быть включены в стандартный анализ решения задач оптимального распределения ресурсов, предусматривающий отыскание экстремума, поиск оптимального плана, анализ устойчивости, пределов, двойственных оценок, меры дефицитности ресурсов. Присоединение к анализу показателя конкуренции, как доказано на примерах, не только делает анализ результатов более емким и информативным, но и позволяет обнаружить закономерности между конкуренцией и эффективностью, подобные тому, когда снятие барьеров и ограничений в экономике приводит к ее оживлению, а сокращение ресурсов вызывает обострение конкуренции.

Ключевые слова: конкуренция, оценка параметров, ресурсы, оптимизация, эффективность

Для цитирования: Баркалая О. Г. Об исследовании конкуренции в задачах оптимального распределения ресурсов // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 4. С. 359–368. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-359-368>

© Баркалая О. Г., 2022

Investigating competition in the problems of optimal resource allocation

Onise G. Barkalaya

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia,
pampey16011958@mail.ru

Abstract

Aim. The presented study aims to address the issues of parameter estimation in the problems of optimal resources allocation for the previously introduced competition indicator; to analyze the influence of dimensionality, resource constraints, and other factors on the competition indicator; to exemplify the relationship between the indicator and the extremum of the objective function, constraints, and dual estimates.

Tasks. The authors consider cases when the competition indicator captures a change in the initial data that cannot be estimated on the basis of traditional indicators of analysis and estimates: the maximum of the objective function, the optimal solution, Lagrange multipliers, or dual variables; determine the relationship between the competition indicator and the optimum of the objective function and dual variables through examples and in general; show that the analysis of the results of solving the problem becomes more capacious and informative if the factor of variable “competitiveness” is applied; identify patterns between efficiency, competition, resource constraints, and dual estimates.

Methods. The selected competition indicator for optimal resource allocation tasks is based on the concept of “rigorous selection” of competitors applying for resources. The indicators are calculated in full accordance with the known optimality conditions for problems of this class, making it possible to interpret the results of optimization as a measure of competition for resources.

Results. The provided examples reflect linear and nonlinear functions as well as the relationship between the competition indicator and dual estimates, resource constraints, and efficiency. It is proved that the competition indicator logically fits into the traditional analysis of the results of solving the problem of linear and nonlinear programming with allowance for duality.

Conclusion. The competition indicators considered in the study can be included in the standard analysis for solving the problems of optimal resource allocation, which involves finding an extremum, searching for an optimal plan, analyzing stability, limits, dual estimates, a measure of resource scarcity. As can be seen from the examples, applying the competition indicator to the analysis not only makes the analysis of the results more capacious and informative, but also makes it possible to detect patterns between competition and efficiency, similar to when the removal of barriers and restrictions in the economy leads to its revival, and the reduction of resources causes increased competition.

Keywords: *competition, parameter estimation, resources, optimization, efficiency*

For citation: Barkalaya O.G. Investigating competition in the problems of optimal resource allocation // *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(4):359-368 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-359-368>

Введение

В настоящей статье прослеживается развитие подхода, изложенного ранее в одной из предыдущих статей [1], по следующим направлениям:

1. Если ранее в статье [1] введено математически формализованное понятие конкуренции для задач оптимального распределения ресурсов, то цель настоящей статьи — более полное исследование показателей конкуренции применительно к оптимизационным задачам данного типа.

2. Ранее показатель конкуренции рассмотрен для определенного типа экономико-математических моделей — задач оптимального распределения ресурсов. В настоящей статье показатель конкуренции обобщен для использования в более широком круге подобных задач.

3. Если в предыдущей статье [1] определена зависимость конкуренции только от распределяемых ресурсов, то в предлагаемой статье исследовано влияние и иных факторов: размерности задач оптимального распределения ресурсов и числа ресурсных ограничений.

4. В предыдущей статье [1] лишь указана принципиальная возможность связи показателя конкуренции с двойственными оценками, ресурсами и другими параметрами задач оптимального распределения ресурсов. В настоящей статье проведен количественный и качественный анализ взаимосвязи конкуренции, эффективности, ограничений и двойственных оценок.

Показатель конкуренции для нелинейных задач оптимизации

Рассмотрим оптимизационную задачу следующего типа:

$$\max_{x_1, x_2, \dots, x_n} f(x_1, x_2, \dots, x_n) \quad (1)$$

$$g_j(x_1, x_2, \dots, x_n) = 0, \quad j = 1, 2, \dots, m \quad (2)$$

$$x_i \geq 0, \quad i = 1, 2, \dots, n \quad (3)$$

Целевая функция $f(x_1, x_2, \dots, x_n)$ представляет собой либо эффективность, либо доходы или прибыль в зависимости от экономического содержания задачи. Ограничения (2) — суть различного рода бюджетные, производственные, финансовые, технологические, иные ресурсные ограничения. Переменные (x_1, x_2, \dots, x_n) , в зависимости от содержания задачи, могут отражать план выпуска продукции, план перевозок товарной продукции, распределение инвестиций между несколькими предприятиями и т. д.

Многие задачи оптимального распределения ресурсов, оптимального бюджетирования, целесообразного распределения инвестиций, оптимизации производственного плана, управления запасами сводятся к формулировке и решению задачи (1)–(3). В предыдущей статье [1] речь шла о том, что в реальности процессы, которые моделируются математическими задачами типа (1)–(3), в ряде случаев отличает конкуренция. Это типично, к примеру, для разработки бюджетов. Формирование бюджетов может отличать соперничество различных лоббирующих групп.

Такая конкуренция естественна, поскольку одни и те же цели (чтобы бюджет или план был эффективным) могут быть достигнуты разными средствами или их сочетаниями. Но, с учетом того, что многие практические задачи, в которых возникает конкуренция относительно ресурсов, могут быть сведены к задаче (1)–(3), возникает вопрос о том, где именно в математической постановке задачи проявляется эта конкуренция.

Подобно тому, как на финансирование той или иной статьи бюджета претендуют различные организации (получатели средств, поставщики), что приводит к соперничеству между ними, так и в соответствующих математических моделях должна быть отражена некая величина, которая будет характеризовать конкуренцию за ресурсы.

Ранее в статье [1] нами введено понятие конкурентной переменной. Если переменная в оптимальном плане решения задачи (1)–(3) положительна ($x_i^* > 0$), то она конкурентна, если $x_i^* = 0$, то считаем ее неконкурентной. «Конкурентность» переменной означает ее «доступ» к распределяемым ресурсам. Существующие методы решения задач нацелены прежде всего на поиск оптимального решения, что гарантирует нахождение конкурентных и неконкурентных переменных. Вместе с тем показатель конкуренции отвечает и на вопрос о том, какова была острота соперничества (конкуренция) при оптимизации распределения ресурсов.

Идея заключается в том, чтобы сформулировать математический критерий, который отражает «жесткость отбора» конкурентных переменных. Важно учитывать, что в одних задачах в оптимальном решении, независимо от вариации исходных данных, все n переменных «получают ресурсы» ($x_i^* > 0$), например, если требуется найти максимум целевой функции вида: $x_1 \cdot x_2 \cdot \dots \cdot x_n$. В других — наоборот: сокращение объемов ресурсов приводит к появлению нулевых решений, то есть неконкурентных переменных. Показатель конкуренции определен из условий оптимальности решения задачи (1)–(3) для тех случаев, в которых они необходимы и достаточны [2, 3]. Если x_1, x_2, \dots, x_n — оптимальное решение задачи (1) — (3), то существуют такие неотрицательные $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_m$, что выполняются условия:

$$\frac{\partial f(x_1^*, x_2^*, \dots, x_n^*)}{\partial x_i} = \sum_{j=1}^m \lambda_j \frac{\partial g_j(x_1^*, x_2^*, \dots, x_n^*)}{\partial x_i} \quad (4)$$

при $x_i^* > 0$;

$$\frac{\partial f(x_1^*, x_2^*, \dots, x_n^*)}{\partial x_i} \leq \sum_{j=1}^m \lambda_j \frac{\partial g_j(x_1^*, x_2^*, \dots, x_n^*)}{\partial x_i} \quad (5)$$

при $x_i^* = 0$.

Иными словами, чтобы переменная была конкурентной, частная производная (скорость) целевой функции по ней должна «взять» определенный барьер, то есть знак равенства в (4), составленный из линейной

комбинации частных производных ограничений. И, напротив, если величина скорости целевой функции по какой-либо переменной не достигает этого барьера — знак неравенства в (5) — то переменная в оптимальном решении будет неконкурентной. В качестве показателя конкуренции (K) принята сумма разниц между правыми и левыми частями неравенств (5), физический смысл которой сводится к суммарному недостатку (дефициту) скорости по переменным, что и не позволило обеспечить их положительность (конкурентоспособность). В частности, если в оптимальном решении будут фигурировать только условия равенства (4), то $K = 0$. Становится очевидным, что конкуренция отсутствует: ни одна переменная не получает отказа в ресурсах.

В задачах линейного программирования это происходит в тех случаях, если число ограничений равно числу переменных: базисное решение является единственным. Более того, в любых подобных задачах с ограничениями-равенствами и отсутствием условия на неотрицательность переменных показатель конкуренции (по своему определению) обращается в ноль.

Показатель конкуренции для линейных задач

Для задач линейного программирования

$$\max_{x_1, x_2, \dots, x_n} c_1 x_1 + c_2 x_2 + \dots + c_n x_n \quad (6)$$

$$a_{11} x_1 + a_{12} x_2 + \dots + a_{1n} x_n \leq b_1 \quad (7)$$

$$a_{m1} x_1 + a_{m2} x_2 + \dots + a_{mn} x_n \leq b_m \quad (8)$$

$$x_i \geq 0, \quad i = 1, 2, \dots, n$$

условия оптимальности (теорема дополнительной нежесткости [4]) можно записать аналогично, как в случаях (4), (5):

$$c_i = \sum_{j=1}^m \lambda_j a_{ji} \quad \text{при} \quad x_i^* > 0 \quad (9)$$

$$c_i \leq \sum_{j=1}^m \lambda_j a_{ji} \quad \text{при} \quad x_i^* = 0. \quad (10)$$

В линейном случае показатель конкуренции определяется таким образом:

$$K = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m (\lambda_j a_{ji} - c_i). \quad (11)$$

Физический смысл показателя — недостаток скорости целевой функции по всем нулевым (неконкурентным) переменным.

При этом наблюдается аналогичная интерпретация — переменная x_i неконкурентна, если величина c_i — частная производная целевой функции по ней — не может взять «барьер», составленный из линейной комбинации частных производных ограничений (10). Данный показатель легко вычислить из индексной строки итоговой симплекс-таблицы: сумма элементов по столбцам свободных переменных.

Рассмотрим пример, который подтверждает, что показатель конкуренции дает дополнительную информацию для анализа, если традиционные критерии (множитель Лагранжа, двойственные оценки, экстремум функции и др.) не чувствительны к изменению параметров задачи.

Пусть:

$$\max_{x_1, x_2, \dots, x_4} 10x_1 + 3x_2 + 2x_3 + 2x_4 \quad (12)$$

$$x_1 + x_2 + x_3 + x_4 = 20 \quad (13)$$

$$x_i \geq 0, \quad i = 1, 2, 3, 4. \quad (14)$$

Для задачи (12)–(14) условия оптимальности таковы:

$$10 = \lambda, \quad \text{при} \quad x_1^* = 20$$

$$3 < \lambda, \quad \text{при} \quad x_2^* = 0$$

$$2 < \lambda, \quad \text{при} \quad x_3^* = 0$$

$$1 < \lambda, \quad \text{при} \quad x_4^* = 0.$$

Таким образом, максимум целевой функции ($L^* = 200$) достигается при $x_1^* = 20$, $x_2^* = x_3^* = x_4^* = 0$. Двойственная переменная (множитель Лагранжа): $\lambda = 10$. Показатель конкуренции равен $(10 - 3) + (10 - 2) + (10 - 1) = 24$.

Если коэффициенты в целевой функции (12) переменных x_2, x_3, x_4 изменятся в сторону увеличения до значений, например, 9, то целевая функция будет иметь вид: $10x_1 + 9x_2 + 9x_3 + 9x_4$. Однако решение задачи (12)–(14) с последней целевой функцией не изменит ни максимума целевой функции, ни оптимального решения, ни множителя Лагранжа (двойственную переменную) — все эти значения останутся прежними.

И только показатель конкуренции ($K = 3$) проявит чувствительность к изменению исходных параметров. Он снизится (в восемь раз), что означает существенное уменьшение дефицита скорости по нулевым переменным. Таким образом, неконкурентным переменным уже немного не хватает для получения ресурсов.

Исследование зависимости конкуренции от числа переменных — «конкурентов» (нелинейный случай)

В предыдущей статье [1] нами приведен пример, показывающий зависимость максимума целевой функции от уровня ресурсов и «неравномерности» конкурентов. Расчеты подтверждали известное положение: с уменьшением ресурсов происходит обострение конкуренции.

Рассмотрим далее зависимость уровня конкуренции от числа конкурентов (переменных) на примере известной задачи оптимального распределения ресурсов [5]. Найти максимум функции (15) при ограничениях (16) и (17):

$$\sum_{i=1}^n f_i(x_i) = \sum_{i=1}^n a_i(1 - e^{-b_i x_i}) \quad (15)$$

$$x_1 + x_2 + \dots + x_n = X \quad (16)$$

$$x_i \geq 0. \quad (17)$$

Оптимальное решение задачи (15)–(17) может быть найдено из условий (18), (19). Если x_i^* — оптимальное решение задачи, то существует положительное λ (множитель Лагранжа) такое, что

$$f'_i(x_i^*) = a_i b_i e^{-b_i x_i^*} = \lambda, \text{ если } x_i^* > 0. \quad (18)$$

$$f'_i(x_i^*) = a_i b_i e^{-b_i x_i^*} \leq \lambda, \text{ если } x_i^* = 0. \quad (19)$$

Величина λ относительно легко находится из уравнения для всех положительных x_i :

$$\sum_{i=1}^n \frac{1}{b_i} \ln \frac{a_i b_i}{\lambda} = X. \quad (20)$$

Показатель конкуренции K в этом случае равен:

$$K = \sum_{i=1}^n (\lambda - a_i b_i). \quad (21)$$

Суммирование в (21) ведется по тем i , для которых $x_i^* = 0$.

Показатель конкуренции, как следует из (21), тем больше, чем больше λ — «планка доступа к ресурсам» — и чем больше нулевых переменных. Если в той или иной задаче при увеличении числа переменных λ является статичной величиной, а новые переменные ввиду неэффективности не влияют на формирование λ (20), то это означает, что рост числа таких неконкурентных переменных будет очевидным образом увеличивать показатель конкуренции.

Это характерно для случаев, если существует группа сильных конкурентов, которые формируют критерий доступа к ресурсам, и сколько бы ни было слабых конкурентов, показатель K с ростом их числа будет только возрастать, что следует из (21). Интерес представляет другое, в частности влияние числа переменных на конкуренцию, если множитель λ уменьшается с ростом размерности задачи (n).

С этой целью зададим следующие исходные данные для задачи (15)–(17). Общий уровень ресурсов X равен 1. Число переменных n варьируется от двух до десяти. Коэффициенты b_i будем считать равными 1 для простоты и наглядности результатов. Следовательно, оптимальный план x_i^* будет зависеть только от $X = 1$, a_i и n . Коэффициенты a_i (нормируем их и будем считать, что в сумме они равны 1) задаём таким образом, чтобы отразить три случая.

Первый случай, если все переменные в оптимальном плане заведомо равны (и, следовательно, конкурентоспособны) ($x_i^* > 0$ для всех $i = 1 \dots n$). Это означает, что все переменные «получают доступ к ресурсам» ($a_i = \frac{1}{n}$). Данный случай предлагаем назвать «равные конкуренты».

Во втором случае, если допустим, что a_i неодинаковы, уже не будет равенства конкурентов. Распределение x_i^* в соответствии с условиями оптимальности (18), (19) может привести к появлению и нулевых решений. Этот случай отражает вариант «неравных конкурентов». Различие между коэффициентами a_i зададим с помощью коэффициентов Фишборна [6] $a_i = \frac{2 \cdot (n-i+1)}{n(n+1)}$. Они сформируют своего рода множество «неравных конкурентов», где исходные данные подчинены отношению $a_1 > a_2 > \dots > a_n$, и равного получения ресурсов заведомо быть не может.

С помощью других (усиленных) коэффициентов Фишборна [6] $a_i = \frac{2^{n-i}}{2^n - 1}$ можно задать и более сильное неравенство между конкурентами с аналогичным, как и в предыдущем случае, отношением. Только различие между коэффициентами будет более ощутимым. Назовем этот случай как «сильное неравенство конкурентов».

Результаты расчетов представлены в таблице 1, где \bar{n} — число нулевых переменных в оптимальном решении, K — показа-

Результаты расчетов
Table 1. Calculation data

n	Равные конкуренты				Неравные конкуренты				Сильное неравенство			
	f^*	λ	K	\bar{n}	f^*	λ	K	\bar{n}	f^*	λ	K	\bar{n}
2	0,393	0,303	0	0	0,428	0,286	0	0	0,428	0,286	0	0
3	0,283	0,239	0	0	0,338	0,248	0,082	1	0,367	0,245	0,102	1
4	0,221	0,195	0	0	0,280	0,210	0,120	2	0,343	0,229	0,259	2
5	0,181	0,164	0	0	0,239	0,187	0,174	2	0,331	0,221	0,436	3
6	0,154	0,141	0	0	0,209	0,168	0,219	3	0,326	0,218	0,634	4
7	0,133	0,124	0	0	0,187	0,152	0,251	4	0,324	0,216	0,836	5
8	0,118	0,11	0	0	0,168	0,139	0,276	4	0,322	0,215	1,042	6
9	0,105	0,099	0	0	0,153	0,128	0,308	5	0,322	0,215	1,257	7
10	0,095	0,09	0	0	0,141	0,119	0,334	6	0,321	0,215	1,471	8

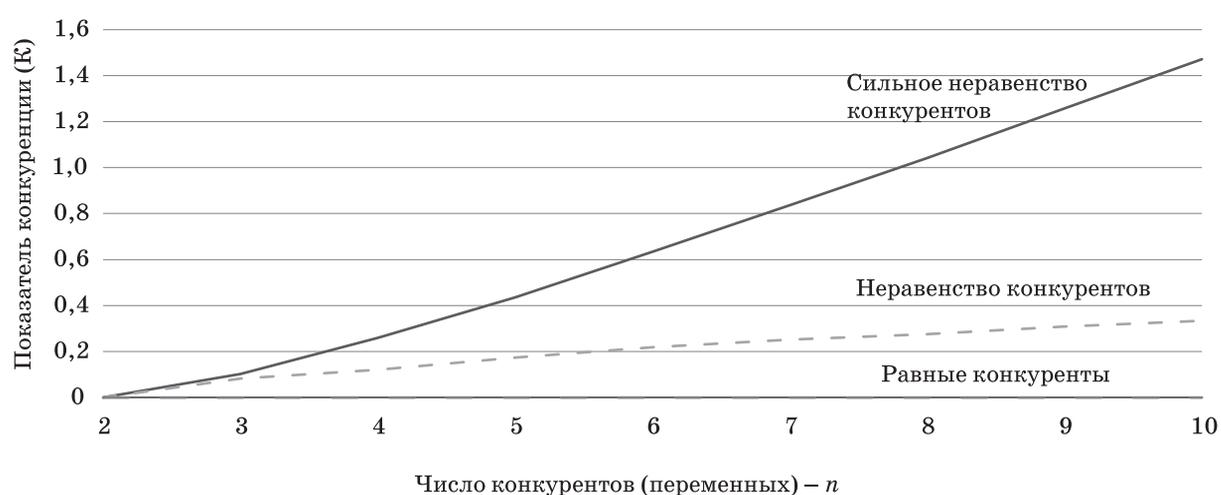

Рис. 1. Изменение показателя конкуренции от числа конкурентов

Fig. 1. Changes in the competition indicator depending on the number of competitors

тель конкуренции, f^* — максимум целевой функции, λ — множитель Лагранжа. То, что максимум целевой функции и множитель Лагранжа (λ) падает с ростом n , становится понятным: это связано с характером задания коэффициентов $a_i = \frac{2 \cdot (n-i+1)}{n(n+1)}$.

Разброс значений a_i с ростом n уменьшается, и a_i по своим абсолютным величинам становятся меньше. Казалось бы, и показатель конкуренции (K) не должен возрастать, поскольку уменьшение λ (21) ведет к уменьшению показателя конкуренции. Однако налицо рост конкуренции (и числа неконкурентных переменных) по мере увеличения числа переменных (конкурентов), как видно на рисунке 1.

Итак, чем более неравномерной (жесткой) является конкурентная среда, как показано на рисунке 1, тем больше рост числа переменных приводит к обострению конкуренции.

Из рисунков 2, 3 следует, что именно жесткая конкурентная среда обеспечивает устойчивость экстремума функции и множителя Лагранжа (эффективность) при увеличении числа переменных (конкурентов). Важным является не число конкурентов, а конкурентная среда.

Исследование зависимости показателя конкуренции от числа ограничений (линейный случай)

Рассмотрим влияние ограничений на критерий «конкурентности» в линейной задаче (6)–(8). Поставим задачу: определить взаимосвязь максимума целевой функции и показателя конкуренции в зависимости от числа ограничений. В ряде случаев закономерность между ростом максимума функции и одновременно при этом увеличением показателя конкуренции очевидна.

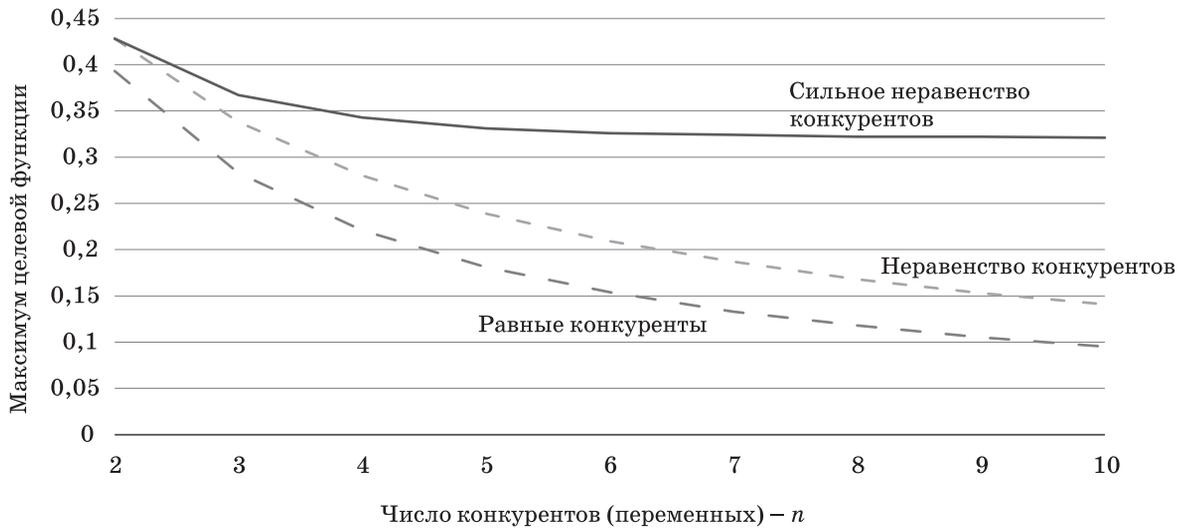

Рис. 2. Изменение максимума целевой функции от числа конкурентов
 Fig. 2. Changes in the maximum of the objective function depending on the number of competitors

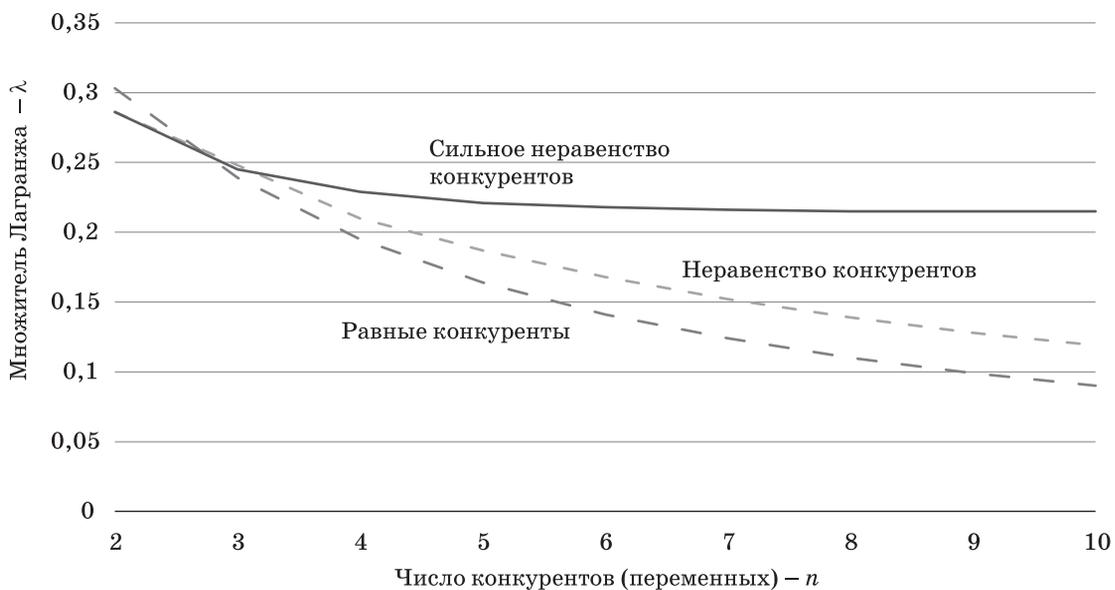

Рис. 3. Изменение множителя Лангража от числа конкурентов
 Fig. 3. Changes in the Langrage multiplier depending on the number of competitors

Предположим, в задаче линейного программирования n переменных и n ограничений-равенств. Тогда при существовании базисного решения, в предположении о том, что все переменные в оптимальном решении положительны, показатель конкуренции всегда равен нулю. Если отбросить ряд ограничений, допустим m ($m < n$), то базисное решение будет уже состоять из $n - m$ решений, а число нулевых, неконкурентных переменных станет равным m и однозначно приведет к росту показателя конкуренции K .

К тому же максимум целевой функции может лишь возрасти. Напрашивается сходство с тем, когда снятие барьеров и огра-

ничений в экономике приводит к ее оживлению. Но подобная закономерность (рост максимума целевой функции, сопровождаемый и увеличением конкуренции) справедлива, если «стартовая задача» (до отбрасывания ряда ограничений) имеет нулевую конкуренцию. В более общем случае такая четкая закономерность не прослеживается. Далее приведем соответствующий пример.

Связь показателя конкуренции с экстремумом целевой функции, ограничениями и двойственными оценками

Итак, решаем задачу линейного программирования, отбрасывая определенное огра-

нение из «стартового набора», но так, чтобы во всех этих случаях решение задачи было конечно. На каждом шаге будем вычислять максимум функции, двойственные переменные и показатель конкуренции. Поскольку каждое новое множество ограничений ввиду выпуклости ограничений будет содержать множество ограничений предыдущей задачи, то максимум целевой функции (по сравнению с решением первоначальной задачей) может только возрастать. Как будет изменяться показатель конкуренции?

Рассмотрим следующий пример:

$$\max_{x_1, x_2, \dots, x_4} (72x_1 + 65x_2 + 110x_3 + 100x_4). \quad (22)$$

Ограничения:

$$x_1 + 2x_2 + x_3 + 4x_4 \leq 18 \quad (23)$$

$$7x_1 + 4x_2 + 5x_3 + 6x_4 \leq 69 \quad (24)$$

$$5x_1 + 7x_2 + 9x_3 + 8x_4 \leq 95 \quad (25)$$

$$x_3 \leq 3 \quad (26)$$

$$x_1, \dots, x_4 \geq 0. \quad (27)$$

Максимум функции (22) равен **1 007,1** при $x_1 = 4,8$; $x_2 = 5,1$; $x_3 = 3$; $x_4 = 0$. Двойственные переменные (мера влияния ограничений на максимум целевой функции) по ограничениям равны: 16,7 для (23); 7,9 для (24); 0 для (25); 53,8 для (26). Показатель конкуренции равен **92,6**.

Решим задачу (22)–(27), но, отбросив ограничение (24), минимальное по положительным «весам» ограничений (7,9). В этом случае максимум функции (22) равен **1 343,5** при $x_1 = 16,75$; $x_2 = 0$; $x_3 = 1,25$; $x_4 = 0$. Двойственные переменные равны: 24,5 для (23); 9,5 для (25); 0 для (26). Показатель конкуренции — **233,5**.

Следующий шаг — решение задачи (22)–(27). Отбросим ограничение (23), «вес» которого в ограничениях первоначальной задачи равен 16,7. В этом случае максимум функции (22) равен **1 188,8** при $x_1 = 0,92$; $x_2 = 0$; $x_3 = 3$; $x_4 = 7,92$. Двойственные переменные по ограничениям равны: 2,92 для (24); 10,3 для (25); 2,62 для (26). Показатель конкуренции — **34,69**.

И последний шаг: решим задачу (22)–(27), но, отбросив ограничение (26), которое было в первоначальной задаче максимальным по «весу» ограничений (53,8). В этом случае

максимум функции (22) равен **1 202,9** при $x_1 = 3,84$; $x_2 = 0$; $x_3 = 8,42$; $x_4 = 0$. Двойственные переменные (мера влияния ограничений на максимум целевой функции) равны: 0 для (23); 2,58 для (24); 10,8 для (25). Показатель конкуренции — **36**.

Сравним результаты решения предыдущих четырех задач. Показатель конкуренции (11) тем больше, чем больше нулевых решений и величины двойственных переменных. Это наглядно демонстрируют приведенные расчеты. В решении первоначальной задачи (22)–(27) двойственные переменные наибольшие по сравнению с остальными решениями, а нулевое решение — одно.

Показатель конкуренции в «стартовой» задаче равен **92,6**. Высокое значение конкуренции связано прежде всего с немалыми значениями двойственных переменных. При решении задачи (22)–(27) без ограничения (24), минимального по весу (7,9), показатель конкуренции существенно увеличивается (233,5), что обусловлено высокими значениями двойственных переменных и уже двумя нулевыми решениями. Причем обнаружен существенный рост максимума целевой функции.

При решении задачи (22)–(27) без ограничения (23), с весом (16,7), показатель конкуренции резко падает (34,69), что связано также с падением значений двойственных переменных и только одним нулевым решением. Прирост целевой функции меньше, чем в предыдущей задаче. Наконец, при решении задачи (22)–(27) без ограничения (26), самого большого по весу, наблюдаются минимальные значения двойственных переменных, которые и при двух нулевых переменных обуславливают невысокий уровень конкуренции (36).

Таким образом, показатель конкуренции логично вписывается в традиционный анализ результатов решения задачи линейного программирования с учетом двойственности и позволяет объяснить полученные результаты.

Связь показателя конкуренции и ресурсных ограничений

В приведенном из предыдущей статьи [1] примере о максимизации экспоненциальной функции показано, что сокращение ресурсов в ограничении задачи увеличивает конкуренцию. Это имеет простое объ-

яснение: с уменьшением ресурсов происходит увеличение и множителя Лагранжа (аналога двойственных переменных в линейной задаче), и количества нулевых (неконкурентных) решений, что и вызывает, согласно формуле, рост показателя конкуренции.

В линейном случае дефицит ресурсов в ограничениях не обладает подобным влиянием на конкуренцию, поскольку при колебаниях параметров b_i в задаче (6)–(8) двойственные переменные и оптимальное решение могут обладать определенной устойчивостью, не изменяться [7; 8; 9]. Поэтому и показатель конкуренции может оставаться неизменным. Сокращение ресурсов должно быть более значительным, чтобы оценить поведение показателя конкуренции.

Рассмотрим следующий пример:

$$\max_{x_1, x_2, x_3} (8x_1 + 7x_2 + x_3). \quad (28)$$

Ограничения:

$$2x_1 + x_2 + x_3 \leq 2 \quad (29)$$

$$3x_1 + 3x_2 + x_3 \leq 5 \quad (30)$$

$$x_1, x_2, x_3 \geq 0. \quad (31)$$

Максимум целевой функции равен 12 при $x_1 = \frac{1}{3}$, $x_2 = \frac{4}{3}$, $x_3 = 0$. Показатель конкуренции равен 5, а двойственные переменные $y_1 = 1$, $y_2 = 2$. При уменьшении ресурсов в ограничении (30) с 5 до 4,8 единиц наблюдаем следующее: максимум целевой функции равен $\frac{58}{5}$ при $x_1 = \frac{2}{5}$, $x_2 = \frac{6}{5}$, $x_3 = 0$. Показатель конкуренции не изменился, равен 5, и двойственные переменные остались прежними: $y_1 = 1$, $y_2 = 2$.

Ситуация изменяется при уменьшении ресурсов в ограничении (30) — с 5 до 2 единиц. Максимум целевой функции равен $\frac{16}{3}$ при $x_1 = \frac{2}{3}$, $x_2 = 0$, $x_3 = 0$. Показатель конкуренции возрос до значения $\frac{16}{3}$, что связано с увеличением числа нулевых решений, причем одна двойственная переменная уменьшилась на 1, вторая возросла на $\frac{2}{3}$ ($y_1 = 0$, $y_2 = \frac{8}{3}$).

Таким образом, и в линейном случае сокращение ресурсов может приводить к уве-

личению конкуренции, подтверждая известное наблюдение из практики. Сокращение ресурсов b_i может обнулять вес некоторых ограничений в задаче (6)–(8) и приводить к появлению нулевых переменных.

Показатель конкуренции вычисляется в абсолютных значениях, но он может быть определен и в относительных единицах, нормирован от 0 до 1 ($K_{\text{норм}}$) и сопоставим уже для различных задач. Для этого можно использовать разницу между единицей и отношением сумм левых частей (5) к сумме правых частей (5). В примере (12)–(14) $K_{\text{норм}} = 1 - \frac{6}{30} = 0,8$. В этом же примере, при увеличении коэффициентов целевой функции, при x_2, x_3, x_4 до 9, $K_{\text{норм}} = 1 - \frac{27}{30} = 0,1$.

Выводы

1. Показатель конкуренции адекватно характеризует жесткость отбора «конкурентов» при распределении ресурсов и улавливает изменение исходных данных в случаях, если это невозможно сделать на основе традиционных показателей анализа результатов решения оптимизационных задач.

2. Показатель конкуренции определяется из условий оптимальности оптимизационных задач и непосредственно связан с оптимумом целевой функции, двойственными переменными. Тем самым делает анализ результатов решения задачи более емким и информативным.

3. Анализ результатов оптимизационных задач на основе двойственных оценок, показателя конкуренции и оптимального решения позволяет определить влияние различных факторов на эффективность (среди которых конкурентная среда, число конкурентов, сокращение ресурсов и др.) и объяснить результаты не только влиянием ограничений (двойственных оценок или ресурсов), но и конкуренцией.

4. Данный подход к интерпретации переменных в оптимизационных задачах в качестве конкурентных и неконкурентных позволяет обнаружить закономерности между конкуренцией и эффективностью, подобные тем, при которых снятие барьеров и ограничений в экономике приводит к ее оживлению, а сокращение ресурсов вызывает обострение конкуренции.

Список источников

1. Баркалая О. Г. Понятие конкуренции в задачах оптимального распределения ресурсов и методы ее оценки // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 9. С. 734–740. DOI: 10.35854/1998-1627-2021-9-734-740
2. Таха Х. А. Исследование операций. 10-е изд / пер. с англ. СПб.: Диалектика, 2019. 1056 с.
3. Зайченко Ю. П. Исследование операций: учеб. пособие. 2-е изд. Киев: Вища школа, 1979. 392 с.
4. Вагнер Г. Основы исследования операций. В 3 т. Т. 1 / пер. с англ. Б. Т. Вавилова. М.: Мир, 1972. 335 с.
5. Данскин Дж. М. Теория максимина и ее приложение к задачам распределения вооружения / пер. с англ. М. В. Воронова. М.: Советское радио, 1970. 200 с.
6. Трухаев Р. И. Модели принятия решений в условиях неопределенности. М.: Наука, 1981. 257 с.
7. Зенкевич Н. А. Губар Е. А. Практикум по исследованию операций: учеб. пособие. СПб.: Золотое сечение, 2007. 170 с.
8. Акофф Р. Л., Сасиени М. В. Основы исследования операций / пер. с англ. В. Я. Алтаева. М.: МИР, 1971. 534 с.
9. Саати Т. Л. Математические методы исследования операций / пер. с англ. Ю. М. Певницкого и др. М.: Воениздат, 1963. 420 с.

References

1. Barkalaya O.G. The concept of competition in optimal resource allocation and methods for its assessment. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2021;27(9):734-740. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2021-9-734-740
2. Taha H.A. Operations research: An introduction. New York: Macmillan Publishing Co., Inc.; 1987. 876 p. (Russ. ed.: Taha H.A. Issledovanie operatsii. 2nd ed. Moscow: Dialektika; 2019. 1056 p.).
3. Zaichenko Yu.P. Operations research. 2nd ed. Kiev: Vishcha shkola; 1979. 392 p. (In Russ.).
4. Wagner H.M. Principles of operations research: With applications to managerial decisions. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc.; 1969. 937 p. (Russ. ed.: Wagner H. Osnovy issledovaniya operatsii (in 3 vols.). Vol. 1. Moscow: Mir Publ., 1972. 335 p.).
5. Danskin J.M. The theory of max-min and its application to weapons allocation problems. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag; 1967. 128 p. (Russ. ed.: Danskin J.M. Teoriya maksimina i ee prilozhenie k zadacham raspredeleniya vooruzheniya. Moscow: Sovetskoe radio; 1970. 200 p.).
6. Trukhaev R.I. Decision-making models under uncertainty. Moscow: Nauka; 1981. 257 p. (In Russ.).
7. Zenkevich N.A. Gubar E.A. Operations research workshop. St. Petersburg: Zolotoe sechenie; 2007. 170 p. (In Russ.).
8. Ackoff R.L., Sasieni M.W. Fundamentals of operations research. New York: John Wiley & Sons, Inc.; 1968. 455 p. (Russ. ed.: Ackof R., Sasieni M. Osnovy issledovaniya operatsii. Moscow: Mir Publ.; 1971. 534 p.).
9. Saaty T.L. Mathematical methods of operations research. New York: McGraw-Hill; 1959. 421 p. (Russ. ed.: Saaty T.L. Matematicheskie metody issledovaniya operatsii. Moscow: Voenizdat; 1963. 420 p.).

Сведения об авторе

Онисе Гивович Баркалая

кандидат технических наук, доцент
кафедры информационных технологий
и математики

Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

Поступила в редакцию 31.01.2022
Прошла рецензирование 17.02.2022
Подписана в печать 22.04.2022

Information about Author

Onise G. Barkalaya

Ph.D. in Engineering, Associate Professor
of the Department of Information Technologies
and Mathematics

St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103,
Russia

Received 31.01.2022
Revised 17.02.2022
Accepted 22.04.2022

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication
of this article.

УДК 37.014.24

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-369-376>

Экспортный потенциал рынка образовательных услуг Приморского края и стратегические пути его использования

Александр Павлович Латкин^{1✉}, Ван Бин²

^{1, 2} Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия

¹ aleksandr.latkinp@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0024-0229>

² wangbing001@yandex.ru

Аннотация

Цель. Исследовать современные подходы к развитию экспорта образовательных услуг, а также практики управления этим процессом в российском Приморье, обосновать принципиальную схему его государственной поддержки на региональном уровне.

Задачи. Обобщить теоретические представления о современных моделях экспорта образовательных услуг и провести анализ принимаемых в России концепций, программ для его развития в среднесрочной перспективе; выявить и систематизировать тенденции и проблемы развития экспорта услуг высшего образования в Приморском крае за последние десять лет гражданам приграничных провинций Китайской Народной Республики (КНР); разработать принципиальную схему государственной поддержки экспорта образовательных услуг на региональном уровне и модель стратегических направлений этого процесса на уровне университета.

Методология. В рамках принятой гипотезы исследования с применением методов системного, структурного и функционального анализа в строгой логической последовательности, с использованием большого массива теоретических и фактологических данных решены поставленные задачи.

Результаты. Определена устойчивая динамика развития экспорта услуг высшего образования в КНР в допандемийный период. Авторами обоснована проблема управления этим процессом на макро- и микроуровнях, при обострении конкуренции на рынках международных образовательных услуг. Предложена принципиальная схема государственной поддержки экспорта образовательных услуг.

Выводы. Проведенные исследования и полученные результаты служат организационно-методической основой для осуществления более эффективной политики развития экспорта образовательных услуг в приграничных с КНР российских регионах.

Ключевые слова: образовательные услуги, экспортный потенциал, высшие учебные заведения, государственное регулирование, инструменты регулирования, Дальний Восток, Приморский край

Для цитирования: Латкин А. П., Ван Бин. Экспортный потенциал рынка образовательных услуг Приморского края и стратегические пути его использования // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. No 4. С. 369–376. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-369-376>

Export endowments of the educational services market of the Primorsky Territory and strategic ways of its use

Alexander P. Latkin¹, Wang Bing²

^{1, 2} Vladivostok State University of Economics and Services, Vladivostok, *Russia*

¹ aleksandr.latkinp@vvsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0024-0229>

² wangbing001@yandex.ru

Abstract

Aim. The work aimed to analyze contemporary approaches to the development of the export of educational services, as well as the practice of managing this process in the Russian Primorye, as well as to substantiate the concept of its state support at the regional level.

Tasks. The work was performed to generalize theoretical ideas about modern models of export of educational services and analyze the concepts adopted in Russia, as well as programs for its development in the mid-term; to identify and systematize trends and problems in the development of exports of higher education services in the Primorsky Territory over the past ten years to citizens of the border provinces of the People's Republic of China (PRC); develop a conceptual model of state support for the export of educational services at the regional level and a model of the strategic directions of this process at the university level.

Methods. The tasks were solved within the framework of the accepted research hypothesis, using the methods of systemic, structural, and functional analysis in a strict logical sequence, with the use of a large array of theoretical and factual data.

Results. The stable dynamics of the development of export of higher education services to the PRC in the pre-pandemic period was determined. The authors substantiate the problem of managing this process at the macro and micro levels, with increased competition in the markets of international educational services. A conceptual model of state support for the export of educational services is proposed.

Conclusion. The studies conducted and the results obtained serve as an organizational and methodological basis for the implementation of a more effective policy for the development of the export of educational services in the Russian regions bordering the PRC.

Keywords: *educational services, export potential, higher education institutions, state regulation, regulatory tools, Far East, Primorsky Territory*

For citation: Latkin A. P., Wang Bing. Export endowments of the educational services market of the Primorsky Territory and strategic ways of its use. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(4):369-376 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-369-376>

Введение

На протяжении исторически продолжительного периода Приморский край занимает лидирующие позиции на российском Дальнем Востоке по уровню развития научно-образовательного потенциала. В середине прошлого века на этой территории создан Дальневосточный центр Академии наук (АН) СССР, а в начале XXI столетия — Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ), что во многом предопределило современную динамику экспорта образовательных услуг в страны Восточной Азии. Реализация в рамках государственной политики этих масштабных проектов позволила значительно увеличить в Приморском крае контингент высококвалифицированных на-

учных кадров, прежде всего за счет их миграции из ведущих научно-образовательных центров страны, которыми, в свою очередь, был существенно усилен профессорско-преподавательский состав открытых в этом регионе в годы плановой экономики высших учебных заведений.

В настоящее время в их числе, наряду с ДВФУ, высокий имидж в стране и за рубежом имеют Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС), Дальневосточный технический рыбохозяйственный университет (Дальрыбвтуз), Морской государственный университет (МГУ), Владивостокский филиал Российской таможенной академии (ВФ РТА), Приморская государственная сельскохозяйственная академия (ПГСХА), Дальневосточный ин-

ститут искусств (ДВИИ) и Тихоокеанский государственный медицинский университет (ТГМУ). Их удачная отраслевая структура, сравнительно высокий уровень развития материально-технической базы в условиях улучшенной транспортной доступности стран Восточной Азии и действия ряда других благоприятных факторов сформировали устойчивый поток абитуриентов из Лаоса, Камбоджи, Вьетнама и особенно — Китайской Народной Республики (КНР). С учетом этого на протяжении последних лет обеспечено безусловное лидерство российского Приморья на рынке международных образовательных услуг Дальнего Востока.

Заданный тренд усиления регионального экспортного потенциала образовательных услуг поддерживается государственной политикой децентрализации данного процесса в соответствии с новой стратегией «поворота вектора развития экономики России на Восток». Однако успехи социально-экономического развития перечисленных стран формируют в последнее время всё более высокую международную конкуренцию на рынке услуг высшего образования, что обуславливает необходимость постоянного совершенствования этой политики в целях обеспечения устойчивого роста экспортного потенциала национальной образовательной системы вообще и дальневосточных регионов в особенности.

Теоретико-методологические аспекты исследования

Проведенное нами обобщение теоретических представлений проблемы развития экспорта образовательных услуг [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9] позволяет считать правомерным использование в современных условиях трех его моделей: активной, пассивной и дистанционной. В пандемийный период 2019–2022 гг. произошло изменение их соотношения по уровню актуальности, и лидирующее положение сегодня занимает дистанционная модель экспорта (трансграничное образование).

В отечественной системе государственного управления важным шагом в развитии экспорта образования стало утверждение в рамках национального проекта «Образование» приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» на период до 2024 г. Успешность его реализации определена

решением таких задач, как разработка и внедрение целевой модели деятельности университетов по экспорту образовательных услуг; продвижение новых форм совместных образовательных программ; разработка университетских программ на английском языке; разработка различных форматов онлайн-образования, ориентированных на зарубежную целевую аудиторию; проведение летних программ обучения для зарубежных обучающихся и др. Для успешного решения перечисленных и иных задач в указанном приоритетном проекте предусмотрено дальнейшее развитие исследований экспорта образовательных услуг как экономической категории, совершенствование существующих моделей государственного регулирования этих процессов (макроуровень) и стратегического управления ими непосредственно университетами (микроуровень).

В России уже предпринят ряд мер, направленных на стимулирование экспорта образовательных услуг, включая разработку национальной стратегии по привлечению иностранных обучающихся, которая нашла отражение в ряде нормативно-правовых документов. Например, в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации (РФ) на 2019–2025 гг. в качестве основных направлений в области содействия свободному перемещению обучающихся, научных и педагогических работников выделены следующие:

1. Повышение доступности образовательных услуг для иностранных граждан, включая совершенствование правил въезда в Россию и пребывания на ее территории иностранных граждан, в целях обучения в российских образовательных организациях.

2. Обеспечение открытости РФ для обучающихся, научных и педагогических работников, в том числе создание для них комфортного режима въезда в Россию, пребывания, получения образования и осуществления профессиональной деятельности на ее территории.

3. Расширение возможностей для приглашения преподавателей из иностранных образовательных организаций в целях обучения российских граждан.

4. Совершенствование механизмов отбора талантливой иностранной молодежи для поступления в российские образовательные организации в пределах выделяемых квот [10].

Рис. 1. Модель стратегических направлений развития экспорта образовательных услуг на уровне вуза
 Fig. 1. Model of strategic directions for the development of export of educational services at the university level

Основные тенденции и проблемы развития экспорта образовательных услуг

Проведенные нами исследования проблем и тенденций развития рынка международных образовательных услуг показывают устойчивую динамику этого процесса в приграничном с КНР Приморском крае в основном по экспорту услуг высшего образования на уровнях «бакалавриат — магистратура — аспирантура». В настоящее время в его обеспечении участвуют семь высших учебных заведений при головной роли Дальневосточного федерального университета, достигении суммарного количества зарубежных студентов к 2022 г. 4,9 тыс. и его увеличении за последние десять лет более чем в три раза.

Следует отметить, что около 75 % данного контингента и определяющее значение в обеспечении указанной динамики составляют граждане КНР. Во многом это объясняется спектром и конкурентным потенциалом предлагаемых образовательных программ подготовки специалистов для наиболее перспективных сегментов китайского

рынка труда. Среди них — ИТ-технологии, экономика, менеджмент, медицина, искусство. Высок и потенциал созданной в указанных объектах экспорта образовательных услуг научно-исследовательской и учебно-методической базы, социально-бытовой инфраструктуры, а также профессорско-преподавательского состава. В совокупности с факторами транспортной доступности, взаимодополняемости экономик приграничных российско-китайских регионов, масштабы миграционных и туристских потоков перечисленная система благоприятных предпосылок формирует устойчивый тренд дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества в сфере высшего образования.

Таким образом, существуют основания указать на наличие в Приморском крае стратегической направленности деятельности абсолютного большинства вузов на экспорт образовательных услуг как важной составляющей формирования их внебюджетных доходов, повышения политического имиджа в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также увеличения вклада в социально-экономиче-

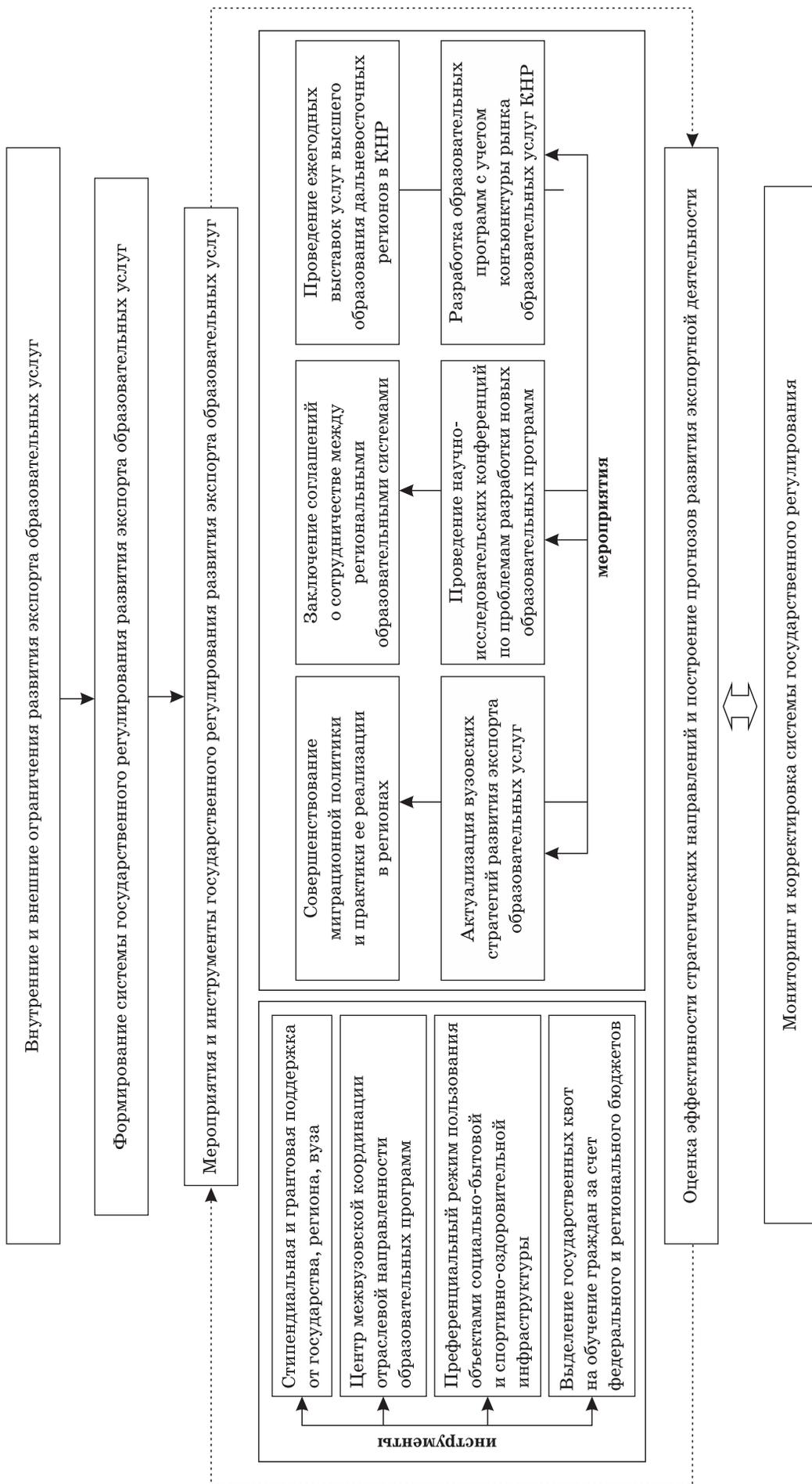

Рис. 2. Принципиальная схема государственного регулирования развития экспорта образовательных услуг на региональном уровне
 Fig. 2. Conceptual model of state regulation of the development of export of educational services at the regional level

Источник: разработано автором.

ское развитие территории местонахождения [11; 12; 13; 14]. Признавая некоторое ослабление этого процесса в пандемийный период, по нашему мнению, уже в краткой и среднесрочной перспективе данное стратегическое направление будет не только сохранять, но и усиливать свою актуальность, в том числе по причине происходящей стагнации российской экономики. Однако достижение желаемого эффекта реализации исследуемого направления требует адекватных изменений системы государственного регулирования экспорта образовательных услуг на региональном уровне с учетом предстоящей масштабности роста, возникающих проблем и противоречий его обеспечения.

Проведенные нами исследования на примере Приморского края показывают, что несмотря на высокую динамику экспорта образовательных услуг, причем преимущественно для граждан приграничных провинций КНР, сегодня по-прежнему остается много организационно-управленческих проблем обеспечения стабильности и устойчивого развития этого процесса. Ключевой из них является отсутствие скоординированности теперь уже многочисленных участников официально закрепленных партнерских отношений между российско-китайскими образовательными учреждениями, в которых преобладают политико-экономические и имиджевые интересы.

Именно в рамках такой скоординированности могут и должны быть обоснованы

предложения в федеральные и региональные органы управления о существенном упрощении существующей миграционной политики с учетом приграничной специфики поступления, обучения, проживания, прохождения плановых учебных и производственных практик, возможности трудоустройства на российских или совместных предприятиях в многолетний период учебы. Последнее видится особенно важным для дальневосточных регионов, в том числе Приморского края, имеющих значительный дефицит трудовых ресурсов.

В условиях нарастающей конкуренции на международном рынке образовательных услуг представляется целесообразным изменение российской государственной политики квотирования обучения иностранных граждан в сторону большей поддержки вузов Дальнего Востока, причем не только федеральных, но и региональных. Безусловно, данная мера должна базироваться на актуализации стратегий развития этих вузов при усилении их экспортной составляющей или разработке стратегических направлений развития экспорта образовательных услуг. Соответствующая модель показана на рисунке 1.

Для решения перечисленных и ряда других проблем предлагается принципиальная схема государственного регулирования развития экспорта образовательных услуг на региональном уровне, представленная на рисунке 2.

Список источников

1. Миронова С. В., Тимченко Н. С. Экспорт высшего образования в России: обзор теоретических подходов и практических решений // Социодинамика. 2020. № 11. С. 65–80. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.11.33940
2. Кузьмина В. М., Галигузов В. И. Направления и формы экспорта образовательных услуг Российской Федерации в КНР // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11. № 3. С. 111–124.
3. Краснова Г. А., Байков А. А., Арапова Е. Я. Модель экспорта образования: внутренняя интернационализация // Аккредитация в образовании. 2017. № 8 (100). С. 31–34.
4. Краснова Г. А., Байков А. А., Арапова Е. Я. Модель экспорта образования: сетевое взаимодействие вузов // Аккредитация в образовании. 2018. № 4 (104). С. 50–52.
5. Нагорнова М. Г. Зарубежный опыт экспорта высшего образования // Экономика и социум. 2020. № 7 (74). С. 610–613.
6. Лучко О. Н., Патласов О. Ю., Мухаметдинова С. Х. Проектирование системы экспорта образовательных услуг в приграничном регионе России на основе анализа образовательной миграции // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 478–491. DOI: 10.32744/pse.2019.2.36
7. Артемова П. В., Потоцкая Е. Д. Организационно-экономические механизмы развития экспорта российского образования // Инновации и инвестиции. 2019. № 5. С. 32–36.
8. Медяник Е. И. Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1 (11). С. 68–85. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-68-85

9. Чжао Дань. Проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества КНР и России в сфере высшего образования в условиях вызовов глобализации // *Caucasian Science Bridge*. 2019. Т. 2. № 4 (6). С. 10–16.
10. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 г.: указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23254/ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/ (дата обращения: 20.03.2022).
11. Ван Бин. Теоретико-методические подходы к оценке экономического эффекта экспорта образовательных услуг // *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 12. С. 1309–1311.
12. Латкин А. П., Ван Бин. Инновационные подходы к управлению российско-китайскими образовательными проектами // *Экономика и предпринимательство*. 2015. № 8–2. С. 1065–1067.
13. Латкин А. П., Ван Бин. Методика анализа и планирования инновационных российско-китайских образовательных проектов // *Экономика и предпринимательство*. 2015. № 7 (60). С. 78–82.
14. Ван Бин. Политическая целесообразность развития международных образовательных проектов // *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 3 (ч. 2). С. 1159–1161.

References

1. Mironova S.V., Timchenko N.S. Export of higher education in Russia: An overview of the theoretical approaches and practical solutions. *Sotsiodinamika*. 2020;(11):65-80. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2020.11.33940
2. Kuzmina V.M., Galiguzov V.I. Directions and forms of export of educational services of the Russian Federation to the PRC. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2021;11(3):111-124. (In Russ.).
3. Krasnova G.A., Baikov A.A., Arapova E.Ya. Education export model: internal internationalization. *Akkreditatsiya v obrazovanii*. 2017;(8):31-34. (In Russ.).
4. Krasnova G.A., Baikov A.A., Arapova E.Ya. Education export model: University networking. *Akkreditatsiya v obrazovanii*. 2018;(4):50-52. (In Russ.).
5. Nagornova M.G. International practice of export of higher education. *Ekonomika i sotsium*. 2020;(7):610-613. (In Russ.).
6. Luchko O.N., Patlasov O.Yu., Mukhametdinova S.Kh. Design of the system of export of educational services in the border region of Russia based on the analysis of educational migration. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2019;(2):478-491. (In Russ.). DOI: 10.32744/pse.2019.2.36
7. Artemova P.V., Pototskaya E.D. Organizational and economic mechanisms for the development of exports of Russian education. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2019;(5):32-36. (In Russ.).
8. Medianik E. Cooperation between Russia and China in the field of bachelor's and master's training. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie = RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Oriental studies" Series*. 2018;(1):68-85. (In Russ.). DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-68-85
9. Zhao Dan. Problems and prospects of cross-border cooperation of the PRC and Russia in the sphere of higher education in the conditions of globalization challenges. *Caucasian Science Bridge*. 2019;2(4):10-16. (In Russ.).
10. The concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019-2025. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 6. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/ (accessed on 20.03.2022). (In Russ.).
11. Wang Bing. Theoretical and methodological approaches to assessing the economic effect of the export of educational services. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2021;(12):1309-1311. (In Russ.).
12. Latkin A.P., Wang Bing. Innovative approaches to the management of the Russian-Chinese educational projects. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2015;(8-2):1065-1067. (In Russ.).
13. Latkin A.P., Wang Bing. Methods of analysis and planning of innovative Russian-Chinese educational projects. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2015;(7):78-82. (In Russ.).
14. Wang Bing. The political feasibility of the development of international educational projects. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2016;(3-2):1159-1161. (In Russ.).

Сведения об авторах**Латкин Александр Павлович**

доктор экономических наук, профессор,
руководитель Института подготовки кадров
высшей квалификации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

Ван Бин

аспирант кафедры экономики
и управления

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

Поступила в редакцию 08.04.2022
Прошла рецензирование 18.04.2022
Подписана в печать 22.04.2022

Information about Authors**Alexander P. Latkin**

D.Sci., Ph.D. in Economics, Professor, Head
of the Institute of Training of Highly Qualified
Personnel

Vladivostok State University of Economics
and Services

41 Gogol Str., Vladivostok 690014, Russia

Wang Bing

PhD student of the Department of Economics
and Management

Vladivostok State University of Economics
and Service

41 Gogol Str., Vladivostok 690014, Russia

Received 08.04.2022
Revised 18.04.2022
Accepted 22.04.2022

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication
of this article.

Управление подготовкой кадров для сферы услуг молодежного образовательного туризма

Оксана Николаевна Уткина

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия,
fsete@yandex.ru

Аннотация

Цель. На основе анализа современных тенденций развития сферы услуг молодежного образовательного туризма выявить условия эффективного управления подготовкой кадров для нее с максимальным привлечением молодежи.

Задачи. Охарактеризовать современные тенденции развития сферы услуг молодежного образовательного туризма; рассмотреть модель управления подготовкой кадров для данной сферы и обосновать условия ее эффективного применения.

Методология. С помощью общих методов научного познания рассмотрены тенденции развития сферы услуг молодежного образовательного туризма, модель управления подготовкой кадров для этой сферы и условия ее эффективного применения.

Результаты. Наблюдаются следующие тенденции развития сферы услуг молодежного образовательного туризма: возрастание значимости молодежного образовательного туризма как инструмента удовлетворения потребности молодежи в непрерывном саморазвитии и повышении уровня образования и профессионализма; недостаток профессиональных кадров для исследуемой сферы услуг; возрастание роли программ дополнительного профессионального образования и профессионального обучения, при реализации которых обязательно наличие практической составляющей на предприятиях партнеров-работодателей; усиление роли волонтерских сообществ, в том числе с привлечением профессиональной молодежи.

Выводы. В процессе исследования выявлено, что к условиям эффективного управления подготовкой кадров для сферы услуг молодежного образовательного туризма относятся системный характер подготовки кадров, в том числе в молодежных образовательных туристских центрах, функционирующих при образовательных организациях; развитие волонтерского движения при этих центрах как современного инструмента взаимодействия с потребителем, контроль эффективности подготовки кадров в центрах на основе критериальных оценок, управление факторами рисков как залога безопасности потребителей.

Ключевые слова: молодежный образовательный туризм, центры молодежного образовательного туризма, управление подготовкой кадров, волонтерство молодежи

Для цитирования: Уткина О. Н. Управление подготовкой кадров для сферы услуг молодежного образовательного туризма // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 4. С. 377–387. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-377-387>

Management of training personnel for the service sector of youth educational tourism

Oksana N. Utkina

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, fisete@yandex.ru

Abstract

Aim. The work aimed, based on the analysis of current trends in the development of the service sector of youth educational tourism, to identify the conditions for effective management of personnel training for it with the maximum involvement of young people.

Tasks. The work was performed to characterize the current trends in the development of the service sector of youth educational tourism; consider the personnel training management model for this area, and justify the conditions for its effective application.

Methods. The trends in the development of the service sector of youth educational tourism, the personnel training management model for this area and the conditions for its effective application were considered using general methods of scientific cognition.

Results. Certain trends in the development of the service sector of youth educational tourism are registered, namely the increasing importance of youth educational tourism as a tool to meet the needs of young people in continuous self-development and raising the level of education and professionalism; lack of professional staff for the service sector under study; an increase in the role of programs of additional professional education and vocational training, the implementation of which requires the presence of a practical component at the enterprises of partner-employers; strengthening the role of volunteer communities, including with the involvement of professional young specialists.

Conclusion. The study revealed that the conditions for effective management of personnel training for the service sector of youth educational tourism include the systemic nature of personnel training, including in youth educational tourist centers operating under educational organizations; development of the volunteer movement at these centers as a contemporary tool for interacting with the consumer, monitoring the effectiveness of personnel training in the centers based on criteria-based assessments, managing risk factors as a guarantee of consumer safety.

Keywords: *youth educational tourism, youth educational tourism centers, personnel training management, youth volunteering*

For citation: Utkina O.N. Management of training personnel for the service sector of youth educational tourism. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(4):377-387 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-377-387>

Введение

В нашей стране большое внимание уделено организации внутреннего молодежного туризма. Летом 2021 г. в Российской Федерации (РФ) стартовала Программа студенческого туризма с хештегом #СТУДТУ-РИЗМ2021, цель которой — формирование единого пространства для культурного, профессионального и личностного развития молодежи. Всё это — составные части сферы образовательного туризма для молодежи. Несмотря на наличие большого числа образовательных организаций, занимающихся подготовкой кадров для индустрии туризма, проведенный анализ предоставления туристских услуг за прошедший год, результатов проведения Программы показал,

что профессиональных кадров в индустрии туризма недостаточно, а уровень их профессионализма низок.

Возникает ряд вопросов. Каким образом организовать подготовку кадров для сферы услуг молодежного образовательного туризма с максимальным привлечением молодежи? Что должно быть положено в основу образовательной составляющей при подготовке кадров для данной сферы услуг, и в чем состоят особенности реализации соответствующих программ? Каким образом контролировать эффективность подготовки кадров? Какие риски могут возникать и как ими управлять? Решение этих задач позволит определить условия эффективного управления подготовкой кадров для сферы услуг молодежного образовательного туризма.

Значимость молодежного образовательного туризма

Меры государственной поддержки туристского бизнеса в России начали принимать с 2020 г. Правительством РФ предложено свыше десяти мер государственной поддержки. Министерство экономического развития РФ на 2021–2024 гг. разработало меры по поддержке проектов внутреннего туризма в рамках реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [1]. Направления комплексного развития туристской отрасли в стране изложены в Национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства», который содержит три федеральных проекта: «Развитие туристской инфраструктуры», «Повышение доступности туристских услуг», «Совершенствование управления в сфере туризма» [2].

В апреле 2021 г. Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному собранию обратил внимание на то, что «нужно сформировать дополнительные возможности для студенческого туризма» [3]. В рамках Программы с хештегом #СТУДТУРИЗМ2021 студенты могут находиться в университетских кампусах и общежитиях, посещать интересные туристические маршруты. По данным сайта Министерства науки и высшего образования РФ, «Программа уникальна тем, что она делается для студентов и преимущественно студентами» [4]. Как подчеркнул заместитель председателя Правительства России Д. Чернышенко, «туризму нужны активные и инициативные специалисты, со свежим взглядом и новыми идеями. Мы должны стимулировать студентов получать качественное профильное образование, давать возможность уже сейчас вносить ощутимый вклад в реализацию программ нацпроекта» [5]. В Программе молодежного и студенческого туризма выделено три трека: научно-популярный — доступ к научной инфраструктуре, участие в научных мероприятиях и научных исследованиях; профориентационный — погружение в интересующие специальности, освоение новых или дополнительных профессий, навыков и компетенций; культурно-познавательный — путешествие с целью культурного и личностного развития, а также в личных целях.

Анализ вакансий информационных сервисов для поиска сотрудников говорит о на-

личии в нашей стране потребности в квалифицированных кадрах для индустрии туризма. На рост дефицита таких кадров указывает министр науки и высшего образования В. Фальков. По его мнению, «университетам в разных регионах уже сегодня стоит задуматься о более качественной и масштабной подготовке кадров для сферы туризма и индустрии гостеприимства... Университеты на территориях не справляются с запросами на профессиональные кадры в туристической индустрии... Сегодня с такой мобильностью, которая есть, конечно, сопредельные субъекты должны тоже начать готовить кадры» [6].

Глава Ростуризма З. Догузова сообщила, что «туристы жалуются на качество услуг в различных объектах размещения на черноморских курортах, в том числе и на санатории» [7]. Низкое качество обслуживания на туристских объектах, слабая профессиональная подготовка линейного персонала характерны и для регионов РФ. Процесс решения проблемы подготовки кадров осуществляется на всех уровнях. Руководитель проектного офиса по туризму Аналитического центра Е. Мейтес утверждает, что популярность внутреннего туризма в нашей стране растет, однако в ряде регионов уровень оказываемых туристических услуг далек от идеального, а стоимость отдыха не соответствует уровню сервиса. Он предлагает следующее: «Необходимо увеличивать количество учебных заведений и мест по соответствующим образовательным программам в приоритетных туристических регионах, а также повышать качество самого образовательного процесса» [8].

Понятие «образовательный туризм» или «образовательный молодежный туризм» в официальных документах не обнаружено. Всемирная туристская организация (ЮНВТО) поездки с целью «Образование и профессиональная подготовка» связывает с основными видами деятельности: посещением краткосрочных курсов, прохождением определенных программ обучения (формальных или неформальных) или приобретением определенных навыков с помощью формальных курсов [9]. Результаты изучения теории образовательного туризма представлены в работах отечественных ученых А. Ю. Александровой, И. В. Зорина, А. Р. Лебедева, Э. А. Лунина, В. Л. Погодиной, В. А. Квартальнова, Ю. М. Чеботарь и др. [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Импонирует нам подход к определению «образовательного туризма», представленный в работах В. Л. Погодиной, в которых интегративный феномен образовательного туризма описан как объединение и взаимопроникновение образовательной и туристской деятельности [14]. В. Л. Погодина пишет, что туристская образовательная деятельность «объединяет в себе учебную туристско-образовательную деятельность обучающихся и организационную, учебно-методическую деятельность организатора» [14]. Иными словами, применительно к «образовательному туризму» молодежи глобально происходит взаимодействие двух субъектов: обучающегося-туриста и организатора образовательной туристской программы.

Обобщая изложенные в литературе научные подходы и мнения, уточним определения ряда понятий:

– молодежный образовательный туризм — это организованная система отношений, обусловленная производством и потреблением туристских услуг при удовлетворении потребностей молодежи в получении новых знаний, развитии или приобретении новых профессиональных компетенций при сохранении культурно-патриотических ценностей;

– сфера услуг молодежного образовательного туризма — область экономической деятельности по производству и потреблению туристских услуг при удовлетворении потребностей молодежи в получении новых знаний, развитии или приобретении новых профессиональных компетенций при сохранении культурно-патриотических ценностей;

– образовательные туристские услуги (ОТУ) для молодежи — услуги по удовлетворению туристских потребностей молодых людей при получении ими новых знаний, развитии или приобретении новых профессиональных компетенций в условиях сохранения культурно-патриотических ценностей.

Модель управления подготовкой кадров для сферы услуг молодежного образовательного туризма и условия ее эффективного применения

Организовать подготовку кадров для сферы услуг молодежного образовательного туризма с максимальным привлечением молодежи целесообразно при образовательных ор-

ганизациях высшего образования и среднего профессионального образования, реализующих направления подготовки для туризма под руководством специального отдела или центра, например, молодежного образовательного туристского центра. Миссия последнего будет заключаться в удовлетворении потребностей молодежи в получении компетенций и квалификаций кадров для соответствующей сферы услуг при устойчивом развитии указанного центра за счет высокого качества предоставляемых ОТУ для молодежи.

Согласно Федеральному закону «Об основах туристской деятельности в РФ», турист — это «лицо, посещающее страну (место) временного пребывания в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания, на период от 24 часов до 6 месяцев подряд или осуществляющее не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания»¹. С учетом этого, согласно п. 2 ст. 10 Федерального закона «Об образовании в РФ», для молодежи будут доступны дополнительное образование и профессиональное обучение, «обеспечивающие возможность реализации права на образование в течение всей жизни (непрерывное образование)»².

К направлениям молодежного образовательного туризма относится организация сетевой формы реализации ряда учебных дисциплин при обучении по программам высшего образования и среднего профессионального образования. С учетом результатов научных исследований, структурно ОТУ для молодежи мы рассматриваем как интеграцию практико-ориентированной программы, по окончании которой выдают соответствующий документ, и сопутствующей туристской услуги для молодежи. Она реализуется как программа дополнительного образования (курсы повышения квалификации, профессиональная переподготовка, дополнительные общеразвивающие программы); профессионального обучения

¹ Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 02.07.2021 № 343-ФЗ).

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021 № 351-ФЗ).

Рис. 1. Варианты реализации практико-ориентированной программы

Fig. 1. Options for implementing a practice-oriented program

по профессиям рабочих и должностям служащих с обязательным привлечением представителей профессионального сообщества индустрии туризма.

Практико-ориентированная программа (ПОП), помимо теоретической подготовки (Т.), должна содержать практическую (Пр.), реализуемую на предприятиях индустрии туризма. Учитывая потребности регионов нашего государства в профессиональных кадрах для индустрии туризма, необходимость сохранения культурно-патриотических ценностей наследия и традиций многонационального народа РФ, целесообразно практическую часть практико-ориентированной программы реализовывать в регионах. Например, возможны следующие варианты реализации ПОП в рамках ОТУ для молодежи, отраженные на рисунке 1:

1) теоретическая подготовка в образовательной организации, а практическая подготовка — в регионах РФ;

2) теоретическая подготовка и часть практической подготовки в образовательной организации, оставшаяся практическая подготовка — в регионах РФ;

3) часть теоретической и практической подготовки в образовательной организации, оставшаяся часть — в регионах РФ.

С учетом основных подсистем системы туристских потребностей рассмотрим функции молодежного образовательного туристского центра, представленные в таблице 1.

Молодежь выступает не только в качестве потребителя услуг образовательного туризма. Она может и должна быть активным участником процесса подготовки кадров для сферы таких услуг. Вовлечение молодежи представляется возможным через добровольческую (волонтерскую) деятельность. Среди центральных задач этого вовлечения — содействие рациональному использованию потенциала студентов образовательных организаций, при которых созданы молодежные образовательные туристские центры, за счет привлечения студентов в качестве волонтеров к практическому закреплению знаний и умений в процессе работы в данных центрах.

Подготовка добровольных (волонтерских) кадров должна осуществляться в соответствии с главными задачами волонтерского менеджмента, в том числе определением структуры волонтерской организации; технологией привлечения, набора и отбора волонтеров; регистрацией и учетом деятельности; системой поощрения; системой взаимодействий в рамках реализации волонтерских (добровольческих) программ и проектов. Функции студентов-волонтеров, принимающих участие в работе молодежного образовательного туристского центра, приведены в таблице 2.

Исходя из перечисленных функций, можно утверждать, что в качестве волонтеров целесообразно привлекать студентов, ко-

Функции молодежного образовательного туристского центра

Table 1. Functions of the youth educational tourist center

№	Функции молодежного образовательного туристского центра для подсистемы «Формирование туристских потребностей»	Деятельность молодежного образовательного туристского центра
1	<i>Формирование туристских потребностей</i>	
1.1	Взаимодействие с регионами РФ с целью выявления потребностей регионов, определения возможностей включения национально-культурных особенностей региона в ОТУ для молодежи	Социально ориентируемая
1.2	Исследование рынка в сфере услуг молодежного образовательного туризма, в том числе изучение потребностей предприятий индустрии туризма в кадрах, кадров как таковых в повышении / приобретении профессиональных компетенций, молодежи в ОТУ	Социально ориентируемая
1.3	Помощь в выборе ОТУ для молодежи как первичной потребности, помощь в планировании и организации ее получения как удовлетворение вторичных потребностей	Информационно-аналитическая
1.4	Ведение Базы клиентов как резерва кадров для индустрии туризма, получивших ОТУ для молодежи	Информационно-аналитическая
2	<i>Производство отдельных туристских услуг</i>	
2.1	Разработка ОТУ для молодежи на основе результатов исследования рынка сферы услуг молодежного образовательного туризма: – разработка практико-ориентированной программы; – взаимодействие с предприятиями индустрии туризма с целью разработки сопутствующего туристского продукта	Социально ориентируемая
2.2	Разработка методического и учебно-методического обеспечения ОТУ для молодежи	Образовательная
2.3	Формирование Базы образовательных туристских услуг для молодежи	Информационно-аналитическая
3	<i>Формирование и реализация туристского продукта</i>	
3.1	Формирование ОТУ для молодежи	Социально ориентируемая
3.2	Реализация ОТУ для молодежи	Образовательная
3.3	Маркетинговое сопровождение реализации ОТУ для молодежи	Информационно-аналитическая
3.4	Управление рисками при формировании и реализации ОТУ для молодежи	Социально ориентируемая
3.5	Информационное сопровождение реализации ОТУ для молодежи	Информационно-аналитическая
4	<i>Потребление туристского продукта</i>	
4.1	Учет, классификация, формирование Базы клиентов как резерва кадров для индустрии туризма	Информационно-аналитическая
4.2	Организация деятельности кадров из Базы клиентов на предприятиях-партнерах молодежного образовательного туристского центра	Социально ориентируемая
4.3	Организация проведения оценки качества ОТУ для молодежи с привлечением профессионального сообщества и приобретателей услуг	Экспертно-консультационная
4.4	Организация проведения оценки подготовки кадров для предприятий индустрии туризма с привлечением профессионального сообщества	Экспертно-консультационная

торые обладают и/или обучаются соответствующим компетенциям. Следует рассматривать не только направление подготовки группы 43.03.00.

Среди профессиональных компетенций можно выделить следующие:

– *направление 43.03.02 «Туризм»*: способность к продвижению и реализации туристского продукта с использованием информационных и коммуникативных технологий;

способность к общению с потребителями туристского продукта, обеспечению процесса обслуживания с учетом требований потребителей и (или) туристов;

– *направление 43.03.01 «Сервис»*: способность к диверсификации сервисной деятельности в соответствии с этнокультурными, историческими и религиозными традициями; способность выделять и учитывать основные психологические особенности потре-

Структурно-функциональная деятельность студентов-волонтеров молодежного образовательного туристского центра

Table 2. Structural and functional activities of student volunteers of the youth educational tourist center

Функция	Содержание функции студентов-волонтеров
Планирование	Исследование рынка в сфере услуг молодежного образовательного туризма
Информирование	Помощь потребителям в выборе ОТУ для молодежи; ведение Базы ОТУ для молодежи; ведение Базы клиентов
Сопровождение	Сопровождение приобретателей услуг в ходе реализации ОТУ для молодежи, помощь организационного и просветительского характера; маркетинговое сопровождение реализации ОТУ для молодежи; информационное сопровождение реализации ОТУ для молодежи
Координация взаимодействия с партнерами	Привлечение внешних ресурсов (молодежь), необходимых для сопровождения ОТУ для молодежи
Обеспечение эффективности	Устранение недостатков в работе студентов-волонтеров

бителя в процессе сервисной деятельности; готовность к работе в контактной зоне с потребителем, консультированию, согласованию вида, формы и объема процесса сервиса;

– *направление 42.03.01 «Реклама и связи с общественностью»*: готовность к использованию основных маркетинговых инструментов при планировании производства и (или) реализации коммуникационной стратегии в системе массовых коммуникаций, в том числе к применению современных технических средств и технологий цифровых коммуникаций; готовность при реализации коммуникационного продукта к использованию технологии медиарилейшнз и медиапланирования в коммуникационной среде онлайн, в том числе способность к организации и координированию работы по наполнению контента;

– *направление 45.03.02 «Лингвистика»*: владение этикой устного перевода; владение международным этикетом и правилами поведения переводчика в различных ситуациях устного перевода (сопровождение туристической группы, обеспечение деловых переговоров, обеспечение переговоров официальных делегаций);

– *направление 37.03.01 «Психология»*: способность к выявлению специфики психического функционирования человека с учетом особенностей возрастных этапов, кризисов развития и факторов риска, его принадлежности к гендерной, этнической, профессиональной и другим социальным группам; способность к реализации базовых процедур анализа проблем человека, социализации индивида, профессиональной и образователь-

ной деятельности, функционированию людей с ограниченными возможностями.

Для осуществления контроля деятельности молодежного образовательного туристского центра, в контексте подготовки кадров для сферы услуг молодежного образовательного туризма, необходимо ввести систему оценки эффективности деятельности: критерии и показатели, как видно из таблицы 3.

При реализации ОТУ для молодежи необходимо предусмотреть возможные риски и разработать мероприятия по их минимизации. Рассмотрим риски при приобретении услуг, указанные в таблице 4.

Приведем результаты экспертного оценивания факторов риска. В качестве экспертов нами приглашены специалисты, которые не работали в конкурирующих организациях, знают рынок и имеют представление об антикризисном стратегическом менеджменте, с опытом работы не менее пяти лет на руководящих должностях в системе образования и индустрии туризма. К экспертизе нами привлечены пять экспертов. Результаты ранжирования представлены в таблице 5. Ранг 7 получает риск, устранить который необходимо в первую очередь, далее — по убыванию.

Определим оценку по каждому фактору. Коэффициент согласованности мнений экспертов вычислим по формуле коэффициента конкордации:

$$W = \frac{12S}{m^2(n^3 - n)}, \quad (1)$$

где m — количество экспертов;

n — количество факторов.

Система оценки эффективности деятельности молодежного образовательного туристского центра

Table 3. System for evaluating the effectiveness of the youth educational tourist center activity

Критерии оценки	Показатели	Ответственный за оценку
Спрос на ОТУ для молодежи (по каждой услуге отдельно)	Доля туристов, получивших конкретную ОТУ для молодежи, от общего числа туристов, получивших такого рода услуги в центре	Сотрудник центра
Качество содержания ОТУ для молодежи	Оценка соответствия содержания ОТУ для молодежи целям услуги	Профессиональное сообщество индустрии туризма
Качество методического и учебно-методического обеспечения ОТУ для молодежи	Оценка соответствия методического и учебно-методического обеспечения целям услуги	Профессиональное педагогическое сообщество
	Оценка соответствия учебно-методического обеспечения целям услуги	Профессиональное сообщество индустрии туризма
	Оценка полезности учебно-методического обеспечения	Приобретатели услуг
Удовлетворенность качеством обслуживания	Оценка оказанной помощи в выборе ОТУ для молодежи; оценка сопровождения приобретателей услуг в ходе реализации ОТУ для молодежи; оценка времени получения обратной связи; динамика поступивших жалоб на работу центра	Приобретатели услуг
Объем продаж ОТУ для молодежи	Динамика прибыли от продаж по каждой услуге отдельно и в целом	Сотрудник центра
Эффективность PR-сопровождения ОТУ для молодежи	Динамика количества приобретателей услуг, обратившихся за услугой; количество подписчиков в социальных сетях, просмотров предлагаемых услуг на сайте	Сотрудник центра
	Актуальность информации на сайте; доступность содержания информации на сайте	Приобретатели услуг
Качество выполненных работ (оказанных услуг) в качестве субподрядчика	Оценка выполненных работ (оказанных услуг)	Профессиональное сообщество индустрии туризма
Востребованность кадров из Базы клиентов для индустрии туризма	Доля кадров из Базы клиентов, запрошенных для выполнения профессиональной работы, от общего числа кадров в Базе клиентов; динамика числа невостребованных кадров из Базы клиентов	Сотрудник центра
Общественный контроль за ОТУ для молодежи	Прохождение профессионально-общественной аккредитации	Профессионально-общественная организация

Коэффициент согласованности равен 0,903, что свидетельствует о сильной согласованности мнений экспертов. Проведем сортировку факторов с учетом коэффициентов компетентности экспертов. В таблице 6 указаны коэффициенты компетентности экспертов.

Взвешенные экспертные оценки по каждому риску представлены в таблице 7.

Таким образом, в процессе экспертизы на основе ранжирования факторов риска по степени опасности в качестве наиболее существенного фактора риска выделен финансовый. Наименее вызывает опасения социальный риск. Все выделенные риски управляемы и могут быть минимизированы.

Заключение

Выделенные условия эффективного управления подготовкой кадров для сферы услуг молодежного образовательного туризма позволяют организовать системную подготовку профессиональных кадров для данной сферы услуг из числа молодежи, в том числе волонтерское молодежное движение как инструмент взаимодействия с потребителем. К перспективным направлениям развития молодежного образовательного туристского центра можно отнести увеличение числа партнеров из системы образования (для реализации практико-ориентированной программы) и предприятий индустрии туризма;

Риски при приобретении образовательных туристских услуг для молодежи

Table 3. System for evaluating the effectiveness of the youth educational tourist center activity

Виды покупательских рисков	Действия по устранению/минимизации рисков
Контактный риск (риск обслуживания заказчика)	
При выдаче заказа: плохое качество оказываемой услуги	Оперативно произвести замену участников оказания услуги: молодежный образовательный туристский центр, образовательные организации и предприятия индустрии туризма
Ориентация на потребителя: при разработке и предоставлении услуг не учитываются потребности получателей услуг	Необходимо перманентное маркетинговое сопровождение реализации ОТУ для молодежи
Риски, связанные с реализацией услуг	
Потеря качества товара в момент оказания услуги: риск получения некачественных услуг	Наличие других образовательных организаций и предприятий индустрии туризма, которые могли бы по замене оказать услуги
Физический риск: риск получения вреда здоровью	Предлагаемые ОТУ для молодежи, организованные участниками сферы услуг молодежного образовательного туризма, должны соответствовать требованиям безопасности
Финансовый риск: нехватка средств у молодежного образовательного туристского центра для реализации услуг	Поддержание минимального запаса денежных средств
Социальный риск: полученные услуги не соответствуют требованиям/ потребностям общества	Необходимость прохождения независимой оценки качества с привлечением профессионального сообщества и приобретателей услуг
Потеря времени: неоправданные затраты времени на получение услуг	Партнеры, с которыми сотрудничает молодежный образовательный туристский центр, должны обладать развитой инфраструктурой и достаточными ресурсами. При оказании услуг должны соблюдаться стандарты обслуживания

Таблица 5

Результаты экспертного оценивания

Table 5. Expert evaluation results

Фактор ($n = 7$)	Ранги от экспертов ($m = 5$)					Сумма рангов	Отклонение от среднего	Квадрат отклонения
	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5			
При выдаче заказа: плохое качество оказанной услуги	6	5	5	5	4	25	5,00	25,00
Ориентация на потребителя: новые формы обслуживания	4	3	3	3	3	16	-4,00	16,00
Потеря качества товара в момент оказания услуги	5	6	7	6	5	29	9,00	81,00
Физический риск	3	4	4	4	6	21	1,00	1,00
Финансовый риск	7	7	6	7	7	34	14,00	196,00
Социальный риск	2	1	1	2	1	7	-13,00	169,00
Потеря времени	1	2	2	1	2	8	-12,00	144,00
Сумма	28	28	28	28	28	20	0	632,00

Таблица 6

Коэффициенты компетентности экспертов

Table 6. Expert competence coefficients

Эксперт	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Эксперт 4	Эксперт 5
Коэффициент компетентности	0,189	0,207	0,202	0,191	0,210

разработку медиаконтента, блогов, цифровых аудио- и видеогидов; разработку методическо-

го, учебно-методического обеспечения реализации практико-ориентированной программы.

Взвешенные экспертные оценки
Table 7. Weighted expert assessments

Фактор (n = 7)	Взвешенные оценки					Взвешенная оценка
	Э1	Э2	Э3	Э4	Э5	
При выдаче заказа: плохое качество оказанной услуги	1,1330	1,0372	1,0106	0,9574	0,8404	5
Ориентация на потребителя: новые формы обслуживания	0,7553	0,6223	0,6064	0,5745	0,6303	3
Потеря качества товара в момент оказания услуги	0,9441	1,2447	1,4149	1,1489	1,0505	6
Физический риск	0,5665	0,8298	0,8085	0,7660	1,2606	4
Финансовый риск	1,3218	1,4521	1,2128	1,3404	1,4707	7
Социальный риск	0,3777	0,2074	0,2021	0,3830	0,2101	1
Потеря времени	0,1888	0,4149	0,4043	0,1915	0,4202	2

Список источников

1. Поддержка проектов внутреннего туризма МЭР РФ в 2021–2024 годах будет осуществляться среди следующих регионов // Верное решение. URL: <https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/support-turizm-mer-2021> (дата обращения: 20.03.2022).
2. В Москве состоялась презентация национального проекта «туризм и индустрия гостеприимства» // Федеральное агентство по туризму. 2021. 30 апреля. URL: <https://tourism.gov.ru/news/17319/> (дата обращения: 20.03.2022).
3. Дополнительные возможности для студенческого туризма планируют создать в РФ // РИАМО. 2021. 21 апреля. URL: <https://riamo.ru/article/489262/dopolnitelnye-vozmozhnosti-dlya-studencheskogo-turizma-planiruyut-sozdat-v-rf.xl> (дата обращения: 20.03.2022).
4. Программа студенческого туризма вызвала большой интерес // Министерство науки и высшего образования РФ. 2021. 22 июля. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=37078 (дата обращения: 20.03.2022).
5. В октябре пройдет первый в России международный студенческий туристический конгресс // Министерство науки и высшего образования РФ. 2021. 29 сентября. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=40585 (дата обращения: 20.03.2022).
6. Бухарова О., Никитина И. Валерий Фальков: «В России растет дефицит кадров для сферы туризма» // Rg.ru. 2021. 24 июня. URL: <https://rg.ru/2021/06/24/valerij-falkov-v-rossii-rastet-deficit-kadrov-dlia-sfery-turizma.html> (дата обращения: 20.03.2022).
7. Кадровая проблема: на курортах РФ ощущается нехватка персонала в объеме не менее 20 % // Welcome Times. 2021. 20 октября. URL: <https://welcometimes.ru/news/kadrovaya-problema-na-kurortah-rf-oshchushchaetsya-nehvatka-personala-v-obeme-ne-menee-20> (дата обращения: 20.03.2022).
8. Нужно изменить подход к подготовке кадров для туристической индустрии // Аналитический центр при Правительстве РФ. 2021. 3 ноября. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/nuzno-izmenit-podhod-k-podgotovke-kadrov-dla-turindustrii-27082> (дата обращения: 23.03.2022).
9. Международные рекомендации по статистике туризма, 2008 г. // Организация Объединенных Наций. 2010. 179 с. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/Seriesm/SeriesM_83rev1r.pdf (дата обращения: 23.03.2022).
10. Александрова А. Ю. Структура туристского рынка. М.: Пресс-Соло, 2002. 382 с.
11. Зорин И. В., Квартальнов В. А. Энциклопедия туризма: справочник. М.: Финансы и статистика, 2000. 364 с.
12. Лебедев А. Р. Образовательный туризм как экономическая категория // Современная экономика: проблемы, тенденции, перспективы. 2012. № 6. С. 1–6.
13. Лунин Э. А. Совершенствование управления образовательным туризмом в РФ: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2009. 23 с.
14. Погодина В. Л. Образовательный туризм и его роль в формировании профессиональной компетентности учителей географии: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2009. 43 с.
15. Чеботарь М. Ю. Образовательный туризм: практ. пособие для турфирм и их клиентов. М.: Мир деловой книги, 1997. 68 с.

References

1. Support for domestic tourism projects of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation in 2021-2024 will be carried out among the following regions. Vernoe reshenie. URL: <https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/support-turizm-mer-2021> (accessed on 20.03.2022). (In Russ.).

2. Presentation of the national project “Tourism and hospitality industry” took place in Moscow. Federal Agency for Tourism. Apr. 30, 2021. URL: <https://tourism.gov.ru/news/17319/> (accessed on 20.03.2022). (In Russ.).
3. Additional opportunities for student tourism are planned to be created in the Russian Federation. RIAMO. Apr. 21, 2021. URL: <https://riamo.ru/article/489262/dopolnitelnye-vozmozhnosti-dlya-studencheskogo-turizma-planiruyut-sozdat-v-rf.xl> (accessed on 20.03.2022). (In Russ.).
4. The student tourism program aroused great interest. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. July 22, 2021. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=37078 (accessed on 20.03.2022). (In Russ.).
5. The first international student tourism congress in Russia will be held in October. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Sept. 29, 2021. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=40585 (accessed on 20.03.2022). (In Russ.).
6. Bukharova O., Nikitina I. Valery Falkov: “In Russia, there is a growing shortage of personnel for the tourism sector”. Rg.ru. June 24, 2021. URL: <https://rg.ru/2021/06/24/valerij-falkov-v-rossii-rastet-deficit-kadrov-dlia-sfery-turizma.html> (accessed on 20.03.2022). (In Russ.).
7. Personnel problem: at the resorts of the Russian Federation there is a shortage of personnel in the amount of at least 20%. Welcome Times. Oct. 20, 2021. URL: <https://welcometimes.ru/news/kadrovaya-problema-na-kurortah-rf-oshchushchaetsya-nehvatka-personala-v-obeme-ne-menee-20> (accessed on 20.03.2022). (In Russ.).
8. It is necessary to change the approach to training personnel for the tourism industry. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Nov. 03, 2021. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/nuzno-izmenit-podhod-k-podgotovke-kadrov-dla-turindustrii-27082> (accessed on 20.03.2022). (In Russ.).
9. International Recommendations for Tourism Statistics, 2008. Madrid, New York: United Nations; 2010. 179 p. URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/Seriesm/SeriesM_83rev1r.pdf (accessed on 20.03.2022). (In Russ.).
10. Aleksandrova A.Yu. Structure of the tourist market. Moscow: Press-Solo; 2002. 382 p. (In Russ.).
11. Zorin I.V., Kvartal'nov V.A. Encyclopedia of tourism: Reference book. Moscow: Finansy i statistika; 2000. 364 p. (In Russ.).
12. Lebedev A.R. Educational tourism as an economic category. *Sovremennaya ekonomika: problemy, tendentsii, perspektivy = Modern Economics: Problems, Trends, Prospects*. 2012;(6):5. (In Russ.).
13. Lunin E.A. Improving the management of educational tourism in the Russian Federation. Cand. econ. sci. diss. Synopsis. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2009. 23 p. (In Russ.).
14. Pogodina V.L. Educational tourism and its role in the formation of professional competence of geography teachers. Doct. pedag. sci. diss. Synopsis. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia; 2009. 43 p. (In Russ.).
15. Chebotar' M.Yu. Educational tourism: A practical guide for travel companies and their clients. Moscow: Mir delovoi knigi; 1997. 68 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Оксана Николаевна Уткина

кандидат педагогических наук, доцент, директор
института гуманитарных и социальных наук

Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр.,
д. 44а

Поступила в редакцию 12.04.2022
Прошла рецензирование 20.04.2022
Подписана в печать 22.04.2022

Information about Author

Oksana N. Utkina

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Director
of the Institute of Humanities and Social Sciences

St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103,
Russia

Received 12.04.2022
Revised 20.04.2022
Accepted 22.04.2022

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication
of this article.

Оригинальная статья / Original article

УДК 339.564

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-388-395>

Проблемы и перспективы диверсификации экспорта стран Центральной и Восточной Европы (расчеты на основе эконометрического анализа)

Александр Викторович Голубкин

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия, golubkinalexander@gmail.com

Аннотация

Цель. Выявление объясняющих факторов, определяющих уровень диверсификации экспорта государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в 2010–2021 гг.

Задачи. Исследование теоретических аспектов диверсификации экспорта восточноевропейских стран; анализ динамики изменения объемов и структуры экспорта государств ЦВЕ; оценка основных факторов, влияющих на процесс экспортной диверсификации в странах рассматриваемого региона, и выявление возможных перспектив для его дальнейшего развития.

Методология. Автором использованы такие методы исследования, как статистический анализ, наблюдение, эконометрический анализ, обобщение, описание, графическое моделирование и классификация данных.

Результаты. Полученные в ходе эконометрического анализа результаты свидетельствуют о том, что существует долгосрочная взаимосвязь между диверсификацией экспорта и валовым внутренним продуктом на душу населения, открытостью для торговли, накоплением человеческого и физического капитала, а также прямыми иностранными инвестициями.

Выводы. Анализируемые в настоящей статье социально-экономические показатели являются основными факторами, стимулирующими процесс диверсификации экспорта стран ЦВЕ. На протяжении исследуемого периода 2010–2021 гг. уровень инфляции демонстрировал негативный эффект относительно степени диверсификации экспорта государств ЦВЕ.

Ключевые слова: *Центральная и Восточная Европа (ЦВЕ), диверсификация экспорта, внешнеэкономические связи, интеграция, экономический рост, международная торговля, эконометрический анализ*

Для цитирования: Голубкин А. В. Проблемы и перспективы диверсификации экспорта стран Центральной и Восточной Европы (расчеты на основе эконометрического анализа) // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 4. С. 388–395. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-388-395>

Problems and prospects of export diversification of countries of Central and Eastern Europe (calculations based on econometric analysis)

Aleksandr V. Golubkin

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, golubkinalexander@gmail.com

Abstract

Aim. The work aimed to identify the explanatory factors that determine the level of export diversification of countries of Central and Eastern Europe (CEE) in 2010–2021.

© Голубкин А. В., 2022

Tasks. The work was performed to analyze theoretical aspects of export diversification of Eastern European countries; analyze the dynamics of changes in the volumes and structure of exports of the CEE states; assess the main factors influencing the process of export diversification in the countries of the region under consideration, and identify possible prospects for its further development.

Methods. The author used such research methods as statistical analysis, observation, econometric analysis, generalization, description, graphical modeling and data classification.

Results. The econometric analysis results suggest that there is a long-term relationship between export diversification and per capita gross domestic product, trade openness, human and physical capital accumulation, and foreign direct investment.

Conclusion. The socio-economic indicators analyzed in this article are the main factors stimulating the process of export diversification in the CEE countries. During the study period of 2010–2021, the inflation rate showed a negative effect on the degree of export diversification in the CEE countries.

Keywords: *Central and Eastern Europe (CEE), export diversification, foreign economic relations, integration, economic growth, international trade, econometric analysis*

For citation: Golubkin A.V. Problems and prospects of export diversification of countries of Central and Eastern Europe (calculations based on econometric analysis). *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(4):388-395 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-388-395>

Введение

Вопрос, возникающий при исследовании темы, вынесенной в название статьи, заключается в том, как страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) могли бы перейти от регрессивной специализации к диверсификации экономики, ведущей к устойчивому росту. Пытаясь найти возможные решения данной проблемы, в настоящей статье предлагаем основную гипотезу: диверсификация играет важную роль в развитии и росте экономики страны. Эта гипотеза построена на базе известных положений о том, что диверсификация способствует повышению производительности факторов производства, увеличению инвестиций и стабилизации экспортных поступлений, обеспечивает преимущества, связанные с уменьшением макроэкономических рисков, описанных в теориях роста и международной торговли [1].

Рассмотрим роль диверсификации экспорта в устойчивом экономическом развитии и оценку влияния валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, воздействия объема накопленных прямых иностранных инвестиций, уровня инфляции, открытости торговли и человеческого капитала на диверсификацию экспорта стран ЦВЕ посредством методов эконометрического анализа регрессионной модели взаимодействия [2]. К государствам ЦВЕ относятся Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Латвия, Литва, Северная Македония, Поль-

ша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия и Эстония.

Эконометрическое моделирование, оценивающее влияние социально-экономических показателей на процесс диверсификации экспорта стран ЦВЕ, осуществляется на основе статистических данных 2010–2021 гг., представленных на открытых интернет-ресурсах. Среди них — *UNCTADstat*, *UN Comtrade*, Всемирный банк и Международный валютный фонд. Техническим инструментом эконометрического моделирования служит статистический пакет *Stata 11*.

Роль диверсификации экспорта в экономическом развитии

Диверсификация представляет собой важный структурный элемент в экономическом развитии стран [3]. Она повышает их способность к устойчивости перед лицом циклических опасностей (потрясениями внешних условий торговли, высокой волатильностью цен на сырьевые товары), которым они подвержены, особенно страны, экспортирующие сырье [4]. Таким образом, процесс диверсификации способствует укреплению макроэкономической стабильности государства и снижает инвестиционные риски, которые в настоящее время распространяются на большинство секторов экономики. Кроме того, диверсификация экспортируемой продукции активизирует рост производительности компаний-экспортеров, стимулирует экономический рост

и, следовательно, приводит к экономическому развитию [5].

Диверсификация экспорта имеет важное значение, особенно для развивающихся экономик. В научной литературе наибольшее внимание уделено выявлению каналов сбыта экспортируемой продукции. Так, экспорт развивающихся стран, как правило, сосредоточен на нескольких товарных группах, часто сырьевых, с очень неустойчивым спросом [6]. Это приводит к высокой нестабильности доходов, что, в свою очередь, провоцирует высокую волатильность роста. Диверсификация экспорта в данных условиях имеет преимущество, обеспечивающее более стабильный приток доходов. Ряд авторов рассматривают преимущества диверсификации с точки зрения побочных эффектов в экономике при наличии более диверсифицированной производственной структуры [7].

На ранних стадиях экономического развития структурные преобразования и диверсификация тесно взаимосвязаны [4]. Поэтому структурные преобразования могут привести к диверсификации экспорта, появлению новых продуктов и торговых партнеров, а также к повышению качества существующего продукта. Концентрация экспорта, по сути, является симптомом задержки структурных преобразований и того, что развитие производственного сектора, как правило, сопровождается диверсификацией экспортируемой продукции [1]. Следовательно, диверсификацию экспорта можно рассматривать как изменение состава нынешней экспортной структуры экономики [7].

В настоящем эмпирическом исследовании нами охарактеризованы факторы, влияющие на диверсификацию, такие как человеческий капитал, открытость торговли и уровень инфляции. Высокий уровень человеческого капитала снижает концентрацию экспортируемой продукции. Это объясняется тем, что накопление человеческого капитала позволяет странам менять свои модели специализации: сырьевые товары на производство или услуги с большим вкладом знаний [8]. Кроме того, согласно теории эндогенного роста, человеческий капитал может сыграть существенную роль в процессе диверсификации экспортируемой продукции.

Повышение реального обменного курса также может быть существенным препятствием для диверсификации экспорта.

Более высокий и неконкурентоспособный обменный курс приводит к меньшей диверсификации [9]. Напротив, низкий реальный обменный курс может способствовать диверсификации экспортных товаров, а торговые партнеры снижают риски, связанные с инвестированием в новые секторы, особенно такие, которые предназначены для зарубежных рынков. Наконец, среди факторов, обуславливающих процесс диверсификации страны, можно выделить структурные факторы, в частности размер рынка и обеспеченность природными ресурсами [10]. Размер внутреннего рынка, измеряемый численностью населения, может быть, согласно новым теориям международной торговли, препятствием для диверсификации производственной системы, поскольку он препятствует достижению эффекта масштаба с помощью внешней торговли [11].

Динамика товарной структуры экспорта стран Центральной и Восточной Европы

Товарная структура экспорта государств ЦВЕ в 2010–2021 гг. не претерпела существенных изменений. Основными статьями экспортных поставок стран ЦВЕ по-прежнему остаются продукция обрабатывающей промышленности: машины, транспортное оборудование, электроника и ее составные компоненты, а также товары химической отрасли [8]. В 2020 г. на долю машин и транспортного оборудования приходилось 45,1 % совокупного экспорта стран ЦВЕ, на долю электроники — 13,9 %, на долю химической продукции — 9,5 %, что отражено в таблице 1.

Из сведений, указанных в таблице 1, следует, что экспортные потоки из государств ЦВЕ представлены в основном поставками машин и транспортного оборудования. При этом их доля находится на стабильном уровне: 44–45 % экспорта стран региона в исследуемый период (2010–2021 гг.). Данные, отраженные в таблице 1, свидетельствуют о том, что наблюдается тенденция постепенного сокращения доли машин и транспортного оборудования, увеличения доли высокотехнологичной продукции в совокупном экспорте стран ЦВЕ, как видно на рисунке 2. Удельный вес машин и транспортного оборудования в совокупном экспорте стран ЦВЕ остается на стабильном уровне (45 %). Однако их суммарная доля в последнее время начинает постепенно сокращаться. Так,

**Структура совокупного товарного экспорта стран Центральной и Восточной Европы
в 2010–2021 гг., %**

Table 1. Structure of the total commodity export of the countries of Central and Eastern Europe in 2010–2021, %

Наименование товарной группы / год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
	Экспорт, % совокупного экспорта											
Сельскохозяй- ственное сырье	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7	1,6	1,6	1,5	1,6	1,5	1,4	1,5
Руды и металлы	3,9	4,2	4,0	3,5	3,3	2,9	2,5	2,9	2,8	2,7	2,7	2,8
Минеральное топливо	5,5	6,2	6,4	5,9	5,2	4,4	3,4	3,6	3,8	3,5	2,6	2,8
Химическая продукция	7,8	8,0	8,1	8,2	8,3	8,1	8,2	8,5	8,5	8,7	9,5	9,6
Машины и транспортное оборудование	44,3	43,0	42,2	42,4	43,4	44,6	45,3	44,6	44,8	45,4	45,1	44,7
Электроника и ее компоненты	14,3	13,9	13,5	12,8	13,0	13,1	12,8	12,7	12,8	13,0	13,9	14,2
Железо и сталь	3,7	3,4	2,9	2,7	2,5	2,3	2,6	2,8	2,4	2,2	2,3	2,2
Текстиль	3,7	3,6	3,6	3,7	3,6	3,8	3,6	3,6	3,6	3,7	3,8	3,9
Другие товары	15,4	15,6	17,1	18,8	18,7	19,1	19,9	19,6	19,1	18,9	18,7	18,3

Источник: рассчитано автором по данным UNCTADstat. URL: unctadstat.unctad.org/wds/ (дата обращения: 29.03.2022); Trade Map. URL: www.trademap.org/ (дата обращения: 29.03.2022).

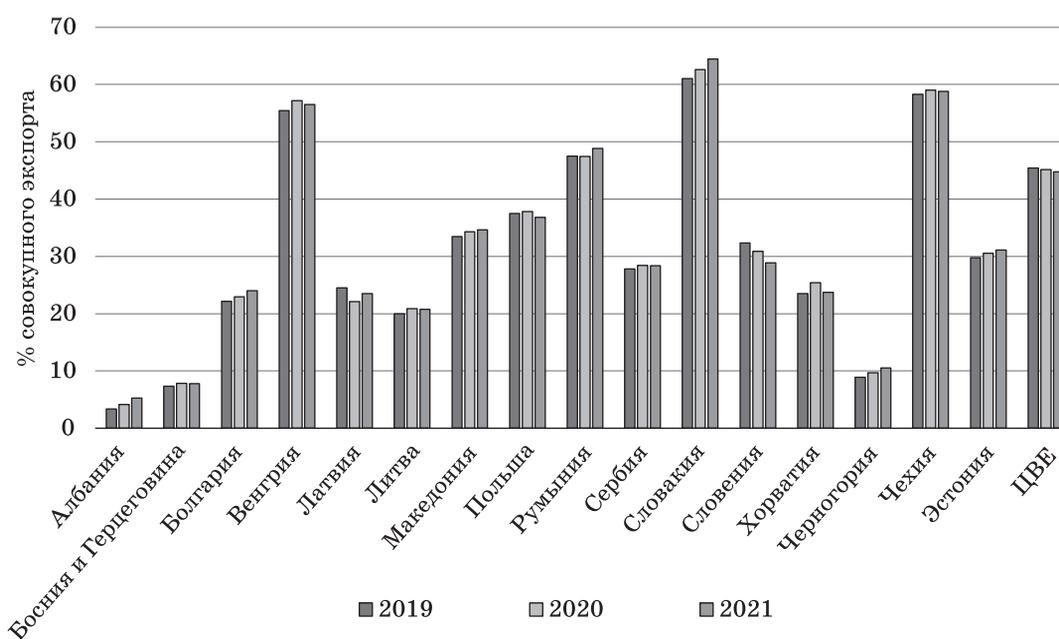

Рис. 1. Доля машин, транспортного оборудования и химической продукции в совокупном экспорте стран Центральной и Восточной Европы, 2019–2021 гг.

Fig. 1. Share of machinery, transport equipment and chemical products in total exports of countries of Central and Eastern Europe, 2019–2021

Источник: рассчитано автором по данным UNCTADstat. URL: unctadstat.unctad.org/wds/ (дата обращения: 29.03.2022); Trade Map. URL: www.trademap.org/ (дата обращения: 29.03.2022).

в 2021 г. на долю этой основной товарной позиции, экспортируемой рассматриваемыми государствами, приходилось 44,7 % по сравнению с 45,1 % в предыдущем году, как показано на рисунке 1.

Экспортные поставки, состоящие из высокотехнологичной продукции, занимают 12–14 % экспорта стран ЦВЕ в целом. Прслеживается тенденция увеличения доли электроники и ее структурных компонентов

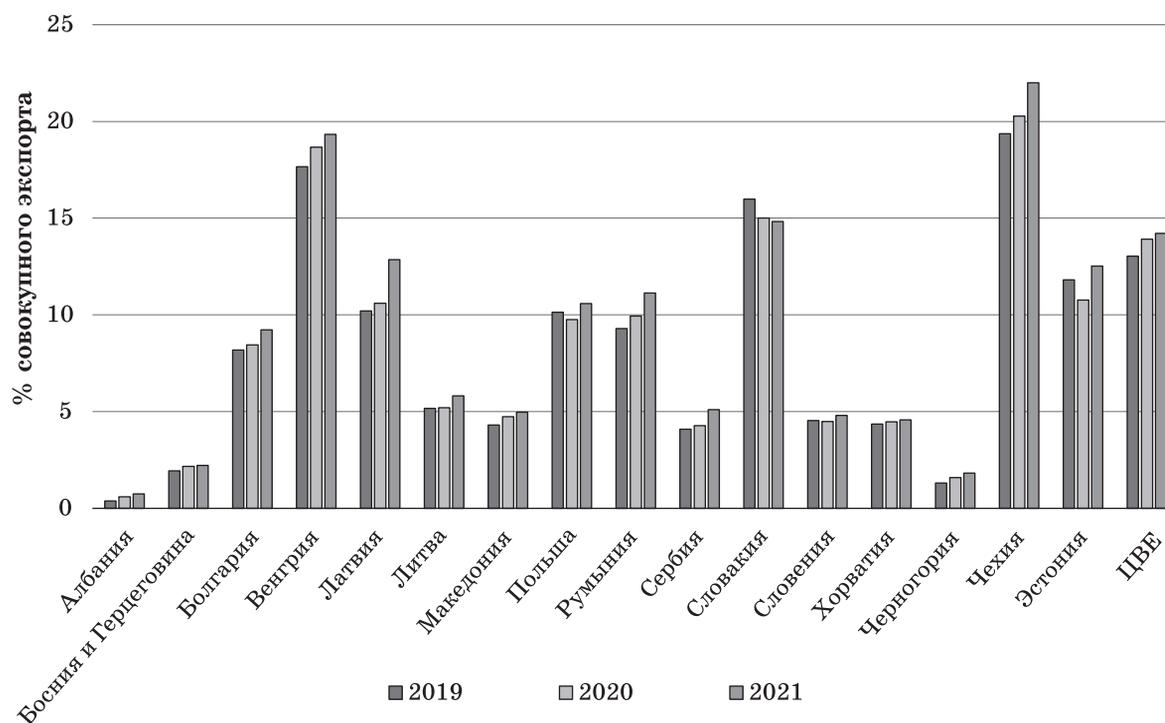

Рис. 2. Доля высокотехнологичной продукции и ее компонентов в совокупном экспорте стран Центральной и Восточной Европы, 2019–2021 гг.

Fig. 2. Share of high-tech products and their components in total exports of countries of Central and Eastern Europe, 2019–2021

Источник: рассчитано автором по данным UNCTADstat. URL: unctadstat.unctad.org/wds/ (дата обращения: 29.03.2022); Trade Map. URL: www.trademap.org/ (дата обращения: 29.03.2022).

в экспортных потоках восточноевропейских государств. В частности, в 2021 г. на долю высокотехнологичной продукции, экспортируемой странами ЦВЕ, приходилось 14,2 % по сравнению с 13,9 % в предыдущем году.

Факторы, влияющие на диверсификацию экспорта стран Центральной и Восточной Европы

В исследовании нами используется индекс диверсификации экспорта, который измеряет концентрацию и диверсификацию экспорта по товарным группам, показывает изменение количества товарных позиций, экспортируемых продукции и услуг по сравнению с мировой структурой торговли [12]. Значение индекса концентрации экспорта варьируется от 0 до 1. Значение, близкое к 1, указывает узкую номенклатуру экспорта¹.

Индекс диверсификации экспорта рассчитывается на базе абсолютного отклонения доли того или иного товара в экспорте стра-

¹ UNCTADstat. URL: unctadstat.unctad.org/wds/ (дата обращения: 29.03.2022).

ны от его доли в мировом экспорте и имеет следующую формулу [12]:

$$S_j = \frac{\sum_{i=1}^n |h_{ij} - h_i|}{2}, \quad (1)$$

где S_j — индекс диверсификации экспорта страны j ;

h_{ij} — доля товара i в совокупном экспорте страны j ;

h_i — доля товара i в мировом экспорте.

Следует отметить, что структурные преобразования приводят к перераспределению экономической активности — из секторов с низкой производительностью (сельского хозяйства) в те, где она выше (обрабатывающий сектор). По этой причине можно использовать долю экспорта обрабатывающей промышленности в совокупном объеме экспорта в качестве альтернативного показателя диверсификации экспорта.

Предлагаемую гипотезу проверяем при помощи модели линейной регрессии [2], которую можно записать в классическом виде следующим образом:

$$Y_{it} = \alpha + \beta X_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

Эконометрические результаты линейной регрессионной модели

Table 2. Econometric results of a linear regression model

Зависимая переменная: <i>ExpDIV</i>	(1) <i>Pooled / OLS Model</i>	(2) <i>Fixed-Effects Model</i>	(3) <i>Random-Effects Model</i>
<i>lnGDP</i>	0.650*** (0.0147)	0.223** (0.0123)	0.366*** (0.0125)
<i>lnFDI</i>	0.707*** (0.219)	0.362*** (0.0782)	0.110*** (0.0150)
<i>lnINF</i>	-0.351*** (0.0616)	-0.199*** (0.0299)	-0.414*** (0.0297)
<i>lnTrOP</i>	0.412** (0.0415)	0.0450** (0.0402)	0.0969** (0.0407)
<i>lnHCAP</i>	0.248*** (0.0129)	0.260*** (0.0701)	0.00240*** (0.0671)
<i>_cons</i>	0.723*** (0.0730)	0.583*** (0.0353)	0.571*** (0.0281)
<i>N</i> — Number of observations	176	176	176
<i>R-sq</i>	0.600	0.776	0.751
<i>adj. R-sq</i>	0.588	0.754	0.731
<i>rmse</i>	0.0662	0.731	0.798
<i>Standard errors in parentheses</i>			
* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$			

Источник: рассчитано автором в прикладном статистическом пакете *Stata 11*.

где Y_{ij} — объясняемая переменная, обозначающая индекс концентрации экспорта страны i за год t ;

α и β — коэффициенты регрессии;

X_{it} — матрица факторов;

ε_{it} — случайные ошибки регрессии.

В нашем случае линейная регрессия диверсификации экспорта стран ЦВЕ содержит определенные дополнения к классической модели линейной регрессии и имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{ExpDIV}_{it} = & \alpha + \beta_1 \text{GDP}_{it} + \beta_2 \text{FDI}_{it} + \\ & + \beta_3 \text{INF}_{it} + \beta_4 \text{TrOP}_{it} + \beta_5 \text{HCAP}_{it} + \varepsilon_{it}, \end{aligned} \quad (3)$$

где ExpDIV_{it} — диверсификация экспорта страны i (индекс диверсификации экспорта) за год t ;

GDP_{it} — ВВП на душу населения в постоянных ценах 2010 г. страны i за год t ;

FDI_{it} — объем накопленных прямых иностранных инвестиций страны i за год t ;

INF_{it} — уровень инфляции страны i за год t ;

TrOP_{it} — открытость торговли страны i за год t ;

HCAP_{it} — человеческий капитал страны i за год t ;

α — константа;

β — коэффициенты регрессии;

ε_{it} — случайные ошибки регрессии.

Расчеты произведены в прикладном статистическом пакете *Stata 11*.

Оценка коэффициентов факторов, влияющих на процесс диверсификации экспорта стран ЦВЕ, будет осуществляться при помощи эконометрической модели линейной регрессии (модель *Pooled-OLS*). В таблице 2 сведены результаты, полученные из модели линейной регрессии (модель *Pooled-OLS*).

В процессе эконометрического анализа модели линейной регрессии получен следующий коэффициент детерминации: $R\text{-sq} = 0,600$. Данное значение полученного коэффициента свидетельствуют о том, что рассматриваемые факторы в значительной степени влияют на процесс диверсификации экспорта стран ЦВЕ.

Коэффициенты душевого ВВП стран, накопленных прямых иностранных инвестиций, открытости торговли и человеческого капитала положительны, а значит, прямо пропорционально влияют на диверсификацию экспорта государств ЦВЕ. Коэффициент уровня инфляции отрицателен, что говорит об обратном пропорциональном влиянии на процесс диверсификации экспорта стран ЦВЕ.

Полученные в ходе регрессионного анализа оценки рассмотренных в таблице 2 факторов можно интерпретировать следующим

образом. В 2010–2021 гг. на процесс диверсификации экспорта стран ЦВЕ положительно влияли подушевой ВВП, накопленные прямые иностранные инвестиции, открытость торговли и человеческий капитал. При повышении коэффициента ВВП государств ЦВЕ значение индекса диверсификации экспорта увеличивалось на 0,6 %. При росте коэффициента накопленных прямых иностранных инвестиций значение индекса диверсификации экспорта в 2010–2021 гг. увеличивалось на 0,7 %. Аналогичная ситуация происходит и с показателем открытости торговли восточноевропейских стран. При увеличении данного коэффициента значение индекса диверсификации экспорта росло на 0,4 %. При росте коэффициента показателя человеческого капитала значение индекса диверсификации экспорта прямо пропорционально увеличивалось на 0,2 %.

Негативный эффект на процесс диверсификации экспорта восточноевропейских государств на протяжении исследуемого периода (2010–2021 гг.) оказывал уровень инфляции. По оценкам коэффициентов, полученных из модели линейной регрессии, можно сделать вывод о том, что при изменении коэффициента инфляции на одну единицу значение индекса диверсификации экспорта сокращалось на 0,3 %.

Заключение

При проведении эконометрического анализа линейной регрессионной модели выявлено положительное влияние ВВП на душу населения, воздействие объема накопленных прямых иностранных инвестиций, уровня инфляции, открытости торговли и человеческого капитала на диверсификацию экспорта государств ЦВЕ в 2010–2021 гг. Наибольшее значение для диверсификации экспорта восточноевропейских стран имеют накопленные прямые иностранные инвестиции. Негативный эффект относительно этого процесса продемонстрировал уровень инфляции.

Несмотря на полученные результаты эконометрического исследования и экономическую реальность, диверсификация экспорта остается благоприятным механизмом защиты национальных экономик стран ЦВЕ от внешних шоков. Государства Центральной и Восточной Европы должны стремиться повысить уровень прямых иностранных инвестиций и обеспечить макроэкономическую стабильность. Такая политика будет способствовать диверсификации экспорта, что в итоге увеличит вклад совокупной факторной производительности в экономический рост и позволит воспользоваться преимуществами преференций и либерализации мировой торговли.

Список источников

1. Проблемы экономического роста в странах Центрально-Восточной Европы в условиях новой реальности в мировой экономике: монография / отв. ред. Н. В. Куликова. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2019. 366 с.
2. Айвазян С. А. Методы эконометрики. М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010. 512 с.
3. Голубкин А. В., Князев Ю. К. Необходимость диверсификации внешнеэкономических связей стран Центрально-Восточной Европы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 141–160. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-141-160
4. Глинкина С. П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций: научный доклад. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2008. 28 с.
5. Глинкина С. П., Куликова Н. В., Синицина И. С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2014. 84 с.
6. Голубкин А. В., Князев Ю. К. Внешнеэкономические связи стран ЦВЕ в условиях кризиса в Европейском союзе // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 1. С. 47–62. DOI: 10.24412/2071-6435-2021-1-47-62
7. *Espoir M.* Determinant of export diversification: an empirical analysis in the case of SADC countries // International Journal of Research in Business and Social Science (2147–4478). 2020. Vol. 9. No. 7. P. 130–144. DOI: 10.20525/ijrbs.v9i7.942
8. Голубкин А. В. Центрально-Восточная Европа в поиске эффективных торговых партнеров. Актуальные направления географической диверсификации (эконометрический подход) // Инновации и инвестиции. 2022. № 1. С. 16–22. DOI: 10.24412/2307-180X-2022-1-16-22
9. Глинкина С. П., Куликова Н. В. Трансформация и ее социально-экономические эффекты в Центральной и Восточной Европе // Белорусский экономический журнал. 2013. № 3 (64). С. 4–17.
10. *Carstensen K., Toubal F.* Foreign Direct Investment in Central and Eastern European Countries: A Dynamic Panel Analysis // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 32. No. 1. P. 3–22. DOI: 10.1016/j.jce.2003.11.001

11. Dobrinsky R., Havlik P. Economic Convergence and Structural Change: the Role of Transition and EU Accession // The Vienna Institute for International Economic Studies: Research Report 395. 2014. July. URL: <https://wiiw.ac.at/economic-convergence-and-structural-change-the-role-of-transition-and-eu-accession-dlp-3357.pdf> (дата обращения: 29.03.2022).
12. Мигранян А. А. Конкурентный потенциал стран СНГ в формате региональной интеграции (на примере стран ЕАЭС). М.: Институт экономики Российской академии наук, 2015. 65 с.

References

1. Kulikova N.V., ed. Problems of economic growth in the countries of Central and Eastern Europe in the context of a new reality in the world economy. Moscow: Institute of Economics RAS; 2019. 366 p. (In Russ.).
2. Aivazyan S.A. Methods of econometrics. Moscow: Magistr; Infra-M; 2010. 512 p. (In Russ.).
3. Golubkin A.V., Knyazev Yu.K. The need to diversify foreign economic relations of the countries of Central and Eastern Europe. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021;(1):141-160. (In Russ.). DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-141-160
4. Glinkina S.P. Methodology of multilevel analysis of post-communist transformations: Scientific report. Moscow: Institute of Economics RAS; 2008. 28 p. (In Russ.).
5. Glinkina S.P., Kulikova N.V., Sinitsina I.S. Countries of Central and Eastern Europe: European integration and economic growth. Moscow: Institute of Economics RAS; 2014. 84 p. (In Russ.).
6. Golubkin A.V., Knyazev Yu.K. CEE countries' foreign economic relations in the EU crisis context. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika = ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. 2021;(1):47-62. (In Russ.). DOI: 10.24412/2071-6435-2021-1-47-62
7. Espoir M. Determinant of export diversification: an empirical analysis in the case of SADC countries. *International Journal of Research in Business and Social Science*. 2020;9(7):130-144. DOI: 10.20525/ijrbs.v9i7.942
8. Golubkin A.V. Central and Eastern Europe in search of effective trading partners. Current directions of geographical diversification (economic approach). *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2022;(1):16-22. (In Russ.). DOI: 10.24412/2307-180X-2022-1-16-22
9. Glinkina S.P., Kulikova N.V. Transformation and its social-economic effects in Central and Eastern Europe. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal = Belarusian Economic Journal*. 2013;(3):4-17. (In Russ.).
10. Carstensen K., Toubal F. Foreign direct investment in Central and Eastern European countries: A dynamic panel analysis. *Journal of Comparative Economics*. 2003;32(1):3-22. DOI: 10.1016/j.jce.2003.11.001
11. Dobrinsky R., Havlik P. Economic convergence and structural change: The role of transition and EU accession. The Vienna Institute for International Economic Studies Research Report. 2014;(395). URL: <https://wiiw.ac.at/economic-convergence-and-structural-change-the-role-of-transition-and-eu-accession-dlp-3357.pdf> (accessed on 29.03.2022).
12. Migranyan A.A. Competitive potential of the CIS countries in the format of regional integration (on the example of the EAEU countries). Moscow: Institute of Economics RAS; 2015. 65 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

Александр Викторович Голубкин

младший научный сотрудник

Институт экономики Российской академии наук

117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32

Поступила в редакцию 06.04.2022
 Прошла рецензирование 15.04.2022
 Подписана в печать 22.04.2022

Information about Author

Aleksandr V. Golubkin

Junior Researcher

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

32 Nakhimovskiy Ave., Moscow 117218, Russia

Received 06.04.2022
 Revised 15.04.2022
 Accepted 22.04.2022

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

УДК 338

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-396-403>

Об оценке прогностического потенциала зарубежной советологии

Максим Борисович Назаренко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, nazarenko_nax@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9177-085X>

Аннотация

Цель. Провести обзор и анализ мнений зарубежных советологов относительно путей развития советской экономики позднесоциалистического периода, а также выявления проблем прогностического потенциала зарубежной советологии.

Задачи. Изучить сценарии развития советской экономической модели предперестроечного периода и проблемы при их прогнозировании зарубежными аналитиками.

Методология. Объектом изучения стала зарубежная историография экономической истории СССР предперестроечного периода. Источниками информации послужили данные официальной статистики и работы зарубежных аналитиков. Авторами настоящей статьи используются общенаучные методы исследования, а также методы историко-экономического анализа.

Результаты. Анализ зарубежных исследований показывает, что выдвигавшиеся советологами перед перестройкой гипотетические сценарии развития Советского Союза основывались на прогнозах предыдущих лет, противоречивых статистических данных и научных методах, апробированных в условиях капиталистической экономической модели. Между тем советская плановая социалистическая модель представляла собой иной тип экономики, который ранее не пытались реализовать на практике в масштабах страны (ситуация остается прежней и в рассматриваемый нами период). Согласно позиции зарубежных исследователей, несмотря на низкий рост показателей валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения и главного флагмана экономики — промышленного сектора (с учетом падения нефтяных доходов и ужесточения санкционной политики против СССР в начале 1980-х гг.), экономика оставалась стабильной. Благодаря большим запасам прочности в виде развитой промышленности, сельского хозяйства, инфраструктуры, высокого научного потенциала и огромному запасу природных ресурсов дальнейшее существование СССР не подвергалось сомнению.

Выводы. Многие советологи писали о необходимости фундаментальных изменений в советской плановой экономической системе. Вместе с тем учитывали значительные трудности и риски, связанные с возможными реформами, полагая, что последствиями радикального внедрения рынка в плановую экономику могут быть существенные потрясения. Это одна из причин, ввиду которых в доперестроечный период мало кто из западных аналитиков допускал вероятность проведения масштабных преобразований в ближайшее время.

Ключевые слова: советология, эффективность, прогнозы, экономические реформы, ретроспектива, плановая экономика

Для цитирования: Назаренко М. Б. Об оценке прогностического потенциала зарубежной советологии // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 4. С. 396–403. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-396-403>

© Назаренко М. Б., 2022

Assessment of the predictive potential of international Sovietology

Maksim B. Nazarenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, nazarenko_nax@mail.ru, , <https://orcid.org/0000-0001-9177-085X>

Abstract

Aim. The work aimed to review and analyze the opinions of international Sovietologists regarding the ways of the Soviet economy development of the late socialist period, as well as to identify problems of the prognostic potential of international Sovietology.

Tasks. The work was performed to study scenarios for the development of the pre-perestroika Soviet economic model and problems in their prediction by international analysts.

Methods. The object of study was the international historiography of the USSR economic history in the pre-perestroika period. The sources of information were official statistics and the works of international analysts. The authors of this article used general scientific research methods, as well as methods of historical and economic analysis.

Results. An analysis of international studies shows that the hypothetical scenarios for the development of the Soviet Union put forward by Sovietologists before perestroika were based on prognosis of previous years, conflicting statistical data and scientific methods tested under the conditions of the capitalist economic model. Meanwhile, the Soviet planned socialist model represented a different type of economy, which had not previously been tried to be implemented on a national scale (the situation remains the same in the period considered). According to the position of international researchers, despite the low growth values of gross domestic product (GDP) per capita and the main leader of the economy, the industrial sector (taking into account the fall in oil revenues and stiffening of sanctions against the USSR in the early 1980s), the economy remained stable. Due to large margins of safety in the form of developed industry, agriculture, infrastructure, high scientific potential, and a huge stock of natural resources, the further existence of the USSR was not in doubt.

Conclusion. Many Sovietologists have written about the need for fundamental changes in the Soviet planned economic system. At the same time, they took into account the significant difficulties and risks associated with possible reforms, believing that the consequences of the radical introduction of the market into the planned economy could be significant disturbances. This is one of the reasons why, in the pre-perestroika period, few Western analysts admitted the possibility of large-scale reforms in the near future.

Keywords: *Sovietology, efficiency, forecasts, economic reforms, retrospective, planned economy*

For citation: Nazarenko M.B. Assessment of the predictive potential of international Sovietology // *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(4):396-403 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-396-403>

Постепенное замедление темпов экономического роста СССР с 70 — начала 80-х гг. XX в., неудовлетворительные попытки руководства указанного периода модернизировать хозяйственный механизм привели к росту предложений по структурным реформам советской системы для предотвращения кризиса. Однако практически никто из известных и авторитетных советологов не предполагал, что советская плановая экономическая система может прекратить существование в ближайшие несколько десятилетий.

Изучение работ зарубежных экономистов и историков позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на их заявления о необходимости фундаментальных реформ соци-

ально-экономической системы СССР, они склонялись к тому, что существовавшая советская система, со всеми ее недостатками, способна функционировать еще в течение продолжительного времени. Советолог М. Эллман, указывая на неэффективность советской модели, считал, что развал экономики СССР в ближайшей перспективе маловероятен. Он полагал, что постепенное снижение темпов роста экономики Советского Союза, начиная с 1960-х гг., указывает на то, что действовавшая плановая экономическая модель в долгосрочной перспективе не сможет развиваться в динамично изменяющейся международной капиталистической среде [1, р. 16]. М. Эллман писал о том, что советская социалистическая модель была

неспособна на дальнейшее развитие, даже если не произошло бы перестройки, которая своими непродуманными действиями ускорила крах системы: без системных изменений советская модель экономики оставалась бы обреченной на глубокий кризис.

Наличие значительных проблем в советской экономике способствовало формированию у советологов предположений о путях ее дальнейшего развития. В 1982 г. Г.-Г. Хеманн, один из немногих зарубежных экономистов, детально рассмотревших допустимые направления перемен в советской экономической системе, сформулировал четыре сценария возможного развития СССР:

1. Преобразование существующей модели в неосталинистскую. Данная модель развития предполагает быстрое накопление капитала путем снижения уровня потребления, использование принудительного труда, распределение ресурсов на решение основных задач и т. д.

2. Консервативная модернизация, более глубокое сотрудничество со странами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Указанный сценарий предполагает усиление централизма в планировании, укрепление внешнеэкономических связей со странами СЭВ.

3. Либеральная модернизация, налаживание устойчивых связей с Западом. Предполагается внедрение элементов открытости по экономическому, культурному и политическому направлениям. Вводятся компоненты нэпа и расширяется сотрудничество с Западом. Указанная модернизация возможна в случае разрядки напряженности между СССР и Западом, а также смены поколений в советском руководстве.

4. Радикальная либеральная модернизация. Преобразования, способствующие обеспечению сотрудничества с Западом в широком спектре. Наиболее радикальный путь развития, введение рыночных механизмов, политическая либерализация [2, с. 40–42].

Г.- Г. Хеманн предполагал, что проведение радикальных рыночных реформ может привести к краху существующей системы. Вместе с тем он обращал внимание на то, что подобные преобразования маловероятны, поскольку они могут угрожать существованию страны в целом. Поэтому устоявшаяся модель, с ее запасами прочности, будет стабильна еще как минимум десятилетие.

К схожим с Г.-Г. Хеманном выводам пришел и экономист Р. Гетц-Кененберг (ФРГ).

Однако реакционный вариант отсутствует в его сценариях:

1. Консервативно-бюрократическая модель. Отсутствие каких-либо существенных изменений в развитии экономической системы.

2. Либеральная модель. По мнению советолога, при таком сценарии развития допустимо сосуществование двух секторов экономики: первого — развивающегося по консервативно-бюрократической модели; второго — рыночного (либерализованного). Последний ассимилировал бы и легализовал в свою структуру существующую теневую экономику и предоставил право частной собственности на средства производства.

3. Радикальная модель. Р. Гетц-Кененберг, как и Г. Г. Хеманн, прогнозировал вероятность реализации радикального сценария, но, в отличие от коллеги, предполагал сохранение социалистической собственности и централизованное планирование в стратегических областях, то есть возможное применение в Советском Союзе венгерского или китайского опыта.

4. Технократическая модель. Сценарий, основанный на разработках советских экономистов-математиков, в котором воплощаются принципы системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ). По мнению Р. Гетц-Кененберга, данная модель (название которой им и введено) позволила бы оптимизировать экономические решения с учетом ограниченности производственных ресурсов и интересов разных уровней управления экономикой [3, с. 55–61].

Ф. Хэнсон признавал маловероятной возможность проведения реальных экономических преобразований в Советском Союзе. Он считал, что политическая и экономическая система централизованного планирования, господствующая в СССР, направлена на предотвращение децентрализации экономики и власти, демонстрирует категорическое неприятие внедрения ограниченных элементов рынка, даже под жестким контролем государства [4, р. 9–10].

Гипотетические сценарии экономических преобразований в СССР рассматривались и другими советологами. Например, Дж. Берлинер (США) предполагал, что трансформация советской экономики возможна в четырех направлениях. Среди них — следующие:

1. Консервативная модель умеренно-реформистского характера — сохранение ос-

новых элементов существующей модели. Однако предполагаются процедурные изменения и эксперименты в использовании договорных отношений в рамках существующей системы.

2. Реакционная модель — восстановление сталинизма. Дж. Берлинер допускал вероятность подобного сценария ввиду ностальгии по экономическим достижениям сталинского периода и отмечал, что «разумное реакционное руководство вполне может выжать из экономики больше, чем осторожное и скомпрометированное руководство последних десятилетий» [5].

3. Радикальная модель, в той или иной степени использующая венгерский опыт реформ. Основной упор сделан на децентрализацию процесса принятия решений, отказ от директивной цели планирования (под контролем центрального планирования будет только вопрос о вложении крупных инвестиций). Предполагается параллельное существование рынка и социализма, где основной мотивацией станет получение прибыли.

4. Либеральная модель — переход к неопэпу. При принятии данной модели реформ сохраняется централизованное планирование в государственном секторе, но разрешается ведение частной деятельности и кооперации в мелкомасштабном производстве, розничной торговле и т. д. [5, р. 110].

Многие зарубежные советологи были согласны с тем, что вопрос о ликвидации советской плановой системы, хотя и стоял на повестке дня, но, по их мнению, мог быть рассмотрен только в случае острого экономического кризиса. Существовавшая же в 1985 г. экономическая модель работала и могла сохраниться без существенных потрясений до начала XXI в.

По мнению В. Конторовича (созвучному с мнением ряда советологов, упомянутых выше), крах советской плановой экономической системы и распад страны не могли быть следствием возможной тенденции экономики СССР, состоявшей в стремлении к нулевому росту. Советская экономика позднесоциалистического периода представляла собой крепкую, отработанную структуру, которая могла стагнировать или сокращаться, но развалиться самостоятельно она не могла. Однако, как справедливо отмечает В. Конторович, в современном мире экономическим коллапсам, потрясениям и их негативным последствиям может противо-

стоять только устойчивая политическая система. Но в СССР к 1985 г. политическая система оказалась более хрупкой, чем экономическая [6, р. 2].

Очевидным становится тот факт, что советологические сценарии экономических преобразований в СССР во многих аспектах оказались ошибочны. История показала, что страна пошла по пути самых маловероятных сценариев, и реформы М. С. Горбачева, в частности перестройка, привели к распаду Советского Союза — результату, который практически никто из советологов не рассматривал в своих исследованиях. Характеризуя прогностический потенциал зарубежной советологии, нельзя исключать такой показатель, как ошибка прогнозирования — разрыв между прогнозируемым и фактическим событием. Анализируя прогностические ошибки зарубежных советологов, американско-советский экономист В. Конторович фактическим событием определяет распад Советского Союза как самостоятельного государства на 15 независимых государств. Но, по его мнению, ошибкой в прогнозируемом событии является объяснение распада страны, которое считали убедительным [6, р. 14].

В зарубежной историографии в качестве одной из главных причин рассматривали слабость, нежизнеспособность советской экономической системы, а одной из главных причин ошибки прогнозирования назвали преувеличение экономистами темпов и стабильности экономики Советского Союза. Но, как справедливо пишет В. Конторович, факт коллапса советской экономики не указывает на то, что выдвигавшиеся низкие оценки темпов экономики СССР еще в 1950-е гг. были верными, а более высокие — неверными [6, р. 16].

Зарубежные аналитики, характеризуя состояние экономики СССР, сформировавшееся к 1985 г., оперировали следующим тезисом: экономику Советского Союза характеризовало медленное, но устойчивое развитие. Однако новый руководитель страны — М. С. Горбачев — принимает решение провести ускорение экономического роста путем реформ (сложная международная обстановка и давление со стороны западных стран способствовали принятию необходимых рисков), которые только усугубили ситуацию. Политические реформы, сопутствовавшие экономическим, также способствовали развалу Советского Союза.

Оценивая потенциал роста советской экономики позднесоциалистического периода и анализируя перспективы ее дальнейшего развития, нельзя не отметить несколько фундаментальных источников ошибок, допущенных в прогностической части работ зарубежных советологов. Среди источников ошибок — анализ экономического роста СССР в краткосрочной перспективе, без рассмотрения долгосрочных тенденций. Обратим внимание на прогнозы таких советологов, как А. Бергсон (в 1978 г. предполагал рост ВВП на три года — 3,2 %, на пять лет — 4,1 %) [7, р. 234], А. Ноув (в 1980 г. предполагал рост ВВП на три года — 2,6 %, на пять лет — 2,9 %) [8, р. 17], Д. Бонд (в 1977 г. предполагал рост ВВП на три года — 2,0 %, на пять лет — 2,0 %) [9, р. 177], С. Кон (в 1970 г. предполагал рост ВВП на три года — 3,9 %, на пять лет — 4,8 %) [10, р. 15], а также данные Центрального разведывательного управления (ЦРУ) (в 1979 г. прогнозировали рост ВВП на три года — 3,6 %, на пять лет — 3,3 %) [11, р. 14]. Нельзя не сделать акцент на существенных различиях, наблюдавшихся в оценке среднегодовых темпов роста среди различных зарубежных экономистов.

Исходя из этого, В. Конторович приводит следующие данные: в 1976 г. рост ВВП в СССР на 1976–1980 гг. прогнозировался на уровне 4,3–4,7 % при известном показателе роста ВВП в 1971–1974 гг. 4,3 %. Рост ВВП Советского Союза в 1976–1979 гг. в итоге составил 3,1 %. В. Конторович справедливо указывает на ошибочность предполагаемых темпов роста экономики СССР, которые сформированы на период второй половины 1970-х гг. Эта ошибка стала очевидной в начале 1980-х гг. Но, по мнению В. Конторовича, очевидные факты ошибочности анализа перспектив роста советского ВВП не были учтены при работе над последующими прогнозами. В соответствии с ними предполагаемый экономический рост Советского Союза до 1985 г. также продолжает рассчитываться в основном на фундаменте предыдущих данных темпов роста СССР до 1980 г., которые снова оказались экстраполированы в прогнозируемые в будущем темпы роста ВВП. Подобным образом проведен и анализ ряда секторов экономики Советского Союза, например, промышленного. В. Конторович отмечает, что такая практика привела к игнорированию долгосрочных тенденций развития экономики

и значительной переоценке темпов роста ВВП СССР [6, р. 11].

В. Конторович полагает, что большинство советологов, составлявших в 1970-х гг. прогнозы развития советской экономики, не считали возможным продолжение замедления экономического роста СССР в долгосрочной перспективе. Это отразилось на оценке роста одного из главных и стабильных секторов советской экономики — промышленного. Как писал В. Конторович, наблюдавшаяся в промышленном секторе СССР долговременная стабильность и прочность при постепенном снижении темпов роста, возможно, являлась уникальной для макроэкономических показателей, но данную тенденцию советологи проигнорировали. Из этого следует вывод о том, что, поскольку последние не подходили к прогнозированию в долгосрочной перспективе, постепенно это привело к накоплению ошибок и, как следствие, к ошибочным суждениям о состоянии советской экономики к 1985 г. Возникает вопрос о том, почему зарубежные советологи, изучив доступные статистические данные, наблюдая замедление экономического роста СССР (в момент составления прогноза на следующие годы) и анализируя причины предыдущих замедлений роста, использовали эти данные в дальнейших прогнозах.

Как известно, экономисты проводят анализ роста производства, в частности в отдельных секторах экономики, в сравнении с ростом факторов производства (земли, труда, капитала) и изменением производительности, с которой используются факторы (общая факторная производительность (ОФП) — совокупность факторов, влияющих на выпуск продукции, за исключением затрат труда и капитала). ОФП может рассматриваться как мерило долгосрочных технологических изменений или технологической динамики, также находящейся в основе прогнозирования будущих темпов роста производства. В. Конторович справедливо указывает на то, что именно медленный рост ОФП, а не факторов, вызвал замедление роста ВВП в середине 1970-х гг. Однако советологи сосредоточили внимание на будущем росте факторов, делая акцент на дефиците рабочей силы.

Как отмечает В. Конторович, прогнозы, составлявшиеся в середине 1970-х гг., во многом игнорировали фактический рост труда и капитала до 1980 г., а в итоге пере-

оценили рост промышленного производства вследствие переоценки ОФП [6, р. 12]. Так, американский экономист Р. Гринслэйд писал о том, что на начало 1970-х гг. показатели общей факторной производительности снижались [12]. По мнению В. Конторовича, с учетом научно-технических достижений и потенциала Советского Союза снижение факторной производительности было очень необычным явлением, вряд ли кто-то верил этому снижению, особенно на фоне преобладавших ЦРУ оценок состояния экономики и отмечавшегося в этих отчетах роста потребительской активности населения. А. Бергсон полагал, что даже нулевой рост ОФП является «неоправданно пессимистичным» [13, р. 238]. В. Конторович обращает внимание и на то, что одной из причин недоверия выдвигаемых прогнозов роста экономики СССР стала ошибка в оценке темпов роста основного капитала.

Оценивая потенциал роста советской экономики и перспективы ее развития, зарубежные советологи основывались на доступных им статистических данных, как советских, так и западных. Но они не смогли предсказать события второй половины 1980-х гг. Причины низкого прогностического потенциала зарубежной советологии пытались выявить, проанализировать и советологи. Наиболее объективной и простой частью их экономического прогноза были расчет, сравнение, а также выявление ошибок в прогнозах темпов роста ВВП СССР. Однако, если речь идет о более сложных экономико-социальных явлениях, мы подходим к пониманию того, что прогнозы и сценарии развития, разработанные на основе только темпа роста ВВП, можно признать ограниченными. В. Конторович высказывает ряд обоснованных претензий к информационному охвату и методам прогностической работы: специалисты не учитывали ошибки прошлых прогнозов (1951–1971 гг.) при разработке следующих, игнорировали всё большую заостренность основных государственных институтов и т. д. [6, р. 15].

Исследование В. Конторовича о выявлении причин ошибок в зарубежных разработках прогнозов экономического развития СССР, которые начали накапливаться с 1960-х гг., позволяет, как нам представляется, понять первооснову проблем прогнозирования в советологии: несмотря на попытки аналитиков изучить советскую экономическую модель, они оказались огра-

ничены в методах. Западная экономическая наука на протяжении нескольких столетий изучала рыночные отношения, практически игнорируя нерыночные организации производства, особенно в рамках практиковавшихся в указанный период базовых теорий. В результате в то время, когда Советский Союз начал на практике проводить строительство новой плановой социалистической экономики, у зарубежных экономистов отсутствовали инструменты и методы для ее анализа. В. Конторович указывает и на языковой барьер, который значительно усложнял западным аналитикам работу с первоисточниками и снижал отдачу от эмпирической работы.

Кроме того, изучение советской экономической модели зачастую базировалось на моделях, призванных исследовать рыночные экономические системы. В. Конторович указывает на то, что разработка новых специализированных систем для каждого случая с учетом специфики плановой модели Советского Союза базируется на иных, а следовательно, менее престижных методиках. Работа с последними может занимать десятилетия для уточнения и выявления необходимых данных. С точки зрения В. Конторовича, советология представляла собой узкоспециализированную направленность в научно-исследовательском сегменте экономической науки Запада, что снижало круг изучения многочисленных отраслей и аспектов советской экономики, даже в таких важных областях, как инвестиции и инновации.

Работы большинства исследователей опирались или ссылались на труды других коллег, а небольшое число аналитиков сужало возможность дебатов, обсуждений и перекрестных проверок работ советологов, что порождало отсутствие противоречий в этой узкопрофессиональной среде. Справедливым видится утверждение В. Конторовича о тесной связи исследований советологов с наблюдавшейся в указанный период мировой политической ситуацией и возможной политической ангажированностью, личными политическими предпочтениями, которые могли существенно влиять на качество изучения, анализа, оценок и прогнозирования экономики СССР [6]. В итоге расхождение между гипотетическим и фактическим политико-экономическим состоянием СССР к 1991 г. в зарубежной советологии объясняется, как правило, ошибочностью ее

анализа. Следует учитывать и то, что советологи не всегда оперировали достоверными статистическими данными, особенно в отношении оборонного бюджета СССР, что приводило к искажениям в расчетах.

Итак, прогностический потенциал зарубежной советологии оказался невысоким. Комплекс фундаментальных проблем, существовавших в зарубежной советологии, ее возможная ангажированность и предвзятость привели к единственному исходу: никто из исследователей не смог

предугадать наиболее вероятный сценарий дальнейшего развития экономики СССР, который в первой половине 1990-х гг. привел к развалу социалистического блока, многократному падению темпов роста, как ВВП, так и отдельных отраслей народного хозяйства (и даже уничтожению ряда отраслей), натурализации товарного обмена, обнищанию большей части населения Российской Федерации и распаду Советского Союза как единого государственного образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ellman M.* *Socialist Planning*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 435 p.
2. *Höhmnn H.-H.* *Sowjetische Wirtschaft 1981/82: Wirtschaftslage, Stand des 11. Fünfjahresplans, Entwicklungsperspektiven, alternative Modelle der Wirtschaftspolitik*. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1982. 62 s.
3. *Götz-Coenenberg R.* *Die Preisbildung in der UdSSR am Beginn des 12. Fünfjahrplans: Grundprobleme und Reformaussichten*. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien, 1986. 81 s.
4. *Hanson P.* *Success Indicators Revisited: the July 1979 Soviet Decree on Planning and Management // Soviet studies*. 1983. Vol. 35. No. 1. P. 1–13. DOI: 10.1080/09668138308411455
5. *Berliner J. S.* *Soviet Industry From Stalin to Gorbachev. Essays on Management and Innovation*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1988. 306 p.
6. *Kontorovich V.* *Economists, Soviet Growth Slowdown, and the Collapse // Europe-Asia Studies*. 2001. Vol. 53. No. 5. P. 675–695. DOI: 10.1080/09668130120060224
7. *Bergson A.* *Conclusions // The USSR in the 1980s. NATO-Directorate of Economic Affairs*. Brussels: NATO, 1978. Vol. 7. P. 241–242.
8. *Nove A.* *The Soviet Economy: Problems and Prospects // The New Left Review*. 1980. No. 119 P. 1–17. URL: <https://newleftreview.org/issues/i119/articles/alec-nove-problems-and-prospects-of-the-soviet-economy> (дата обращения: 23.03.2022).
9. *Bond D. L.* *Prospects for the Soviet Economy // The Technological Level of Soviet Industry / ed. by R. Amann, J. Cooper, R. W. Davies*. New Haven, CT: Yale University Press, 1977. P. 170–183.
10. *Cohn S. H.* *Economic Development in the Soviet Union*. Lexington, MA: D. C. Heath and Company, 1970. 135 p.
11. *Sovsim, A Model of the Soviet Economy*. Washington, DC: CIA, National Foreign Assessment Center, 1979. 45 p.
12. *Greenslade R.* *The Real Gross National Product of the USSR, 1950–1975 // Soviet Economy in a New Perspective*. Washington, DC: US GPO, 1976. P. 270–300.
13. *Bergson A.* *Productivity and the Social System – the USSR and the West*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978. 256 p.

References

1. *Ellman M.* *Socialist planning*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 435 p.
2. *Höhmnn H.-H.* *Sowjetische Wirtschaft 1981/82: Wirtschaftslage, Stand des 11. Fünfjahresplans, Entwicklungsperspektiven, alternative Modelle der Wirtschaftspolitik*. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien; 1982. 62 p.
3. *Götz-Coenenberg R.* *Die Preisbildung in der UdSSR am Beginn des 12. Fünfjahrplans: Grundprobleme und Reformaussichten*. Köln: Bundesinstitut für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien; 1986. 81 p.
4. *Hanson P.* *Success indicators revisited: The July 1979 Soviet decree on planning and management*. *Soviet Studies*. 1983;35(1):1-13. DOI: 10.1080/09668138308411455
5. *Berliner J.S.* *Soviet industry from Stalin to Gorbachev: Essays on management and innovation*. Ithaca, NY: Cornell University Press; 1988. 306 p.
6. *Kontorovich V.* *Economists, Soviet growth slowdown, and the collapse*. *Europe-Asia Studies*. 2001;53(5):675-695. DOI: 10.1080/09668130120060224
7. *Bergson A.* *Conclusions*. In: *The USSR in the 1980s: Colloquium held 17th-19th January, 1978 in Brussels*. Brussels: NATO Directorate of Economic Affairs; 1978:241-242.

8. Nove A. Problems and prospects of the Soviet economy. *New Left Review*. 1980;(119):1-17. URL: <https://newleftreview.org/issues/i119/articles/alec-nove-problems-and-prospects-of-the-soviet-economy> (accessed on 23.03.2022).
9. Bond D.L. Prospects for the Soviet economy. In: Amann R., Cooper J., Davies R.W., eds. The technological level of Soviet industry. New Haven, CT: Yale University Press; 1977:170-183.
10. Cohn S.H. Economic development in the Soviet Union. Lexington, MA: Heath Lexington Books; 1970. 135 p.
11. SOVSIM, a model of the Soviet economy. Washington, DC: CIA, National Foreign Assessment Center; 1979. 45 p.
12. Greenslade R.V. The real gross national product of the USSR, 1950-1975. In: Soviet economy in a new perspective. Washington, DC: US GPO; 1976:270-300.
13. Bergson A. Productivity and the social system – the USSR and the West. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1978. 256 p.

Сведения об авторе

Максим Борисович Назаренко

аспирант кафедры истории народного хозяйства
и экономических учений экономического
факультета

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46

Поступила в редакцию 17.03.2022
Прошла рецензирование 31.03.2022
Подписана в печать 22.04.2022

Information about Author

Maksim B. Nazarenko

Postgraduate Student of the Department
of History of the National Economy and Economic
Studies, Faculty of Economics

Lomonosov Moscow State
University

1-46 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Received 17.03.2022
Revised 31.03.2022
Accepted 22.04.2022

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication
of this article.

УДК 334.7-055.2

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-404-413>

Особенности государственной поддержки женского предпринимательства в России: барьеры и возможности

Камила Дмитриевна Федорчук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
kamilafedorchuk@gmail.com

Аннотация

Цель. Разработать предложения по повышению эффективности государственной политики в направлении женского предпринимательства в Российской Федерации (РФ).

Задачи. Выявить специфику женского предпринимательства в России; определить основные барьеры и проблемы, характерные для российских женщин-предпринимателей; проанализировать существующие программы государственной поддержки женского предпринимательства в РФ, их полноту и эффективность реализации.

Методология. С помощью общих методов научного познания в различных аспектах рассмотрены особенности развития женского предпринимательства в России. В контексте исследования, проведенного в формате электронного опроса 35 женщин-респондентов в марте 2021 г., занятых на предприятиях малого и среднего бизнеса в шести городах (Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, Владивостоке, Ярославле, Сургуте), выявлены основные проблемы, с которыми сталкиваются женщины-предприниматели, угрозы и возможности для женского предпринимательства в условиях пандемии коронавируса COVID-19, а также дана оценка уровня государственной поддержки со стороны опрошенных.

Результаты. Установлено, что главными препятствиями для женщин при построении собственного бизнеса в России стали проблемы финансирования, первоначальных вложений и поиска инвесторов, проблемы слабого развития бизнес-образования и финансовой грамотности, а также высокие административные барьеры и недостаточность государственной поддержки. Кроме того, установлена высокая способность женщин в бизнесе к адаптации. Об этой их особенности свидетельствует множество ранее проведенных исследований. Но в условиях пандемии коронавируса COVID-19 навыки женщин-руководителей, способности принимать верные стратегические решения и грамотно управлять в кризисных ситуациях вышли на первый план.

Выводы. С учетом выявленных барьеров в развитии женского предпринимательства существующая государственная поддержка в данном направлении представляется недостаточно эффективной. В рамках решения этой проблемы можно предложить следующие меры: создание общероссийского образовательного центра для женщин-предпринимателей с региональными филиалами во всех крупных городах нашей страны; введение в закон о поддержке малого и среднего предпринимательства понятия «женское предпринимательство» и формирование специфического подразделения в Министерстве экономического развития РФ; установление режима налоговых каникул для одиноких и многодетных матерей, которые ведут бизнес в небольших городах и сельской местности.

Ключевые слова: женское предпринимательство, государственная поддержка и стимулирование бизнеса, малый и средний бизнес, мотивация, женская безработица, бизнес-образование, пандемия COVID-19

Для цитирования: Федорчук К. Д. Особенности государственной поддержки женского предпринимательства в России: барьеры и возможности // *Экономика и управление*. 2022. Т. 28. № 4. С. 404–413. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-404-413>

© Федорчук К. Д., 2022

Aspects of state support for women's entrepreneurship in Russia: obstacles and opportunities

Kamila D. Fedorchuk

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, kamilafedorchuk@gmail.com

Abstract

Aim. The work aimed to develop proposals to improve the state policy in the field of women's entrepreneurship in the Russian Federation (RF).

Tasks. The work was performed to reveal the specifics of women's entrepreneurship in Russia; identify the main obstacles and problems specific to Russian female entrepreneurs; analyze the existing programs of state support for women's entrepreneurship in RF, their completeness and effectiveness of implementation.

Methods. The aspects of the development of women's entrepreneurship in Russia are analyzed using general methods of scientific cognition in various fields. Within the study conducted in March 2021 in the format of an electronic survey of 35 female respondents employed in small and medium-sized businesses in six cities (Moscow, St. Petersburg, Sochi, Vladivostok, Yaroslavl, Surgut), the main problems faced by female entrepreneurs were revealed, as well as threats and opportunities for women's entrepreneurship under the COVID-19 coronavirus pandemic, as well as an assessment of the level of government support was presented from the respondents.

Results. The main obstacles for women in establishing their own business in Russia were found to be the problems of financing, initial investments, and searching for investors, the problems of poor development of business education and financial literacy, as well as difficult administrative obstacles and insufficient state support. In addition, a high adaptability of women in business was also established. This characteristic is evidenced by many previous studies. However in the context of the COVID-19 pandemic, the skills of female leaders, the ability to make the right strategic decisions and exercise management competently in crisis situations have come to the fore.

Conclusion. Taking into account the identified obstacles to the development of women's entrepreneurship, the existing state support in this field seems to be insufficiently effective. As part of solving this problem, a number of measures can be proposed, namely the creation of an all-Russian educational center for female entrepreneurs with regional branches in all major cities of Russia; the introduction of the concept of "women's entrepreneurship" into the law on support for small and medium-sized businesses and the formation of a specific unit in the Ministry of Economic Development of the Russian Federation; establishing a tax holiday regime for single mothers and mothers with many children who run a business in small towns and rural areas.

Keywords: *women's entrepreneurship, government support and business promotion, small and medium-sized businesses, motivation, women's unemployment, business education, COVID-19 pandemic*

For citation: Fedorchuk K.D. Aspects of state support for women's entrepreneurship in Russia: obstacles and opportunities. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2022;28(4):404-413 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-4-404-413>

Введение

Как и во многих других государствах, в России женское предпринимательство становится современным организационным и управленческим трендом, а женская предпринимательская активность способствует росту экономики. В связи с этим наше государство занимается разработкой политики по поддержке и стимулированию женщин в бизнесе.

Развитым женское предпринимательство является в большей степени в социальной

сфере: согласно исследованиям организации «Опора России», около 90 % компаний этой сферы возглавляют женщины [1]. Доля женщин-предпринимателей, занятых в малом и среднем бизнесе, достигает 30 %. В связи с этим справедливым представляется сделать вывод о том, что потенциал женского предпринимательства в Российской Федерации (РФ) реализован не в полной мере.

Вместе с тем наблюдается устойчивая тенденция возрастания роли женщин в экономической жизни российского государства в последнее столетие. Главное институци-

ональное и организационное изменение в бизнес-среде — увеличение их участия в ассоциированном предпринимательстве. Практически половина акционерных компаний включали в состав правления женщин [2]. Согласно исследованиям М. Н. Барышникова, сфера предпринимательства стала одной из первых в нашей стране, которая начала допускать относительное «равенство возможностей» по сравнению с мужчинами. Несмотря на эту положительную тенденцию, процесс становления института женского предпринимательства носил противоречивый характер, а трансформации в массовом сознании относительно участия женщин в бизнесе происходили медленно.

Особую активность женское предпринимательство приобрело в 90-е гг. прошлого столетия, с переходом к рыночной системе хозяйствования. В эти годы усилился интерес к данной категории предпринимательства со стороны научного сообщества, возникли первые труды об особенностях и проблемах женского предпринимательства [3]. Среди них — работа С. Ю. Барсуковой «Женское предпринимательство: специфика и перспективы», в которой впервые проанализированы количество и отраслевая специфика предприятий, возглавляемых женщинами, оценены гендерные проблемы в развитии женского предпринимательства [4].

С тех пор их участие в бизнесе неуклонно растет, как и внимание отечественных экономистов к изучению феномена женского предпринимательства. Основной отличительной чертой распространения деловой активности женщин в нашей стране служит тот факт, что они участвуют в бизнесе не только в качестве собственников, но и в качестве руководителей предприятий, работая по найму [5]. Уже с 2015 г. Россия лидирует по показателю количества женщин на высших управленческих постах (40 %). Во многих странах с развитой экономикой этот показатель значительно ниже: в Японии — 8 %, в Германии — 14 % [6]. В качестве причины, повлиявшей на такой результат, часто называют советский опыт общественного устройства, при котором женщины и мужчины имели равные права и возможности.

В последние годы в России среда для развития женской предпринимательской активности характеризуется как благоприятная [7]. Об этом свидетельствуют результаты шестой волны исследования «Индекс женской

предпринимательской активности (WBI)» [8], регулярно проводимого Комитетом по развитию женского предпринимательства «Опора России» и банком «Открытие». Данное исследование нацелено на анализ женской деловой активности с нескольких сторон. Речь идет об отношении общества к женщинам в бизнесе, оценке женщинами-предпринимателями условий ведения бизнеса и о влиянии предпринимательской деятельности на развитие личных качеств.

Особенности мотивации женщин к предпринимательской активности в России

Рассматривая вопрос о специфике развития женского предпринимательства в России, стоит отметить, что одной из особенностей является тип мотивации женщин к предпринимательской активности. Этот вопрос стал предметом исследования для многих отечественных экономистов, поскольку природа мотивации предпринимателя к началу ведения бизнеса в некотором роде предопределяет его форму реализации, эффективность, а возможно, и финансовый результат.

Одна из популярных позиций среди ученых состоит в признании факта распространенности так называемой вынужденной мотивации. Например, В. В. Марченко писал о том, что модель становления женского предпринимательства отличается вынужденностью, невозможностью существовать в своей профессиональной сфере иначе, чем взяв ответственность на себя [9]. Иными словами, женщины идут в бизнес, если не могут найти работу или не могут получить должного карьерного и финансового роста в найме. Особенно острым видится вопрос женской безработицы: только по данным официальной статистики, в нашей стране более двух миллионов безработных женщин [10]. Женскую безработицу причисляют к скрытой безработице, которая не отражена в официальной статистике в полной мере. Это обусловлено и многими гендерными особенностями: например, бытует мнение, что работодатели очень неохотно принимают на работу женщин с маленькими детьми [11]. В результате не остается другого выхода, кроме как начать собственное дело, чтобы обеспечить себя и семью [12]. Кроме того, множество жительниц маленьких городов и поселков сталкиваются с потерей стабильной работы, что и мотивирует

к предпринимательской активности. При должной поддержке таких инициатив можно добиться значительного экономического подъема отдельных регионов, используя ресурс женского предпринимательства.

Не менее важна такая особенность женского предпринимательства, как локализация в сфере малого и среднего бизнеса. Указанная черта характерна для женского бизнеса и в РФ, и в мире в целом: более трети малых и средних предприятий в мире сегодня возглавляют женщины, что позволяет рассматривать женское предпринимательство как ресурс развития малого и среднего бизнеса [13]. Как известно, именно представители и сотрудники малого и среднего бизнеса формируют средний класс любого государства, что наделяет женское предпринимательство огромным социально-экономическим и политическим потенциалом [14].

Государственная поддержка и стимулирование женского предпринимательства

Государство, осознавая существенную роль женского предпринимательства в развитии малого и среднего бизнеса, предпринимает некоторые шаги в рамках поддержки предпринимательской активности среди данной категории населения. Примером может служить создание специфических организаций, осуществляющих поддержку женского предпринимательства. Одна из них — общероссийская организация малого и среднего предпринимательства «Опора России». В рамках этой организации 3 марта 2015 г. учрежден Комитет по развитию женского предпринимательства в целях развития женского предпринимательства путем популяризации и внедрения эффективных механизмов поддержки, направленных на развитие существующих и создание новых проектов, реализуемых женщинами-предпринимателями. Кроме того, указанным Комитетом создан Проект по развитию женского предпринимательства, который решением председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. И. Матвиенко включен в Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017–2022 гг., утвержденную 8 марта 2017 г. [15]. Данная стратегия предполагает реализацию нескольких направлений в помощь женщинам.

Организованы и мероприятия по финансовой поддержке женщин-предпринимателей. В основном речь идет о помощи в кредитовании бизнеса, открываемого женщинами. За время существования Корпорации развития малого и среднего предпринимательства (МСП) предоставлено 1 143 гарантии и поручительства на сумму более четырех миллиардов рублей компаниям, созданным женщинами. Кроме того, Корпорацией МСП и АО «МСП Банк» разработаны специализированные кредитные продукты («Экспресс на текущие цели» и «Экспресс на инвестиции»), предназначенные для женщин-предпринимателей. В рамках данных продуктов могут быть реализованы и финансирование текущей деятельности предприятий, и инвестиционные проекты [16].

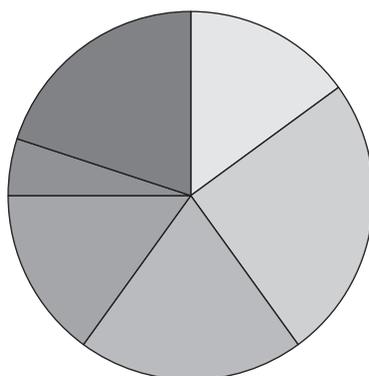
Несмотря на существование указанных выше мер поддержки, существуют трудности в развитии женского предпринимательства в России на современном этапе. Любой начинающий предприниматель сталкивается с различными трудностями и барьерами, препятствующими созданию или расширению бизнеса [17]. Однако многие экономисты и социологи обращают внимание на наличие специфических барьеров именно для женской предпринимательской активности [18].

Проблемы и барьеры для женщин-предпринимателей: результаты исследования

В рамках настоящего исследования проведен опрос, основной целью которого послужило выявление ключевых проблем, с которыми сталкиваются женщины-предприниматели, и уровня эффективности государственной поддержки с учетом оценки опрошенных. В опросе приняли участие 35 женщин-респондентов, занятых в предприятиях малого и среднего бизнеса в шести городах России: Москве, Санкт-Петербурге, Сочи, Владивостоке, Ярославле, Сургуте. Опрос организован в декабре 2020 г. в электронной форме.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что главными барьерами для женщин в построении собственного бизнеса стали проблемы финансирования, первоначальных вложений и поиска инвесторов, проблемы слабого развития бизнес-образования и финансовой грамотности, а также высокие административные барьеры и недостаточность государственной поддержки, как видно на рисунке 1.

С какими проблемами Вы столкнулись
в процессе создания и развития своего бизнеса?

- Высокие затраты на создание и продвижение бизнеса — 15
- Поиск инвестора и финансирования бизнес-проекта — 25
- Нехватка должного бизнес-образования и финансовой грамотности — 20
- Высокие налоговые и административные барьеры — 15
- Отсутствие поддержки со стороны государства — 5
- Сложности в совмещении ведения бизнеса и заботы о семье — 20

Рис. 1. Проблемы, возникающие в процессе реализации женской предпринимательской активности, %
Fig. 1. Problems arising in the process of implementing women's entrepreneurial activity, %

Источник: составлено автором.

На дефицит должного образования (предпринимательской и финансовой грамотности, опыта ведения бизнеса) обратили внимание почти треть опрошенных. В контексте этой проблемы нельзя не упомянуть о том, что фактически отсутствует институт наставничества в сфере женского предпринимательства.

Попытки создания бизнес-школ и курсов по предпринимательству для женщин зафиксированы лишь в отдельных регионах. Например, ведется набор на образовательную бизнес-программу «Женское наставничество» в Приморье. Мероприятие проходит в рамках национального проекта «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», направлено на улучшение инвестиционного климата в регионе. Однако подобные примеры единичны, не имеют федеральных масштабов реализации, опыт проведения таких проектов невелик. Отсутствие института наставничества в этой сфере предопределяет актуальность изучения причин формирования данной ситуации и разработки эффективных мер по ее улучшению, возможно, с использованием положительных кейсов из зарубежного опыта.

Кроме того, существует огромный перечень проблем и барьеров, как административных, так и финансовых, которые ежедневно возникают перед современными женщинами-предпринимателями. Политика государства в области их поддержки не является, по нашему мнению, эффективной и не имеет необходимых масштабов реализации. Согласно проведенному исследованию, практически половина респондентов пишут об отсутствии поддержки со стороны государства и одновременно о том, что сталкиваются с высокой налоговой нагрузкой на бизнес, множеством бюрократических барьеров и коррупцией.

Если в крупных городах ведется активная деятельность по поддержке женского предпринимательства, то на региональном уровне недостаточно мер поддержки женского предпринимательства [19]. Особое значение имеют гендерные особенности: несмотря на трансформации многих традиционных установок в общественном сознании, которые наблюдаются сегодня в России, большинство женщин вынуждены совмещать ведение бизнеса с заботой о семье [20]. Трудности в этом аспекте испытывают около 20 % опрошенных. Это предполагает отсутствие у женщин возможностей

посвящать развитию бизнеса достаточное количество времени, поскольку им необходимо выполнять функцию воспитания детей и ведения домашнего хозяйства. Такая ограниченность может частично влиять на успешное функционирование предприятий, возглавляемых женщинами.

Вместе с тем в международной практике все большее распространение получает идея о том, что наличие маленьких детей для женщины является не препятствием, а наоборот, стимулом к развитию бизнеса. Дети выступают в роли идейных вдохновителей для открытия бизнеса, а стремление обеспечить ребенку все необходимое служит стимулом для развития и масштабирования своего дела. Именно этой категории женщин-предпринимателей уделено особое внимание и оказана максимальная поддержка со стороны как государства, так и бизнес-сообщества во многих странах с развитой экономикой. В Великобритании даже ввели специальный термин “mumpreneur”, что означает «женщина, которая совмещает ведение бизнеса и заботу о детях». Данный термин включили в словарь *Collins*. Издан онлайн-справочник предприятий мам, создана программа *Campus for Mums* в рамках организации *Mumpreneurs UK* [21].

В нашей стране также предприняты попытки поддержки мам-предпринимателей со стороны государства. Примером может служить федеральный образовательный проект по развитию женского предпринимательства под названием «Мама-предприниматель», осуществляемый совместно с Корпорацией МСП при поддержке Благотворительного фонда «В ответе за будущее». Данный проект направлен на поддержку женщин, находящихся в декретном отпуске, матерей несовершеннолетних детей, а также женщин, состоящих на учете в службе занятости, которым важно сочетать профессиональную самореализацию с заботой о семье. Миссия проекта — формирование у женщин ряда необходимых компетенций и знаний для организации собственного бизнеса, развитие социальной сферы, рост доли малого бизнеса в структуре ВВП, снижение уровня безработицы в России. Несмотря на такого рода попытки государства поддержать женщин-предпринимателей, большинство респондентов указали, что не ощущают должной поддержки и стимулирования своей предпринимательской активности, что отражено на рисунке 2.

Чувствуете ли Вы поддержку предпринимательской активности со стороны государства?

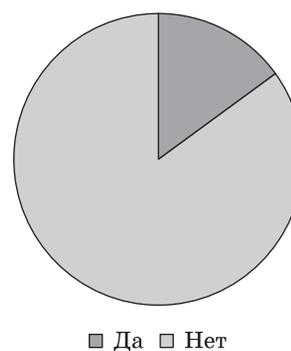

Рис. 2. Уровень государственной поддержки женщин-предпринимателей
Fig. 2. Level of state support for female entrepreneurs

Источник: составлено автором.

Еще одним значительным барьером для женщин на пути к развитию собственного дела в России остаются гендерные стереотипы, сложившиеся в обществе. Данный барьер зачастую препятствует восприятию женщины как полноценного бизнес-партнера и ограничивает ее возможности [1].

Влияние пандемии коронавируса COVID-19 на женское предпринимательство

В рамках исследования интерес представляет вопрос об отраслевой принадлежности предприятий, возглавляемых женщинами. Среди респондентов большинство ведут бизнес в сфере услуг, треть — в сфере торговли, остальные — в сфере общественного питания, развлечений, туризма и гостиничного бизнеса, как показано на рисунке 3.

Отраслевая специфика распределения женского бизнеса, представленная на рисунке 3, стала решающим фактором в значительном снижении роста экономических возможностей женщин в период пандемии коронавируса COVID-19.

В процессе исследования, проведенного Международным торговым центром в июне 2020 г., установлены причины негативных последствий от пандемии для развития бизнеса среди женщин-предпринимателей. Высокая доля их занятости в сферах услуг, розничной торговли, общественного питания, туризма и гостиничного бизнеса предопределила высокие потери от режима самоизоляции, поскольку эти отрасли предполагают личный контакт с клиентами

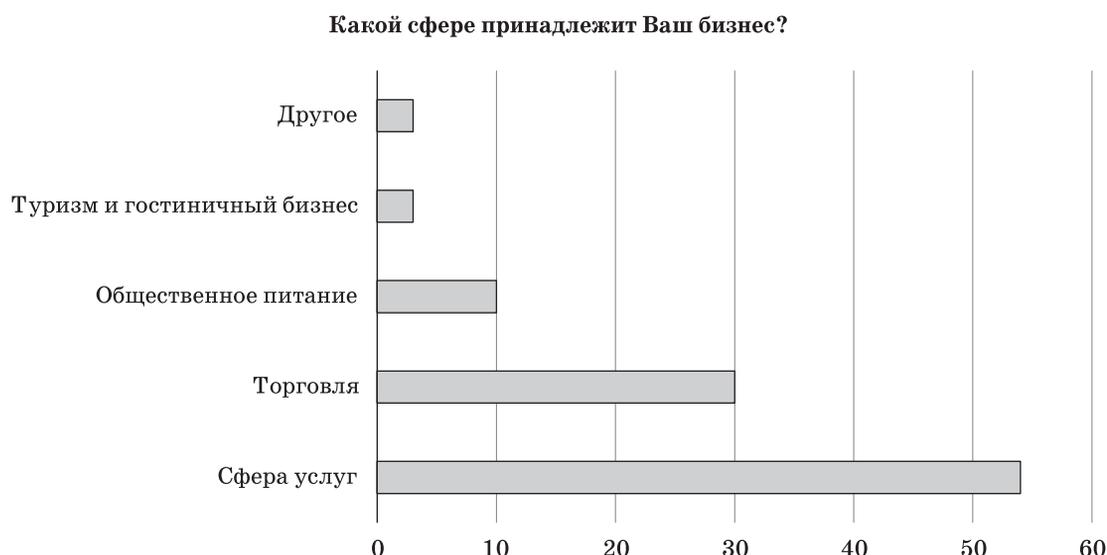
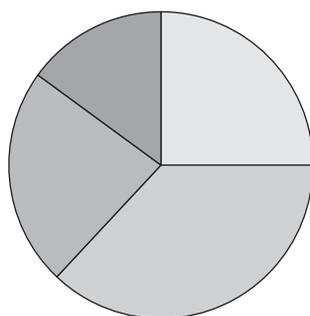

Рис. 3. Отраслевая специфика женского предпринимательства, %
 Fig. 3. Industry specifics of women's entrepreneurship, %

Источник: составлено автором.

Что Вы можете назвать в качестве положительных последствий пандемии COVID-19 для вашего бизнеса?

- Переход на цифровую бизнес-модель — 25
- Расширение онлайн-направлений бизнеса — 37
- Появление альтернативных направлений для развития бизнеса — 23
- Не могу назвать никакие положительные последствия — 15

Рис. 4. Новые возможности от пандемии коронавируса COVID-19, %
 Fig. 4. New opportunities from the COVID-19 coronavirus pandemic, %

Источник: составлено автором.

и открытые границы, что было невозможно в период пандемии [22]. Однако, помимо потерь, пандемия COVID-19 привнесла множество новых возможностей как в предпринимательство в целом, так и в женское предпринимательство в частности [23], о чем свидетельствует рисунок 4.

По результатам исследования большинство опрошенных в качестве положительных последствий от пандемии COVID-19 указали расширение онлайн-направлений реализации бизнеса. Более половины ре-

спондентов перешли на цифровую бизнес-модель и открыли альтернативные направления для развития своего дела. Лишь 15 % оценили влияние пандемии на бизнес как исключительно негативное. Такие результаты демонстрируют высокую способность женщин в бизнесе к адаптации. Об этой их характерной особенности свидетельствует и множество ранее проведенных исследований, но в контексте пандемии коронавируса COVID-19 способности женщин-руководителей принимать верные стратегические ре-

шения и грамотно управлять в кризисных ситуациях вышли на первый план.

Полагаем, высокую адаптивность женщин-предпринимателей к чрезвычайным ситуациям объясняет особый стиль управления. Согласно исследованию, проведенному в июне 2020 г. Московской школой управления «Сколково» и аналитическим центром «НАФИ» [8], по оценкам подчиненных именно женщинам-руководителям присущ демократический стиль управления, а среди мужчин преобладает авторитарный стиль руководства. В современных реалиях развития экономической и социальной жизни общества демократический стиль управления кажется нам более благоприятным и эффективным для развития бизнеса [24].

Заключение

С учетом выявленных барьеров в развитии женского предпринимательства существующая государственная поддержка в этом направлении представляется нам недостаточно эффективной. В рамках решения данной проблемы можно предложить следующие меры:

- создание общероссийского образовательного центра для женщин-предпринимателей с региональными филиалами во всех крупных городах нашей страны, предпо-

лагающего и дистанционные формы обучения. Данная мера решила бы вопрос о доступе женщин к бизнес-образованию и увеличила бы уровень их финансовой и бизнес-грамотности в стране;

- введение в закон о поддержке малого и среднего предпринимательства понятия «женское предпринимательство» и создание специфического подразделения в Министерстве экономического развития РФ, которое бы занималось вопросами регулирования женского предпринимательства [25];
 - введение режима налоговых каникул для одиноких и многодетных матерей, которые ведут бизнес в небольших городах и сельской местности, где вопрос женской безработицы является особенно острым.
- В заключение сделаем вывод о том, что сегодня женское предпринимательство имеет важное значение в экономике любой страны в мире в целом и в экономике России в частности, будучи одним из ресурсов развития сферы малого и среднего бизнеса. Чтобы женское предпринимательство способствовало росту экономики, необходимы выработка специфических форм взаимодействия женщин-предпринимателей с государством и должная эффективная поддержка со стороны органов государственной власти.

Список источников

1. Женское предпринимательство // Опора России: общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства. URL: <http://www.opora.ru> (дата обращения: 07.12.2021).
2. Корсун Т. А. Развитие женского предпринимательства в России на современном этапе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 9. С. 106–114. DOI: 10.21209/2227-9245-2016-22-9-106-114
3. Rinaldi A., Tagliazucchi G. Women entrepreneurs in Italy: a prosopographic study // Business History. 2021. Vol. 63. No. 5. P. 753–775. DOI: 10.1080/00076791.2019.1642325
4. Барсукова С. Ю. Женское предпринимательство: специфика и перспективы // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 75–84.
5. Алгада Х. Женское предпринимательство как предмет научных исследований // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2021. Т. 2. № 1 (47). С. 5–12. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_2_1_5
6. Lagerberg F. Women in business: the path to leadership: International Business Report // Grant Thornton International Business Report 2015. London: Grant Thornton International Ltd, 2015. 20 p. URL: https://www.grantthornton.global/globalassets/1.-member-firms/global/insights/ibr-charts/ibr2015_wib_report_final.pdf (дата обращения: 10.12.2021).
7. Пиньковецкая Ю. С. Развитие женского предпринимательства в России: управленческий анализ // Вопросы управления. 2019. № 2 (38). С. 122–131. DOI: 10.22394/2304-3369-2019-2-122-131
8. Индекс женской предпринимательской активности. 6 волна // НАФИ. 2019. 19 ноября. URL: <https://naf.ru> (дата обращения: 12.12.2021).
9. Марченко В. В. Социальная психология предпринимательства. Ярославль: Международная академия психологических наук, 1996. 214 с.
10. Баженов А. Ю. Женское предпринимательство – перспективный потенциал развития экономики // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 5. С. 1699–1710. DOI: 10.18334/rp/19.5.39062

11. Бессчетнова О. В., Крекова М. М., Арзамасова Е. Л. Женское предпринимательство в России: pro et contra? // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 12. С. 3059–3074. DOI: 10.18334/erp.10.12.111499
12. Уткина Н. Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России // Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 17–28. DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.2
13. Верховская О. Р., Александрова Е. А., Богатырева К. А., Джелепова М. В., Шмелева Э. В. Глобальный мониторинг предпринимательства: национальный отчет. Россия, 2016–2017. СПб.: Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, 2017. 66 с.
14. Humbert A. L., Brindley C. Challenging the concept of risk in relation to women's entrepreneurship // Gender in Management. 2015. Vol. 30. No. 1. P. 2–25. DOI: 10.1108/GM-10-2013-0120
15. Индекс предпринимательской активности женщин // Комитет по развитию женского предпринимательства «Опора России». URL: <https://womanopora.ru/projects/indeks-predprinimatelskoj-aktivnosti-zhenshchin/> (дата обращения: 07.12.2021).
16. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.: утв. распоряжением Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 11. Ст. 1618.
17. Ильиных С. А. Предпринимательство в России: анализ факторов влияния // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С. 153–156.
18. Ahl H., Nelson T. How policy positions women entrepreneurs: A comparative analysis of state discourse in Sweden and the United States // Journal of Business Venturing. 2015. Vol. 30. No. 2. P. 273–291. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2014.08.002
19. Баранова В. А., Земцов С. П., Царева Ю. В. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 92–116. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-92-116
20. Клещина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М.: Проспект, 2017. 143 с.
21. Mompreneur // Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/mompreneur> (дата обращения: 07.12.2021).
22. Симонова Е. В. Женское предпринимательство как фактор роста экономики России // Вестник ОрелГИЭТ. 2018. № 2 (44). С. 177–183.
23. Coleman S. Gender, entrepreneurship, and firm performance: Recent research and considerations of context // Connerley M., Wu J., eds. Handbook on Well-Being of Working Women. Dordrecht: Springer-Verlag, 2016. P. 375–391. DOI: 10.1007/978-94-017-9897-6_22
24. Mari M., Poggesi S., De Vita L. Italian women entrepreneurs: an empirical investigation // 28 Annual Conference of the British Academy of Management, September 9–11, 2014. Belfast: British Academy of Management (BAM), 2014. 31 p.
25. Женщины и мужчины России, 2016: стат. сборник. М.: Росстат, 2016. 208 с. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B16_50/Main.htm (дата обращения: 07.12.2021).

References

1. Women's entrepreneurship. Opora Russia: All-Russian Non-Governmental Organization of Small and Medium Business. URL: <http://www.opora.ru> (accessed on 07.12.2021). (In Russ.).
2. Korsun T.A. Women's entrepreneurship development in Russia today. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Transbaikal State University Journal*. 2016;22(9):106-114. (In Russ.). DOI: 10.21209/2227-9245-2016-22-9-106-114
3. Rinaldi A., Tagliazucchi G. Women entrepreneurs in Italy: A prosopographic study. *Business History*. 2021;63(5):753-775. DOI: 10.1080/00076791.2019.1642325
4. Barsukova S.Yu. Women's entrepreneurship: Specifics and prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 1999;(9):75-84. (In Russ.).
5. Algada Kh. Women's entrepreneurship as a subject of scientific research. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatischev*. 2021;2(1):5-12. (In Russ.). DOI: 10.51965/2076-7919_2021_2_1_5
6. Lagerberg F. Women in business: The path to leadership. Grant Thornton International Business Report 2015. London: Grant Thornton International Ltd; 2015. 20 p. URL: https://www.grantthornton.global/globalassets/1.-member-firms/global/insights/ibr-charts/ibr2015_wib_report_final.pdf (accessed on 10.12.2021).
7. Pinkovetskaia Yu.S. Development of women's entrepreneurship in Russia: Management analysis. *Voprosy upravleniya = Management Issues*. 2019;(2):122-131. (In Russ.). DOI: 10.22394/2304-3369-2019-2-122-131
8. Index of female entrepreneurial activity. 6th wave. NAFI Research Centre. Nov. 19, 2019. URL: <https://nafi.ru> (accessed on 12.12.2021). (In Russ.).
9. Marchenko V.V. Social psychology of entrepreneurship. Yaroslavl: International Academy of Psychological Sciences; 1996. 214 p. (In Russ.).

10. Bazhenov A.Yu. Women's entrepreneurship: Promising potential for economic development. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*. 2018;19(5):1699-1710. (In Russ.). DOI: 10.18334/rp/19.5.39062
11. Besschetnova O.V., Krekova M.M., Arzamasova E.L. Women's entrepreneurship in Russia: Pro et contra? *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2020;10(12):3059-3074. (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.10.12.111499
12. Utkina N.Yu. Objective and subjective factors of women entrepreneurship development in Russia. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve = Woman in Russian Society*. 2017;(1):17-28. (In Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.2
13. Verkhovskaya O.R., Aleksandrova E.A., Bogatyreva K.A., Dzhelepova M.V., Shmeleva E.V. Global entrepreneurship monitor: National report. Russia, 2016-2017. St. Petersburg: Graduate School of Management of St. Petersburg State University; 2017. 66 p. (In Russ.).
14. Humbert A.L., Brindley C. Challenging the concept of risk in relation to women's entrepreneurship. *Gender in Management*. 2015;30(1):2-25. DOI: 10.1108/GM-10-2013-0120
15. Women Business Index. Women's Entrepreneurship Development Committee "Opora Russia". URL: <https://womanopora.ru/projects/indeks-predprinimatelskoy-aktivnosti-zhenshchin/> (accessed on 07.02.2021). (In Russ.).
16. National action strategy for women for 2017-2022. Approved by Decree of the Government of the Russian Federation of March 8, 2017 No. 410-r. URL: <http://static.government.ru/media/files/njlkIvH7WCvOIIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf> (In Russ.).
17. Il'inykh S.A. Entrepreneurship in Russia: Analysis of impact factors. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*. 2015;(2):153-156. (In Russ.).
18. Ahl H., Nelson T. How policy positions women entrepreneurs: A comparative analysis of state discourse in Sweden and the United States. *Journal of Business Venturing*. 2015;30(2): 273-291. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2014.08.002
19. Barinova V.A., Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. Entrepreneurship and institutions: Does the relationship exist at the regional level in Russia? *Voprosy ekonomiki*. 2018;(6):92-116. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-92-116
20. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Gender norms as a socio-psychological phenomenon. Moscow: Prospekt; 2017. 143 p. (In Russ.).
21. Mompreneur. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/mumpreneur> (accessed on 07.12.2021).
22. Simonova E.V. Female business as a factor of economy growth in Russia. *Vestnik OrelGIET = OrelSIET Bulletin*. 2018;(2):177-183. (In Russ.).
23. Coleman S. Gender, entrepreneurship, and firm performance: Recent research and considerations of context. In: Connerley M., Wu J., eds. Handbook on well-being of working women. Dordrecht: Springer-Verlag; 2016. P. 375-391. DOI: 10.1007/978-94-017-9897-6_22
24. Mari M., Poggesi S., De Vita L. Italian women entrepreneurs: An empirical investigation. In: 28th Annu. conf. of the British Academy of Management (Sept. 9-11, 2014). Belfast: British Academy of Management (BAM); 2014. 31 p.
25. Women and men of Russia, 2016: Stat. coll. Moscow: Rosstat; 2016. 208 p. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B16_50/Main.htm (accessed on 07.12.2021). (In Russ.).

Сведения об авторе

Камила Дмитриевна Федорчук

аспирант кафедры экономики
инноваций

Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1,
стр. 46

Поступила в редакцию 11.03.2022
Прошла рецензирование 23.03.2022
Подписана в печать 22.04.2022

Information about Author

Kamila D. Fedorchuk

Postgraduate Student of the Department
of Economics of Innovation

Lomonosov Moscow State University

1-46 Leninskie Gory, Moscow 119991,
Russia

Received 11.03.2022
Revised 23.03.2022
Accepted 22.04.2022

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication
of this article.

Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление»

Журнал издается Санкт-Петербургским университетом технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ) под научно-методическим руководством Отделения общественных наук Российской академии наук с 1995 г.

Российский научный журнал «Экономика и управление» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются экспертными советами по экономике, а также управлению, вычислительной технике и информатике Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства науки и высшего образования РФ при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. В 2009 г. РНЖ «Экономика и управление» удостоен высокого звания лауреата всероссийского конкурса журналистов «Экономическое возрождение России» в номинации «Лучшее специализированное информационно-аналитическое издание по инновационной тематике».

Для публикации в журнале «Экономика и управление» принимаются статьи на русском языке, содержащие описание актуальных фундаментальных технологий, результаты научных и научно-методических работ, посвященных проблемам социально-экономического развития, а также отражающие исследования в области экономики, управления, менеджмента и маркетинга. Предлагаемый материал должен быть оригинальным, не публиковаться ранее в других печатных изданиях, тематически соответствовать профилю журнала.

Обязательные требования к содержанию статей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

Чтобы статья успешно прошла научное рецензирование и была принята для публикации в журнале, она должна иметь следующую структуру.

1. Актуальность проблемы, ее сущность и общественно-научная значимость.
2. Освещение данной проблемы и опыта ее решения в зарубежной и отечественной литературе, анализ законодательства и нормативно-правовой базы (если это в русле авторского замысла).
3. Критический анализ имеющихся в литературе, экономической и управленческой практике подходов к решению проблемы.
4. Научно обоснованные предложения автора по решению проблемы (систематизированное изложение авторской идеи (идей): методов, концептуальных положений, моделей, методик и пр., направленных на разрешение проблемы. Эти взгляды должны быть аргументированы и обоснованы, по возможности подтверждены расчетами, фактами, статистикой и пр. При необходимости в качестве элементов обоснования приводятся формулы, таблицы, графики и др.
5. Краткие выводы, резюмирующие проведенные исследования, отражающие основные их результаты.
6. Научная и практическая значимость материала статьи с изложением рекомендаций (как, где авторские предложения могут быть использованы, что для этого следует сделать) и теоретического развития авторских идей в дальнейшем.

Основные требования к сдаче в издательство рукописей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

1. Статья должна содержать:
 - 1.1. Аннотацию (расширенную; в аннотации должны отражаться цель, задачи, методология, результаты, выводы).
 - 1.2. Ключевые слова (от 5 до 7 слов), разделенные запятой.
 - 1.3. Сведения об авторе: место работы каждого автора (если таковое имеется) в именительном падеже, его должность и регалии, контактную информацию (почтовый адрес, e-mail).

2. Оформление статьи

- 2.1. Объем статьи должен составлять от 0,4 до 1 а. л. (1 а. л. — 40 000 знаков, считая пробелы).
- 2.2. В верхнем правом углу первой страницы статьи должна содержаться информация об авторе: Ф.И.О. (полностью), должность, название организации и ее структурного подразделения, адрес. Ученая степень, ученое звание, почетное звание (если таковые имеются).
- 2.3. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пунктов. Поля: 2,5 — левое и по 2 см — остальные, печать текста на одной стороне листа, оборот листа — пустой. Страницы должны быть пронумерованы.
- 2.4. Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминающихся в статье, расположенные в порядке упоминания в квадратных скобках, и не должен включать в себя работы, на которые в тексте отсутствуют ссылки. Все ссылки в статье, должны быть затекстовыми (расположенными в конце статьи), с указанием в основном тексте порядкового номера источника и упоминаемых страниц. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать страницы: в случаях ссылки на публикацию в журнале, газете, сборнике (периодическом издании) — интервал страниц, а в случаях ссылки на монографию, учебник, книгу — общее число страниц в этом издании.

3. Иллюстративный материал

- 3.1. Рисунки, диаграммы, таблицы и графики должны быть вставлены в текст статьи на соответствующее им место.
- 3.2. Если иллюстрации отрисованы авторами самостоятельно в формате Word или Excel, то не следует заверстывать их в другие программы!
- 3.3. Остальные иллюстрации также присылать только в исходном формате:
 - отсканированные с разрешением на 300 dpi иллюстрации в формате .tif либо .jpg вставляются в текст статьи на соответствующее место и дополнительно отправляются отдельными файлами, не вставленными в текст;
 - иллюстрации из сети Интернет вставляются в текст статьи и дополнительно присылаются отдельными файлами в том формате, в котором были скачаны.
- 3.4. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого.
- 3.5. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

Статья представляется в электронном виде (по электронной почте или на носителе информации) в формате Microsoft Word.

Для получения полной информации о требованиях к публикации просьба обращаться в издательство.

Адрес электронной почты издательства СПбТУиЭ: izdat-ime@yandex.ru

тел.: (812) 449-08-33

Basic Conditions and Requirements for Research Articles Submitted to the Russian Scientific Journal "Economics and Management"

The Basic Requirements to script submissions for publisher of Economics and Management

1. Contents

- Summary should contain the aim, tasks, methods and results of research. Please find the Summary Guidance on Economics and Management web-site
- List of key words should contain 5 to 7 items separated by semicolon
- Information about the author should contain job position, regalia and location using subjective case together with personal details and contact information

2. Layout

- Size should be not less than 0.4 and not more than 1 author's list
- Personal information should be placed in the top right corner of the front page starting with the name, position, regalia, company name with full address, etc.
- Please use the Times New Roman size 14 with 2.5 cm border on the left and 2 cm on the right, top and bottom sides
- List of references should contain bibliography on all publications mentioned in the article. Please use square brackets for numbers in the order of their appearance in the article. The sources not mentioned in the article should not be used in this list. All the references should be positioned at the very end of the article using numbers shown in square brackets with detailed position in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number (s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication

3. Graphics

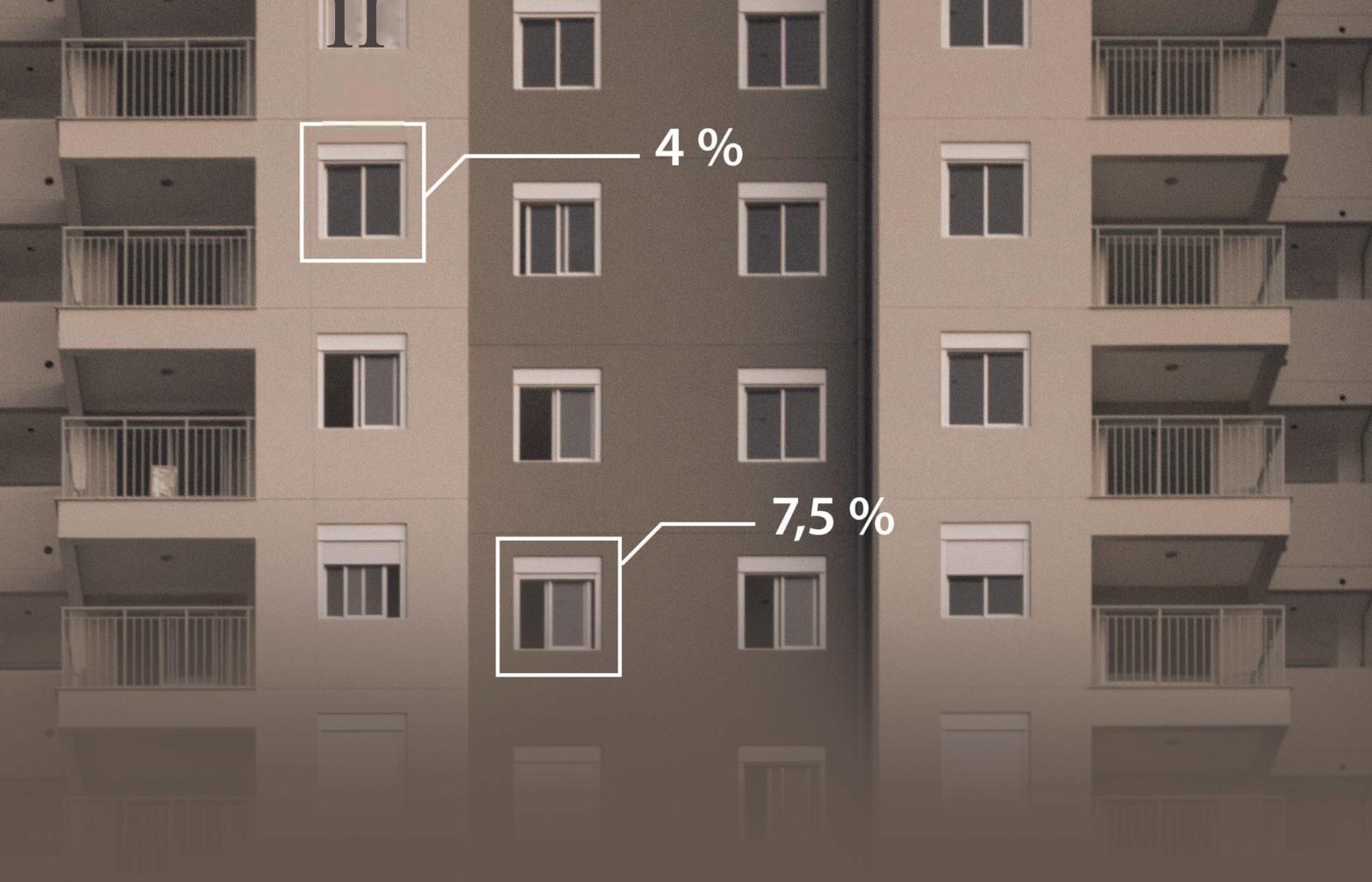
- All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article
- Please use .doc or .exe formats in case illustrations were made by the author personally in the same format
- For all the other illustrations please use the original format
- Illustrations scanned in .tif or .jpg using 300 dpi apart from being placed in the text should be sent separately in attached file
- Illustrations copied from Internet should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format
- The picture in the article should be of the same size as it is shown in original source
- Recommended amount of pictures and illustrations should not exceed three items

**Please send all the articles printed on A4 paper format together
with electronic version using Microsoft Word.
Both versions should be identical.**

Contact Details:
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190103, Russia
Publishing and Printing Center
of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics.

Tel.:
+7 (812) 449-08-33

E-mail:
izdat-ime@yandex.ru

4 %

7,5 %

Economics and Management

ЭКОНОМИКА и управление

российский научный журнал | russian scientific journal

РНЖ «Экономика и управление» издается Санкт-Петербургским университетом технологий управления и экономики под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН с 1995 года. Журнал является одним из ведущих российских научных изданий, в котором публикуются результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам экономики и управления.

Èkonomika i upravlenie

ISSN 1998-1627

9 771998 162780

Журнал «Экономика и управление»

включен в следующие базы научных журналов:

- EBSCO (Business Source Corporate Plus)
- База российских научных журналов на платформе e-library (РИНЦ)
- Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ПОДПИСКА ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ

Индекс в каталоге
АО «Почта России»:
П1922

Индекс в подписном
печатном каталоге ГК
«Урал-Пресс»: 29996

Электронная
подписка:
www.elibrary.ru

По вопросам приобретения обращаться в издательство: (812) 449 08 33